

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 62. 15-го марта 1904 г. Годъ IV.

ТАКЪ ЛИ МЫ ГОТОВИМСЯ?

Самодержавіе задыхается, потому что окружающая его общественно-политическая атмосфера находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ его собственной природой. Историческое оправданіе самодержавія заключалось въ томъ, что оно являлось единственной организаціей, воплощавшей въ себѣ политическіе интересы страны — интересы самосохраненія и развитія государственнаго организма въ его экономической и политической борьбѣ. Общественное развитіе вырвало изъ подъ ногъ самодержавія эту почву, поскольку это развитіе, дифференцируя націю и усложняя отношенія между отдѣльными ея составными частями, создавало новые политическіе интересы, новыя соціальныя потребности. Изъ организатора общества самодержавіе превратилось въ его дезорганизатора, въ препятствіе всякому дальнѣйшему экономическому и культурному прогрессу. Съ этого момента самодержавіе было обречено на гибель.

Искусственно создать на одинъ моментъ вокругъ себя ту общественную атмосферу, которая соотвѣтствовала бы его исторической природѣ, — значитъ для самодержавія продлить свое существованіе.

Въ нынѣшней войнѣ передъ самодержавіемъ предстала соблазнительная перспектива новаго „героическаго" возрожденія въ роли оберегателя „національныхъ интересовъ", въ роли защитника страны отъ внѣшняго врага.

Надо ловить моментъ, моментъ временнаго, искусственно вызваннаго оживленія общественнаго спроса на государственную власть въ ея нынѣшнемъ видѣ. Этотъ моментъ такъ долго ожидался, въ предвкушеніи его такъ много струнъ было натянуто до той степени, когда катастрофа можетъ быть вызвана новымъ легкимъ толчкомъ... Было бы наивностью ожидать, что самодержавіе не воспользуется временнымъ подъемомъ его акцій на внутреннемъ рынкѣ, для попытки отвоевать хотя бы нѣкоторыя изъ позицій, отбитыхъ у него въ предыдущіе дни. И не затѣмъ организовывало оно оргіи „патріотизма", чтобы упустить случай взять хотя бы временный реваншъ въ борьбѣ съ внутренними врагами.

Борьба развившихся въ нѣдрахъ современной Россіи общественныхъ силъ логически неизбѣжно ведетъ къ такому моменту, когда передъ самодержавіемъ встанетъ во всей своей рѣзкости дилемма: или добровольно сойти со сцены, или вызвать эти силы на открытый, безпощадный бой, чтобы, раздавивъ ихъ, попытаться отсрочить на неопредѣленное время ликвидацію своей фирмы. Длительная борьба съ революціонными силами истощаетъ всѣ ресурсы самодержавія. Нѣтъ ничего худшаго для него, какъ *привыканіе* массы населенія къ самому факту политической борьбы, систематически ведущейся въ странѣ. Всѣ устои самодержавія разлагаются, когда населеніе осваивается съ этимъ фактомъ, стоящимъ въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ политической системой, отрицающей въ корнѣ политическую самодѣятельность общественныхъ силъ. Инстинктъ самосохраненія долженъ толкать царизмъ на попытку однимъ сильнымъ кровопусканіемъ ускорить развязку переживаемой нами революціонной борьбы. И тѣмъ скорѣе — тѣмъ лучше для самодержавія, ибо тѣмъ съ меньшимъ рискомъ для него связана будетъ такая попытка, въ которой оно поставитъ на одну карту *все* свое существованіе. Это хорошо понимали наши самодержцы, когда время отъ времени пытались провоцировать насъ на быструю ликвидацію нашей „будничной", такъ глубоко подтачивающей царизмъ, работы. Начиная съ военныхъ судовъ въ Варшавѣ осенью 1900 года, продолжая массовой сдачей студентовъ въ солдаты, жестокимъ избіеніемъ демонстрантовъ 1901 года, розгами фонъ-Валя и процессами противъ демонстрантовъ 1902 года и кончая кишиневской бойней и возвращеніемъ къ военному суду въ Таганрогѣ, — не прекращаются попытки *форсировать* революціонное настроеніе охваченныхъ движеніемъ массъ, чтобы принудить революціонеровъ выйти на открытый бой въ такой моментъ, когда перевѣсъ силъ безусловно на сторонѣ самодержавія. Но самодержавіе уже не могло послѣдовательно проводить политику осаднаго положенія со всѣми его выводами. Не могло потому, что за революціонными организаціями, противъ которыхъ непосредственно обращались его удары, стояли густыя колонны революціонизирующагося класса, всѣмъ вѣсомъ своей массы сдерживающія политическую экспансивность наиболѣе обстрѣливаемыхъ элементовъ. Безумное предпріятіе Боголѣпова, казалось, увѣнчалось успѣхомъ: Карповичъ и Лаговскій грозили начать новую эру революціоннаго единоборчества, новую эру постепеннаго истощенія революціонной энергіи. Но выстрѣлъ Карповича раздался не въ безвоздушномъ пространствѣ. На него отвѣтило громовое эхо рабочей и разночинной толпы, пробужденной предыдущей соціальдемократической агитаціей и только ждавшей сигнала, котораго не рѣшались подать тогдашнія организаціи. Стихійный потокъ увлекъ за толпой ея колебавшихся руководителей — и снесъ — на время — слабые ростки новаго терроризма. Ледъ былъ сломленъ — на „политику" предъявили спросъ широкія народныя массы, и передъ правительствомъ, вызвавшимъ на отчаянный, короткій бой тысячи революціонныхъ студентовъ, оказались десятки тысячъ готовыхъ къ систематической наступательной войнѣ рядовыхъ борцовъ, за которыми прозорливое полицейское око не могло не видѣть быстро формирующіеся новые и новые легіоны. Самодержавіе отступило, и репрессія вернулась къ обычнымъ „будничнымъ" формамъ, къ которымъ такъ искусно приспособилась разрушительная работа русской революціи.

Новые акты „сверхсмѣтной" провокаціи вызвали черезъ годъ покушенія Балмашова, Лекерта и Качура. Нервное настроеніе охватило значительные революціонные круги и на этотъ разъ, казалось, грозило подчинить себѣ всю боевую тактику революціонной арміи. „Терроръ" и „вооруженная оборона" грозили увлечь всю революціонную молодежь. Но соціальдемократія, имѣя за собою годъ массовыхъ проявленій политической борьбы, могла противопоставить „новымъ" увлеченіямъ внушительную силу своего вліянія. Чего не сдѣлала критика литераторовъ, то было додѣлано практикой элементарнаго массоваго движенія. Ростовскіе митинги съ ихъ десятитысячными толпами „призвали къ порядку" рвавшихся отъ массъ революціонеровъ. Началась эра дѣйствительно массовой, хотя и очень еще раздробленной, антицаристской агитаціи, началась болѣе широкая работа по организаціи самихъ „профессіонально-революціонныхъ" элементовъ. Новая „террористическая" полоса прошла, не задѣвъ нашихъ формирующихся кадровъ. Ростовская демонстрація 2 марта и южная всеобщая стачка наградили соціальдемократію за вѣрность принципамъ той тактики, которая создала ея силу и вывела страну изъ состоянія политической дремоты.

„Ростовскіе ноябрьскіе дни нанесли сильный ударъ не только „красному", но и „бѣлому" террору. У самодержавія хватило [illegible]

вооружены и готовы биться на жизнь и смерть; но оно снова и снова опускало руки передъ лицомъ новыхъ, поднятыхъ революціоннымъ плугомъ, пластовъ народной массы. Чтобы преодолѣть все противодѣйствіе, оказываемое его провокаціи энергіей опирающейся на массы революціонной силы, ему нужно было прежде всего создать вокругъ себя хотя бы какую-нибудь сочувственную атмосферу. Наступила пора усиленнаго „хожденія въ народъ" подъ руководствомъ Шаевича и барона Левендаля. Новая неудача! На кишиневскую бойню рабочія массы отвѣтили всеобщей стачкой, смывшей жалкое зданіе зубатовщины и обезцѣнившей въ глазахъ правительства дорогіе эксперименты Вароломеевской ночи. И послѣ всѣхъ этихъ судорожныхъ попытокъ самодержавіе снова стоитъ передъ неуловимой, неистребимой — ибо не могущей быть въ любой моментъ *насильственно* выведенной на открытое поле — революціонной силой, самымъ фактомъ своего существованія подтачивающей существованіе самодержавія. Революціонная агитація стала уже своего рода стихійной силой, которая — даже при отсутствіи всякаго руководства — долго еще продолжала бы свое разрушительное дѣйствіе.

И вотъ теперь, когда самодержавіе, кромѣ своихъ открытыхъ враговъ, видитъ передъ собой не однихъ только равнодушныхъ, когда ряды его „умѣренныхъ" противниковъ порѣдѣли, а вчерашніе бандиты Кишинева, худо ли, хорошо ли, собрали вокругъ себя кое-какіе патріотическіе кадры, — теперь самодержавіе можетъ возобновить попытку посчитаться разъ навсегда съ современнымъ революціоннымъ движеніемъ и, въ первую голову, съ партіей пролетаріата. Оно не можетъ развернуть всѣхъ своихъ силъ въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, которая стала для него борьбой за его существованіе, не задавивъ у себя дома подрывающаго его мощь, его престижъ, его кредитъ, революціоннаго движенія. Оно захочетъ воспользоваться и стихійной паникой, которую вызоветъ рядъ пораженій, и стихійнымъ подъемомъ шовинизма, который удастся ему вызвать на время, если русской арміи достанутся тѣ или иные побѣдные лавры. Воспользоваться, — чтобы всѣми жестокостями, которыя можно совершать подъ прикрытіемъ „военнаго положенія", затопить въ морѣ крови наше движеніе. Всякое политическое проявленіе нашей Партіи будетъ настойчиво толкать его на такую попытку, для повторенія которой исторія ему уже не предоставитъ болѣе благопріятныхъ условій. И въ то же время эта новая попытка будетъ носить *азартный* характеръ, ибо она будетъ совершаться въ такой моментъ, когда *все* населеніе пробудилось къ интересамъ „политики", когда при сколько-нибудь широкомъ развитіи открытой борьбы между реакціей и революціей не будетъ равнодушныхъ, не будетъ стоящихъ внѣ того или другого лагеря; въ такой моментъ, когда какой-нибудь маленькій пробѣлъ въ разсчетѣ (а самодержавіе показало уже, какъ мало оно способно разсчитывать) перебросить въ ряды его враговъ многія тысячи новыхъ адептовъ. Иначе говоря, самодержавіе должно будетъ вызвать насъ на рѣшительный бой при условіяхъ, *которыя могутъ оказаться для насъ, для дѣла революціи, самыми благопріятными. Могутъ оказаться* постольку, поскольку мы окажемся способны *овладѣть* событіями, умѣло лавируя между Сциллой нерѣшительности и Харибдой политической нервозности, поскольку мы съумѣемъ — въ тѣхъ рамкахъ, въ какихъ, вообще, это возможно — заставить врага принять генеральное сраженіе тамъ и тогда, гдѣ и когда это *для насъ* удобнѣе.

Самодержавіе въ опредѣленный моментъ попытается обрушиться на насъ со всей силой своей власти и раздавить рядомъ террористическихъ набѣговъ. Тѣмъ легче это будетъ для него, чѣмъ плотнѣе будетъ его облекать атмосфера шовинистическаго сочувствія, чѣмъ крѣпче окажется толща обывательскаго индефферентизма, отдѣляющаго міръ реакціи отъ міра революціи. Первой задачей нашей, стало быть, является усиленная работа разрушенія этой толщи, работа, которая всячески затрудняла бы уплотненіе шовинистической атмосферы. Чѣмъ успѣшнѣе поведемъ мы эту работу, чѣмъ шире, разностороннѣе и революціоннѣе развернемъ мы свою агитацію, чѣмъ революціоннѣе, т. е. чѣмъ болѣе послѣдовательно соціалистическимъ, будетъ содержаніе этой агитаціи, — тѣмъ затруднительнѣе будетъ образованіе такой реакціонной атмосферы, которая сдѣлала бы для самодержавія психологически и физически мыслимымъ переходъ въ открытое наступленіе. Первой, поэтому, обязанностью всѣхъ партійныхъ работниковъ является самое энергичное развитіе всѣхъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи средствъ агитаціи и пропаганды, а, слѣдовательно, и всѣхъ, доступныхъ намъ, методовъ *организаціи* пролетарскихъ силъ. Громадный вредъ былъ бы нанесенъ нашему дѣлу, если бы въ этотъ именно моментъ мы не сумѣли, благодаря той или другой предвзятой идеѣ, оцѣнить и использовать *всѣ* моменты агитаціи. Большимъ промахомъ, напр., было бы игнорированіе значительно умножаемыхъ „военнымъ положеніемъ" поводовъ для агитаціи на почвѣ непосредственныхъ столкновеній отдѣльныхъ группъ рабочихъ съ капиталистами. Отовсюду идутъ вѣсти объ обостряющемся, подъ вліяніемъ войны, промышленномъ кризисѣ, о растущемъ недовольствѣ самыхъ отсталыхъ рабочихъ массъ. И въ то же время мы получаемъ все больше свѣдѣній, позволяющихъ заключить, что въ глазахъ многихъ товарищей этотъ видъ нашей агитаціи представляется „еретическимъ" пережиткомъ временъ „экономизма". Такъ, два члена Николаевскаго Комитета въ своемъ особомъ мнѣніи къ резолюціи своего комитета готовы, повидимому, усмотрѣть „возвращеніе къ идеямъ credo" въ сдѣланномъ имъ Г. В. Плехановымъ (въ № 53 „Искры"), напоминаніи, что голое отрицаніе „экономической" борьбы такъ же мало приличествуетъ соціальдемократу, какъ и самый „экономизмъ"... А одесскіе товарищи, какъ намъ пишутъ, отказываютъ рабочимъ отдѣльныхъ профессій въ выпускѣ „спеціальныхъ" листковъ къ данному цеху на томъ основаніи, что это было бы „экономизмомъ". Мы еще разъ обращаемъ вниманіе всѣхъ товарищей на необходимость борьбы со всѣми подобными увлеченіями.

Чѣмъ больше мы успѣемъ въ дѣлѣ умѣлой и принципіально-выдержанной агитаціи, тѣмъ легче будетъ наша задача въ тотъ моментъ „начала конца" самодержавія, который можетъ наступить скорѣе, чѣмъ всѣ мы думаемъ. Мы обязаны напречь всѣ свои силы, чтобы къ наступленію этого момента наша агитація проложила пути во всѣ слои начинающей пробуждаться народной массы, чтобы нами были завязаны крѣпкія организаціонныя связи со всѣми революціонными элементами пролетаріата и смежныхъ съ нимъ и способныхъ поддаться его воздѣйствію классовъ. Для достиженія этой цѣли, намъ нужно соблюдать величайшую экономію въ тратѣ нашихъ силъ, намъ нужно научиться, наконецъ, утилизировать всѣ имѣющіяся въ нашихъ рукахъ средства. Всякая „расточительность" въ этомъ отношеніи, готовность, во имя того или другого чисто-формальнаго организаціоннаго принципа легко, разрушить то, что, несмотря на всѣ наши великія прегрѣшенія, намъ удалось создать въ дѣлѣ партійной организаціи, всякая легкомысленная игра въ новые „расколы" [illegible]

формальныхъ принциповъ — свободной коллективной иниціативы въ главномъ нашемъ дѣлѣ революціонизированія рабочихъ массъ и организаціи ихъ авангарда являются въ данный критическій моментъ особенно вредными. Всякое стремленіе добиваться однородности и отсутствія всякихъ „разногласій" внутри организаціи путемъ систематическаго „отсѣченія" несогласно мыслящихъ или ихъ приведенія къ тому знаменателю, при которомъ они „лишились бы возможности" кого то „подсиживать", иначе говоря, путемъ постояннаго дробленія организованныхъ силъ, повело бы къ полному обезсиленію нашей партіи, къ полной потерѣ ею способности явиться дѣятельнымъ, умѣлымъ и серьезнымъ *руководителемъ массъ*.

И для чего могли бы понадобиться *такіе* методы партійной политики? Для огражденія „строго ортодоксальнаго" характера нашей партіи? Но всякій, неослѣпленный упорнымъ созерцаніемъ одной свѣтящейся точки и не оглушенный трескомъ лишенныхъ всякаго содержанія формулъ, долженъ — хотя бы на примѣрѣ приводимыхъ въ другомъ мѣстѣ прокламацій нашихъ руководящихъ организацій — убѣдиться, какъ мало гарантій „ортодоксальности" можетъ дать эта безжизненная, хотя и очень „твердая" система. Подъ „знакомъ" вполнѣ ортодоксальной программы въ нашей партіи начинаютъ развиваться элементы, которые, несмотря на усвоенную ими революціонную фразеологію или благодаря именно ей, грозятъ положить начало новому виду вульгаризаціи соціализма, доходящей до утраты всякаго соціалистическаго содержанія. Главной гарантіей „ортодоксальности" нашей партіи должно служить всестороннее революціонное развитіе нашей политической *практики*, нашей работы пропаганды, агитаціи и организаціи. Только упражняя свои силы во все развивающейся политической дѣятельности, организующей и углубляющей классовую борьбу, наша, по необходимости, „заговорщическая" по формѣ организація можетъ успѣшно противоборствовать тѣмъ стихійнымъ факторамъ, которые, замыкая ее въ подпольѣ кружковщины, стремятся превратить самое жизненное теоретическое міровоззрѣніе ея членовъ въ сухую абстракцію, внѣшнимъ образомъ пришпиленную къ политической *психологіи* вульгарно-соціалистическаго пошиба. И все, что задерживаетъ развитіе *такой* политической дѣятельности, все, что мѣшаетъ концентраціи всѣхъ, накопленныхъ прошлымъ нашей партіи, силъ на дѣлѣ активной агитаціи и организаціи, — тѣмъ самымъ подтачиваетъ ту самую „ортодоксальность" нашего движенія, ради прекрасныхъ глазъ которой примѣняются эти методы. И если — пока! — вѣроятно, только крайней непродуманностью подсказаны заключительныя строки одной изъ первыхъ прокламацій нашего Ц. К. („Ко всѣмъ гражданамъ" январь 1904 г.), обѣщающаго, что „... передъ алтаремъ народной свободы почтительно *склонитъ свое боевое красное знамя* единая Росс. Соц.-Дем. Раб. Партія", — то, можно опасаться, что слишкомъ усердное примѣненіе *оперативныхъ* методовъ обереганія нашей „ортодоксальности" обезсилитъ нашу партію до того, что она и *впрямь вынуждена будетъ* „почтительно" опустить передъ буржуазной свободой свое знамя тогда именно, когда получитъ возможность развернуть его передъ всей страной!

Думаютъ еще, что „централизація" въ той специфической формѣ, которая требуетъ, чтобы въ партіи не было „постоянныхъ, устойчивыхъ различныхъ теченій", не было „опредѣленнаго дѣленія на соперничающія большинство и меньшинство" (какъ требуютъ представители трехъ уральскихъ комитетовъ въ присланномъ ими редакціи весьма интересномъ письмѣ), — думаютъ, что такая самобытная централизація спеціально нужна для цѣлей выработки „строго-законспирированной" организаціи, которая могла бы „подготовить всероссійское возстаніе". Но если методы созданія такой организаціи сами въ себѣ таятъ опасность пренебреженія живымъ дѣломъ агитаціи *въ массахъ* и организаціи *массъ* и, тѣмъ самымъ, атрофируютъ политическія способности самихъ руководителей, то не менѣе того они грозятъ замѣнить тотъ „естественный отборъ" конспиративно-революціонныхъ способностей, который дается, худо ли, хорошо ли, живымъ соревнованіемъ равноправныхъ и равноактивныхъ товарищей, „искусственнымъ" отборомъ, не всегда совершаемымъ умѣло и успѣшно. Товарищи хорошо знаютъ, что — по ироніи судьбы — съ того времени, какъ мы начали „вплотную" заниматься „выработкой строго-конспиративной организаціи", нѣкоторыя важныя техническо-конспиративныя функціи нашей партійной работы стали выполняться изъ рукъ вонъ плохо. И, разумѣется, такая искусственно „подобранная" организація, оказавшаяся не въ состояніи справиться съ обыденными задачами конспиративной техники, едва ли сможетъ воспитаться для такой „экстренной" задачи, какъ „подготовка всероссійскаго возстанія".

Да и о какой „подготовкѣ возстанія", вообще, можетъ идти рѣчь у нашей партіи? Съ прискорбіемъ приходится констатировать, что среди нашихъ товарищей начинаютъ замѣтно проявляться чисто-утопическія воззрѣнія на этотъ вопросъ, грозящія очень далеко отвести ихъ отъ русла классовой борьбы пролетаріата. Говорятъ о „подготовкѣ возстанія" въ смыслѣ прямого *заговора*, сфабрикованнаго „строго-конспиративной организаціей" такъ, какъ, примѣрно, фабриковали ихъ нѣкогда французскіе революціонеры 40-хъ и 60-хъ годовъ прошлаго вѣка. Чѣмъ больше суживается въ сознаніи иныхъ товарищей представленіе о текущихъ *политическихъ* задачахъ нашей партіи, чѣмъ больше проявляютъ они *на практикѣ* склонность пассивно мириться съ „бѣдностью и несовершенствомъ" нашей ежедневной работы, и ея поразительной — ничуть не меньшей, чѣмъ во времена экономизма, — отсталостью, по сравненію съ требованіями, которыя предъявляются стихійно подымающимися массами, — тѣмъ усиленнѣе обращаются ихъ помыслы къ той свѣтлѣйшей точкѣ, которая представляется имъ въ видѣ сфабрикованнаго въ подпольѣ „строго-конспиративной организаціи" и по приказу „властнаго центра" приведеннаго въ дѣйствіе возстанія. Между убожествомъ нынѣшняго дня и этой свѣтящейся вдали точкой не перекинутъ мостъ реально представляемой и реально осуществляемой во все болѣе широкомъ масштабѣ политической работы. Сегодня, завтра и послѣ-завтра одно „закрѣпленіе" однихъ и тѣхъ же результатовъ, достигнутыхъ неизбѣжной въ свое время борьбой — закрѣпленіе путемъ все новыхъ „расколовъ", путемъ постоянной отсрочки въ выполненіи самыхъ неотложныхъ работъ, а тамъ — когда-то — откуда-то появится изъ одного куска вылитая „строго-конспиративная организація", которая „вдругъ" поведетъ на штурмъ въ назначенный день и часъ массы пролетаріевъ. И вы не думаете, что — если бы такое чудо и совершилось — къ этому моменту между „конспиративнымъ ядромъ" и этими массами не окажется никакихъ промежуточныхъ звеньевъ, черезъ которыя передалась бы имъ энергія революціоннаго призыва? Что въ такого рода „строго-законспирированной" организаціи не окажется ни достаточно свѣтлыхъ политическихъ головъ, ни достаточно крѣпкихъ рукъ, чтобы она могла выступить въ роли дѣйствительнаго народнаго вождя?

Соціальдемократія можетъ „подготовить возстаніе" только [illegible]

какъ она ни важна, должна быть рѣшительно подчинена политической сторонѣ этого дѣла. А политическая подготовка нашей партіи и всего сознательнаго пролетаріата къ вполнѣ возможному возстанію должна заключаться опять-таки въ углубленіи и расширеніи агитаціи, въ упроченіи и развитіи организаціи всѣхъ революціонныхъ элементовъ пролетаріата. Только такая работа будетъ развивать силы какъ пролетарской партіи, а тѣмъ самымъ укрѣплять наше вліяніе на народныя массы и повышать наше революціонное „самочувствіе" въ той мѣрѣ, какая необходима для сознательной и рѣшительной постановки новыхъ и новыхъ, все болѣе смѣлыхъ и рискованныхъ практическихъ задачъ. Всѣ вопросы о *формѣ* организаціи, о *методахъ* объединенія и координированія нашей текущей работы должны разрѣшаться такъ, чтобы ни на минуту не задерживалось развитіе этой политической въ полномъ смыслѣ слова дѣятельности партіи. Политическая организація, которая, передъ лицомъ надвигавшихся уже грозныхъ событій, сосредоточилась бы на тщательномъ процѣживаніи комаровъ сквозь сито своей якобы „ортодоксальной" нетерпимости, попала бы въ самое смѣшное положеніе. Революціонеры, думающіе о подготовкѣ возстанія и начинающіе съ „подготовки" раскола между связанными единствомъ программы частями партіи, оказались бы просто революціонными фразерами. Вмѣсто того, чтобы, какъ это дѣлаютъ вышецитированные уральскіе товарищи, думать о подготовкѣ для пролетаріата якобы нужныхъ ему на случай возстанія „диктаторовъ", надо начать *проявлять* себя въ роли сознательныхъ и отвѣтственныхъ политическихъ дѣятелей. Масса агитаціонныхъ и организаціонныхъ задачъ стоитъ передъ нами, и безъ успѣшнаго выполненія этихъ задачъ мы, какъ бы мы ни „централизовали" себя въ своемъ собственномъ представленіи, не окажемся способны даже *вызвать* наступленіе рѣшительнаго момента въ борьбѣ съ царизмомъ, не то, что овладѣть имъ. Эта масса задачъ можетъ быть выполнена только при тѣсномъ сплоченіи всѣхъ соціал-демокр. силъ. Такое сплоченіе можетъ быть достигнуто только добровольнымъ сотрудничествомъ во всѣхъ партійныхъ организаціяхъ представителей различныхъ „оттѣнковъ" одной и той же революціонной соціальдемократіи. Политическое руководство этой дружной работой достанется только тѣмъ дѣятелямъ, которые проявятъ больше всего таланта, больше всего такта, больше всего энергіи въ дѣлѣ организаціи классовой борьбы, въ дѣлѣ объединенія и систематизированія ведущейся по всей площади движенія революціонной агитаціи.

МУДРЫЯ ПТИЦЫ.

„Ужъ сколько лѣтъ твердили міру, что лесть гнусна, вредна", и однако и до сихъ поръ, и теперь болѣе чѣмъ когда-либо прежде, либеральныя вороны не могутъ не выронить своего крошечнаго кусочка либеральнаго сыра, лишь только лисицы реакціи начнутъ хоть чуть-чуть похваливать ихъ носикъ, перышки и, въ особенности, голосокъ. Правда, вороны бываютъ разной степени добродѣтели. Иныя оказываются не въ силахъ устоять при первомъ же замѣтѣ игривыхъ лисьихъ глазокъ, другія — дѣлаютъ отчаянныя усилія въ борьбѣ со своимъ податливымъ сердцемъ. Но какъ бы то ни было, сердце не камень, и нѣтъ такой вороны, которая устояла бы до конца противъ всѣхъ нѣжныхъ приступовъ лисы и рано или поздно не каркнула бы „во все воронье горло".

Это истина настолько старая и настолько очевидная для всякаго, хоть немножко знакомаго съ исторіей развитія либеральнаго вороньяго рода со времени героической эпохи его — великой французской революціи, — что не надо было обладать даромъ пророчества, чтобы предсказать, что и нашъ россійскій либерализмъ не преминетъ „каркнуть" именно въ ту минуту, когда его гражданскія доблести будутъ призваны совершить наконецъ свои великіе подвиги во славу народнаго „освобожденія".

И если въ ту достопамятную эпоху, когда отчаянные удары борцовъ Народной Воли поколебали тронъ самодержца и подали надежду на возможность превращенія конституціонныхъ „мечтаній" въ конституціонное дѣло, политическая добродѣтель либераловъ не устояла передъ ухаживаніями „диктатуры сердца" и позволила имъ совершенно явственно „каркнуть" о своей полной готовности искоренять крамолу и крамольниковъ въ дружественномъ сотрудничествѣ съ „ненавистнымъ" самодержавіемъ, то нѣтъ, конечно, никакой причины изумляться, что теперь, когда война, обостривъ переживаемый страною внутренній политическій кризисъ, потребовала отъ всѣхъ участниковъ политической жизни рѣшительнаго отвѣта на выдвинутые ею вопросы, отвѣта не только словомъ, но и дѣломъ, — нѣтъ причины изумляться, что и теперь либеральная ворона не обнаружила той непреклонности сердца, которая не дарована ей историческими судьбами, и что, разинувъ свое „горло", она не могла запѣть иначе, какъ... по вороньи. Если что и изумительно, то только та чрезмѣрная, можно сказать, податливость, которую обнаружила въ данномъ случаѣ почтенная птица. Можно быть увѣреннымъ, что даже крыловская ворона нашла бы такую степень сердечной слабости нѣсколько шокирующею.

Нѣтъ сомнѣнія, что, если когда либо либеральные „отцы" имѣли случай показать непочтительнымъ революціоннымъ „дѣтямъ" образецъ мужественной „мирной" борьбы за свободу, то именно теперь. Задыхающееся въ тискахъ его же политикой вызванныхъ несчастій, самодержавіе безпомощно размахиваетъ руками во всѣ стороны, ища хоть какой-нибудь опоры. Вчера еще казацкими нагайками разгонявшее народныя „скопища", оно сегодня само зоветъ манифестантовъ на улицу, пытаясь опереться на ту самую „толпу", которая до сихъ поръ не упоминалась правительственными устами иначе, какъ съ прибавленіемъ эпитета „безчинствующая" и съ перечисленіемъ убитыхъ, раненыхъ, арестованныхъ. Устами своихъ продажныхъ газетъ оно начинаетъ восхвалять ту самую „европейскую культуру", которая до сихъ поръ только едва терпѣлась на задворкахъ россійской самобытности и состояла подъ усиленнымъ надзоромъ; оно пытается рядиться въ плащъ борца за „цивилизацію" „гнилого" Запада противъ „азіатскаго варварства". А давно ли съ цинизмомъ, почти граціознымъ, царскій лейбъ-газетчикъ, князь Ухтомскій, провозглашалъ, что „мы — азіаты?" Нынѣ же, даже спеціальный органъ политическаго сыска, „Московскія Вѣдомости", торжественно возвѣщаютъ всему міру, что „можно имѣть разныя политическія программы и идеалы... Можно принадлежать къ разнымъ политическимъ партіямъ, потому что формы правленія въ мірѣ разнообразны". Эти истины, неслыханныя въ устахъ ищейки, даже къ безобиднымъ „Русскимъ Вѣдомостямъ" пристававшей съ упорнымъ вопросомъ: „како вѣруешь?" свидѣтельствуетъ о совершенно исключительномъ нервномъ разстройствѣ правящей клики. Еще большимъ свидѣтельствомъ служатъ игривыя мелодіи „Новаго Времени" и другихъ рептилій на тему о грядущемъ внутреннемъ „обновленіи", о благодѣтельномъ вліяніи войны на ходъ „реформъ". Цѣлыя передовицы посвящаются даже доказательствамъ того, что не нужно вовсе превращенія Портъ-Артура въ новый Севастополь для водворенія въ Россіи конституціонной „весны", что „весна" и такъ будетъ, непремѣнно будетъ. Наконецъ, и самъ коронованный недоросль, привыкшій выражаться лишь нечленораздѣльными звуками, заговорилъ, по счастливому выраженію „Петербургскихъ Вѣдомостей", „въ краткой, *но вполнѣ* вразумительной формѣ", и заговорилъ, чтобы произнести дифирамбъ печати и поощрять ее говорить „правду, только правду". Это необычайное явленіе — что царь заговорилъ въ „вполнѣ вразумительной формѣ" — должно было и самымъ недогадливымъ внушать мысль, что недаромъ самодержавная лиса, сдерживая свои пло- [illegible]

„честное слово". Увы! Фантазіи не суждено было воплотиться въ дѣйствительность. Если „улица", хоть и подобранная спеціально по части смѣна и вѣрноподданности, оказалась слишкомъ близкой, физически близкой, къ той неправильной, грудящейся „улицѣ", которая по части благонамѣренности состоитъ въ великомъ подозрѣніи, слишкомъ близкой, чтобы опасность заигрыванія съ нею сейчасъ же не дала себя знать самымъ чувствительнымъ образомъ, то ворона оказалась только вороной и ничѣмъ больше. По обыкновенію, въ тотъ самый моментъ, когда могучая волна историческихъ событій сразу вознесла русскую политическую жизнь на необычайную высоту, обострила и выдвинула въ самой рѣзкой формѣ коренной русскій вопросъ о борьбѣ съ самодержавіемъ, въ тотъ самый моментъ, когда можно и нужно было сказать наконецъ свое „смѣлое и честное слово" и сказать не въ потайныхъ апартаментахъ дворца, а всенародно, въ этотъ самый моментъ либералы даже самой высокой марки не нашли ничего лучшаго, какъ шмыгнуть въ подворотню. Мало того. Они не нашли въ себѣ даже простого гражданскаго „мужества", чтобы молчать. Они заговорили. И языкъ ихъ былъ языкъ рабовъ. Предательство, измѣна дѣлу свободы, той самой свободы, на алтарь которой вышеупомянутые герои либерализма приносили торжественныя аннибаловы клятвы, началось по всей линіи и достигло такихъ размѣровъ, передъ которыми не устоялъ даже штуттгартскій рыцарь безъ страха и упрека. „Да здравствуетъ армія!" каркнула мужественная ворона и на крайній случай оставила себѣ про запасъ „простое и выразительное — долой фонъ Плеве!" Это каркнуто дѣйствительно „въ мѣру" вороньяго мужества и доблести, и „попадаетъ" въ завѣтную „цѣль" — „совѣщаній" съ этимъ самымъ „фонъ Плеве" „о государственныхъ дѣлахъ" и „смѣлыхъ словъ" въ Зимнемъ Дворцѣ. И поистинѣ не велики та „скорбь и обида", которую г. Струве сначала хотѣлъ „молча перестрадать", а затѣмъ излилъ публично, и все по той простой причинѣ, что его „учителя", гг. Стасюлевичъ и Арсеньевъ — перевели его первобытное карканье — „да здравствуетъ армія" на „простое и выразительное" и къ тому же „вполнѣ вразумительное" — „да здравствуетъ самодержавіе". Либеральный кусочекъ сыра одинаково вываливается изо рта и въ томъ и въ другомъ случаѣ, и если для гг. Стасюлевича и Арсеньева подношеніе рабскаго „всеподданнѣйшаго" адреса и составляло конечную „мѣру" ихъ гражданскаго мужества, то вѣдь вопросъ о „мѣрѣ" есть вопросъ частный, второстепенный, о которомъ можно спорить. Къ тому же „учителя" г. Струве — вороны старыя и умудренныя опытомъ и не безъ основанія могутъ полагать, что, вступивъ на путь податливости, и ихъ непреклонный „ученикъ" современемъ начнетъ говорить „вполнѣ вразумительно" и нѣсколько измѣнитъ свою „мѣру" вещей. Тѣмъ съ большимъ основаніемъ могутъ они это полагать, что уже и теперь, при всей глубинѣ своей „скорби", г. Струве спѣшитъ заявить, что „цѣлованіе самодержавной десницы „конечно не измѣна убѣжденіямъ". Въ этомъ драгоцѣнномъ признаніи заключается дѣйствительная „мѣра" вороньихъ „убѣжденій", ни къ чему кромѣ „словъ" не обязывающихъ; словъ, хотя бы ужъ не „честныхъ и смѣлыхъ", ибо конечно поднесенный гг. Стасюлевичемъ и Арсеньевымъ адресъ петербургскаго земства врядъ ли кто-нибудь въ мірѣ сможетъ признать „смѣлымъ", а тѣмъ паче „честнымъ". Г-ну Струве — „нельзя молчать". Нѣтъ, ему необходимо заговорить и указать „патріотическому чувству" гг. Стасюлевичей и Арсеньевыхъ ту подворотню, въ которой оно можетъ какъ нибудь прикрыть свой позоръ отъ „простого" народа и не вызывать слишкомъ ужъ скандальныхъ для столповъ либерализма похвалъ „Московскихъ Вѣдомостей". Онъ рекомендуетъ имъ „кормить и грѣть зябнущихъ, лѣчить больныхъ и раненыхъ". Указывая эту лазейку, участвуя въ „сокрытіи слѣдовъ преступленія" либеральныхъ воронъ передъ народомъ, не является ли г. Струве косвеннымъ участникомъ самого преступленія, и далеко ли отъ этого укрывательства до прямого пособничества? А тогда не окажется ли правъ г. Арсеньевъ, „на внутреннихъ обозрѣніяхъ" котораго г. Струве „получилъ свое политическое образованіе!"

Еще большія надежды въ этомъ отношеніи подаетъ г. „Земскій гласный Т.", тотъ самый „непреклонный" воитель либерализма, который и сапогъ не успѣлъ еще износить съ тѣхъ поръ, какъ кричалъ, что, „не останавливаясь передъ жертвами, мы должны энергичнымъ протестомъ показать... мы должны засвидѣтельствовать свою солидарность съ политическими цѣлями революціонеровъ" и пр. и пр. Г. Т. тоже впалъ было въ „отчаяніе", увидѣвши, что въ „кораблѣ его надеждъ" обнаружилась такая огромная „брешь" измѣны и предательства. Но воронье сердце манило его отыскать въ этой „бреши" — „пшеницу естественнаго и здороваго національнаго чувства", и онъ нашелъ ея столько, что „плевелъ", въ сущности, почти не оказалось. Все дѣло въ томъ, что мужественные рыцари либерализма втеченіе своей продолжительной героической борьбы все еще не удосужились „найти новыя формы" для своего „энергичнаго протеста". Только это несчастное обстоятельство и заставило ихъ „засвидѣтельствовать свою солидарность" съ революціонерами въ „шаблонной, вѣками установленной формѣ"... „припаданія къ стопамъ державнаго вождя!" И съ радостью спѣшитъ г. Т. „засвидѣтельствовать" свое твердое „убѣжденіе", что „многіе изъ *колѣнопреклоненныхъ* подданныхъ были и останутся *непримиримыми* врагами самодержавія". Мигъ одинъ, и соблазнительная картина колѣнопреклоненной „непримиримости" безповоротно увлекаетъ земскаго Баяна на путь того самаго карканья, которое только что приводило его въ „отчаяніе". Онъ уже рѣшаетъ „отложить до болѣе благопріятнаго момента все хоть сколько нибудь спорное", въ томъ числѣ и вопросъ „о причинахъ войны" и „тему — нужна ли Россіи Манчжурія"; онъ отказывается „оспаривать цѣлесообразность денежныхъ ассигновокъ" на войну. Онъ требуетъ лишь, чтобы либеральныя вороны „приняли на себя обязательство энергически добиваться его (народа) освобожденія *послѣ окончанія войны*". Спрашивается, если въ листкѣ г. Струве разрѣшается всѣмъ „непримиримымъ" земскимъ воронамъ пребывать „колѣнопреклоненными" до самого окончанія войны, т. е. вплоть до того момента, когда имъ не нужно будетъ самимъ *становиться* на колѣни по той простой причинѣ, что къ тому времени лисица перестанетъ говорить комплименты и сможетъ *поставить* ихъ на колѣни, если онѣ сами того „добровольно" не пожелаютъ, то чѣмъ же провинились гг. Арсеньевъ и Стасюлевичъ? Неужели только тѣмъ, что избрали для своего предательства „шаблонную форму"? „Послѣ", о, послѣ они, разумѣется, ополчатся на брань за свободу, и притомъ непремѣнно самымъ „энергичнымъ" образомъ! Только не теперь, когда они, вмѣстѣ съ г. Струве, проникнутые сознаніемъ „огромной важности обдуманнаго поведенія", вмѣстѣ съ нимъ считаютъ „острые и воинствующіе лозунги — неумѣстными, и вмѣстѣ съ нимъ же желаютъ встать „твердой ногой" на ту „общую почву", которая создалась у нихъ, благодаря „національной бѣдѣ", съ „массой равнодушныхъ людей".

Шаблонная форма! Да, за нее не только не нужно сердиться г. Струве, но, пожалуй, и лучше, чтобы вороны каркали въ „формахъ", издревле для того установленныхъ. Это дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, всякое недоразумѣніе немыслимымъ и избавляетъ добрыхъ людей отъ заблужденія. Увидя „колѣнопреклоненную" ворону, конечно, только земскій гласный Т. приметъ ее за „непримиримаго врага самодержавія" и возложитъ на нее свои свободолюбивыя надежды. Но не всегда вороны бываютъ такъ просты; вороватость — не послѣднее изъ прекрасныхъ свойствъ, присущихъ мудрой птицѣ, и нѣтъ числа тѣмъ „новымъ формамъ", въ которыя она облекаетъ свое предательское карканье. Гг. Струве и земскій гласный Т., не чуявшіе грозы негодованія въ своихъ „учителей", показали уже намъ „какъ это дѣлается". А вотъ, если вѣрить „Гражданину", гг. либеральные земцы добиваются отсрочки губернскихъ собраній по продовольственному дѣлу, ибо „никто не рѣшится въ такое время выступать [illegible] и „представители народа предпочтутъ не являться на собраніе". Если это такъ — и естественная исторія вороньяго рода заставляетъ думать, что это именно такъ, — [illegible] оказывается на лицо не только предварительное укрываніе своего собственнаго вѣроломства, но и признаніе полнѣйшей невозможности для вороны удержаться отъ карканья, лишь только ее начнетъ раззадоривать лиса, и одна изъ столь желанныхъ „новыхъ формъ" того же стараго предательства. Сказаться „въ нѣтяхъ", когда жизнь требуетъ къ отвѣту, значитъ предать то дѣло, которому якобы служишь. И не нужно думать, что „формы" эти вообще столь просты и однообразны. Мы присутствуемъ только при началѣ повальнаго „карканья". Идутъ другіе, болѣе бурные, болѣе боевые дни, дни революціи, которые потребуютъ рѣшительныхъ дѣйствій и подлинныхъ, а не игрушечныхъ жертвъ. Эти дни однимъ ударомъ сметутъ всѣ подворотни, разрушатъ всѣ лазейки, сорвутъ всѣ покровы, которыми можетъ маскироваться предательство въ наше время, лишь предвѣщающее грозный часъ подведенія политическихъ итоговъ царскаго хозяйства. Тогда всѣ участники политической жизни должны будутъ, хотятъ они того или нѣтъ, сказать открыто и прямо свое слово. И тогда многія, многія изъ тѣхъ воронъ, которыя теперь еще крѣпятся въ борьбѣ со своимъ блудливымъ сердцемъ, которыя подчасъ даже и сами начинаютъ искренно любоваться своею твердостью, многія и многія изъ нихъ не выдержатъ рѣшительнаго испытанія и каркнутъ свое „да", когда народъ скажетъ „нѣтъ".

Рабочій классъ долженъ предвидѣть это и заранѣе учитывать истинную мѣру тѣхъ надеждъ и упованій, какія онъ можетъ возложить на неустрашимыхъ борцовъ либерализма и демократіи всѣхъ оттѣнковъ. Онъ долженъ знать, что вороны каркать будутъ во всякомъ случаѣ, и только отъ силы пролетаріата будетъ зависѣть не дать этому карканью погубить дѣло свободы. Война, съ вызваннымъ ею обостреніемъ постановки всѣхъ политическихъ вопросовъ, должна послужить политическому воспитанію рабочаго класса. Зорко и внимательно долженъ онъ слѣдить за всѣми изгибами политической жизни, долженъ пріучить слухъ свой различать воронье карканье и въ заглушающемъ его стройномъ аккордѣ самыхъ нѣжныхъ звуковъ. И главное, онъ долженъ съ неослабной энергіей вести свою собственную политическую кампанію, не смущаясь ни злобнымъ завываніемъ реакціонныхъ шакаловъ, ни нѣжными мелодіями либерально-демократическихъ сиренъ.

Гг. Стасюлевичъ и Арсеньевъ и всѣ, иже съ ними, своимъ „патріотическимъ" пыломъ заслужили полное одобреніе и „всемилостивѣйшаго" монарха, и цѣпныхъ псовъ московскаго Страстного бульвара. Г. Струве не такъ посчастливилось, ибо онъ жеманится и каркаетъ пока лишь вполголоса, между тѣмъ какъ спросъ предъявленъ на чувства „безпредѣльныя". „Московскія Вѣдомости" жестоко обругали его, и можно себѣ представить, что г. Струве чувствуетъ себя теперь мученикомъ и великимъ воителемъ свободы. Но, пожалуй, въ душѣ его народился ужъ и червь сомнѣнія, не слишкомъ ли мало пшеницы здороваго національнаго чувства" предъявилъ онъ, точно ли „въ мѣру" каркнулъ[1].

Но рабочій классъ во всякомъ случаѣ не убоится тѣхъ „острыхъ и воинственныхъ лозунговъ", которыхъ побоялись рыцари либерализма и демократіи. Пролетаріатъ не испугается и лицемѣрныхъ упрековъ Угрюмъ-Бурчеевыхъ, упрековъ въ „измѣнѣ отечеству и народу русскому". Не испугается потому, что слишкомъ хорошо умѣетъ отличать отечество отъ терзающей его шайки хищниковъ, и слишкомъ хорошо знаетъ, что служеніе самодержавной кликѣ есть худшій видъ измѣны отечеству и народу. И потому-то, во имя существованія отечества и народа, „до послѣдняго человѣка" долженъ пролетаріатъ пойти на штурмъ твердыни деспотизма, пошатнувшейся подъ ударами той войны, которую самодержавіе хочетъ сдѣлать новымъ орудіемъ порабощенія россійскаго отечества и народа. Со своими собственными лозунгами, подъ своимъ собственнымъ знаменемъ, знаменемъ соціальдемократіи, долженъ пойти рабочій классъ въ бой. Сквозь всѣ бури революціи долженъ онъ пронести это знамя, и въ самый день наступленія политической свободы оказаться сплоченнымъ вокругъ него. Онъ долженъ, — потому что иначе политическій итогъ той революціи, которую своею кровью оплатитъ пролетаріатъ, опредѣлится... карканьемъ воронъ.

ЗАМѢТКИ ЖУРНАЛИСТА.

О патріотизмѣ.

Ихъ много сейчасъ, ими хоть прудъ пруди — „патріотовъ своего отечества", всѣхъ тоновъ и мастей: изступленныхъ — отъ реакціи, и стыдливыхъ — отъ либерализма! Упразднителей, привыкшихъ вязать, и упраздняемыхъ, въ полученіи зауряд-ній привыкшихъ расписываться! Тѣхъ, что бряцали на страхъ врагамъ о россійскомъ „срединномъ царствѣ", объ азіатскомъ „бѣломъ царѣ", и тѣхъ, что лелѣяли украдкой мечту о новомъ Севастополѣ!

Ихъ смелъ въ одну кучу военный катаклизмъ, и они всѣ твердятъ теперь наперерывъ „о любви къ отечеству и о народной гордости".

Патріотизмъ — на очереди! какъ всегда, въ видѣ той ходячей „звонкой" монеты, которою самодержавная власть, въ критическіе для нея моменты, пытается купить податливыя души своихъ подданныхъ. Но стоитъ только пройти моменту, и приманка оказывается ненужной, монета обезцѣнена, а душа, воспламененная не въ мѣру патріотическимъ чувствомъ, неукоснительно шествуетъ въ участокъ, гдѣ ей преподносится забытый урокъ „вѣрноподданическаго" поведенія. Слушаться и держать языкъ за зубами! — эту русскую добродѣтель вбивалъ въ свое время пресловутый Бенкендорфъ не менѣе пресловутому Булгарину, заявляя, что самодержавію не нужна похвала литературы. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь возможность похвалы носитъ въ себѣ зародышъ возможнаго порицанія. *Патріотическая иниціатива подданныхъ* есть первичная форма для *политической агитаціи гражданъ*. Потому то мы и видимъ въ исторіи самодержавной Россіи, что за каждымъ подъемомъ патріотическаго настроенія неминуемо слѣдовалъ общественный натискъ на власть. Только въ рѣдкіе періоды общенаціональнаго возбужденія злосчастному представителю русской государственности удавалось подняться до идеи общественнаго цѣлаго, до сознанія необходимости о судьбахъ его позаботиться. Но зато, когда удавалось, въ аморфной обывательской массѣ тотчасъ начинался процессъ кристализаціи.

Такъ, еще три вѣка назадъ патріотическій призывъ Пожарскаго и Минина открылъ собою эру земскихъ соборовъ; такъ, за „отечественной войной" противъ Наполеона непосредственно слѣдовало то броженіе дворянъ, заключительнымъ аккордомъ котораго явился заговоръ декабристовъ; такъ, наконецъ, послѣднія, дѣйствительно серьезная „національная" встряска, пережитая пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Россіей, завершилась „эпохой великихъ реформъ", этимъ сложнымъ клубкомъ разнородныхъ общественныхъ движеній.

Но связь между „частью" и „цѣлымъ", едва закрѣпленная

Во дни торжествъ и бѣдствъ народныхъ,

незамѣтно стиралась въ наступавшіе за тѣмъ будни — ее безпощадно рвалъ весь укладъ самодержавно-бюрократическаго строя, укладъ, не знающій „цѣлаго", потому что онъ не знаетъ и „части", какъ творца этого „цѣлаго": вмѣсто „цѣлаго" существуетъ начальство всѣхъ ранговъ, вмѣсто самодѣятельной „части" — объектъ начальственнаго усмотрѣнія. А гдѣ нѣтъ связи между „цѣлымъ" и „частью", тамъ нѣтъ и не можетъ быть патріотизма, который является вѣдь не чѣмъ другимъ, какъ элементарнымъ проявленіемъ этой связи. Неудивительно, поэтому, что

---

[1] Судя по № 43 „Освобожденія", появившемуся, когда наша статья уже печаталась, предположеніе это вполнѣ оправдалось: г. Струве имѣетъ всѣ надежды, съ дальнѣйшимъ ростомъ „національныхъ" чувствъ, заслужить, если не похвалы, то снисходительное прощеніе „патріотовъ".

у насъ процвѣтаетъ патріотическая „словесность“, но давнымъ давно не было патріотизма, какъ составного элемента общественной жизни. Въ поискахъ за нимъ надо идти въ глубь исторіи, когда Русь „собиралась“, когда только что простылъ слѣдъ татарина, когда „ляхъ“ угрожалъ Москвѣ, словомъ — когда царская власть еще служила эмблемой національной обороны отъ враговъ съ Востока и съ Запада. *Тогда* кличъ — „за женъ и дѣтей, за отцовъ родную землю!“ — звучалъ величественно-грозно, *теперь*, повторенный въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ привѣтствій, онъ кажется грубымъ фарсомъ, жалкой пародіей на стародавнюю трагедію народа. По мѣрѣ того, какъ самодержавіе изъ оплота противъ вѣчно грозящей „внѣшней“ опасности превращалось въ символъ всенароднаго закрѣпощенія, все рѣже и рѣже приходилось Россіи переживать тѣ кризисы, которые требовали отъ нея напряженія всѣхъ силъ и которые уже не являлись въ общественномъ сознаніи. Характерный въ этомъ смыслѣ симптомъ назрѣвшихъ перемѣнъ: даже нашествіе Наполеона и пожаръ Москвы въ прошломъ вѣкѣ (не говоря уже про крымскую кампанію) не вызвали чего либо отдаленно подобнаго стихійному взрыву 1612 года. Національный энтузіазмъ отливался въ преходящія настроенія, не успѣвая формировать патріотовъ. И о томъ же непреложно свидѣтельствуетъ и русская литература. Въ большой галлереѣ ея образовъ нѣтъ ни одного лица, для котораго мысль о „цѣломъ“ была бы властной идеей, той пламенной страстью, которая заполняетъ собою личность человѣка. Канцелярія, полкъ, губернскій или уѣздный муравейникъ, помѣщичья усадьба, товарищескій кружокъ, семейный очагъ — около этихъ дробныхъ ячеекъ сосредоточивался интересъ безчисленныхъ героевъ русскаго романа; замкнутые въ нихъ, они жили и умирали, не тревожимые думой объ „отечествѣ“, ибо дума объ „отечествѣ“ относится къ вѣдѣнію того коллектива, который зовется высшимъ начальствомъ. Оно велитъ, и обмундированный обыватель — побѣдитель провинціальныхъ сердецъ, герой зеленаго поля или скромный семьянинъ, — идетъ во имя несознанной цѣли погибать на дальнемъ Кавказѣ, въ траншеяхъ Севастополя, подъ „солнцемъ Аустерлица“.

Зачѣмъ? — Жизнь, катившаяся годъ за годомъ по традиціонной колеѣ, раздробленная на рядъ не связанныхъ между собою мірковъ, не знаетъ этого „зачѣмъ?“ какъ не знаетъ, вообще, проклятыхъ вопросовъ, и тѣ простые, незамѣтные, но храбрые люди, которыхъ обезсмертило перо Толстого въ его военныхъ разсказахъ, въ великой эпопеѣ двѣнадцатаго года, столь же мало помышляютъ и размышляютъ объ отечествѣ, какъ и растительное существо — Платонъ Каратаевъ, какъ и вся безымянная масса, безропотно устилавшая своими тѣлами кровавый путь самодержавныхъ успѣховъ. Даже въ самое пекло войны они приносятъ свою скорлупу, скорлупу облекающей ихъ ячейки, и эту скорлупу оказываются безсильными разбить и горячій порывъ и романтическая греза, такъ часто рождаемые — вспомните юношу Петю Ростова — подъ шумъ и грохотъ событій.

Война не создавала патріотовъ, еще меньше создавалъ ихъ тотъ миръ, который походилъ на спокойствіе кладбища. И недаромъ, конечно, автору „Наканунѣ“ пришлось, когда онъ захотѣлъ нарисовать фигуру патріота, обратиться... къ Болгаріи и прививать въ ней заемъ, за отсутствіемъ отечественнаго матеріала. Но за то же и казался „ирой“ Инсаровъ тургеневскимъ россіянамъ какимъ-то страннымъ чудакомъ, маніакомъ своей идеи. Маленькая страна имѣла то, чего не было у большой Россіи — она имѣла общенародное дѣло!

А въ Россіи все сидѣло по клѣткамъ-ячейкамъ и занималось приватно, и горе было тому смѣльчаку, кто пытался бы просунуть голову въ щель своей клѣтки: такъ, изъ дали почти цѣлаго вѣка на насъ смотритъ печально-величаво обликъ того, кто, по словамъ поэта:

...Въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ — Периклесъ,
У насъ онъ офицеръ гусарскій!

Гусаръ имѣлъ несчастье задуматься надъ тѣмъ, что представляетъ собою его отечество, задуматься и сказать это вслухъ, и „отечество“ немедленно распорядилось признать „гусара“ безумнымъ... Сиди въ своей клѣткѣ!

Литература, дѣйствительно, „сидѣла“ и ограничивалась тѣмъ, что живописала многообразныя клѣтки, на которыя распадается строй обывательской жизни. Когда, однако, въ потребные моменты, „отечеству“ приходилось обращаться къ литературѣ и говорить ей — воспой меня! — оно получало, къ удивленію, въ отвѣтъ лишь хриплые звуки бездарныхъ писакъ — на родномъ Парнассѣ не оказывалось пѣвцовъ патріотизма!

Двѣ-три строфы Пушкина, нѣсколько Тютчевскихъ стиховъ — таковъ едва ли не весь поэтическій багажъ россійскаго патріотизма. Даже даровитые люди, какъ Майковъ, пріобрѣтали моментально... бездарность, какъ только попадали къ этой заклятой почвѣ.

Что то, очевидно, творилось, какой-то переломъ подготовлялся въ странѣ, величайшій лирикъ которой говорилъ своимъ современникамъ: „потому что я не слышу музыки въ звяканьѣ цѣпей и потому что меня не привлекаетъ блескъ штыковъ — вы утверждаете, что я не патріотъ! — Потому что я совсѣмъ не стараго покроя и закала, и не иду съ каждымъ шагомъ назадъ — вы утверждаете, что я не патріотъ, не люблю своей страны и не понимаю ея! — Они правы: самъ чортъ не разберетъ, отчего у насъ быстрѣе подвигаются тѣ, которые идутъ назадъ, такъ что они достигаютъ ужъ своей цѣли, когда я по своей дорогѣ только что двинулся впередъ! — Богъ даровалъ мнѣ языкъ; но когда я вздумалъ заговорить, захватило у меня горло! Страшныя вещи происходятъ въ моей странѣ, и удивительный обычай завелся у насъ: разумному нуженъ разумъ для глупости, а языкъ для молчанія!“...

Это было столь же симптоматично, сколь былъ симптоматиченъ и тотъ единственный герой Льва Толстого, который обладалъ всѣми данными для патріота. Мы знаемъ, князь Андрей Болконскій, по замыслу своего творца, былъ прототипомъ декабриста. Прихоть художника увела, правда, его раньше времени изъ жизни, но она же оставила ему замѣстителя въ сынѣ. Въ послѣдней главѣ знаменитаго романа уже чувствуется отдаленное дыханіе надвигающейся грозы, чувствуется въ рѣчахъ Пьера Безухаго, въ томъ напряженномъ вниманіи, съ которымъ мальчикъ Николинька прислушивается къ этимъ рѣчамъ, Николинька, со дня на день становящійся все болѣе похожимъ на отца, и такой гордый этимъ сознаніемъ.

Цѣлое столѣтіе совершался въ Россіи знаменательный процессъ: на мѣстѣ, оставленномъ вакантнымъ отъ стародавняго патріотизма, сквозь толщу историческихъ переживаній, — мало-по-малу, медленно и трудно пробивался къ свѣту и къ жизни — патріотизмъ новый, патріотизмъ обновляющейся Россіи, патріотизмъ активнаго протеста. Сначала одинокія фигуры, какъ Радищевъ, потомъ маленькія группы людей — декабристы, затѣмъ мятущійся слой народолюбивой интеллигенціи и, наконецъ, цѣлый пластъ народный — передовой пролетаріатъ. Въ прерывисто-растущемъ движеніи видоизмѣнялось содержаніе, мѣнялись формы, неизмѣннымъ оставалось одно: кто бы ни являлся носителемъ этого движенія, онъ былъ той пришедшей къ сознанію „частью“, которая готова была принесть себя въ жертву только что познанному „цѣлому“; ея взору предносилось идеальное, преображенное мыслью „отечество“, и къ этому „отечеству“ тѣмъ рѣшительнѣе тяготѣла воля сознательной „части“, чѣмъ болѣе сама „часть“ ощущала на себѣ давящую лапу конкретнаго „отечества“, чѣмъ болѣе она чувствовала себя — отверженцемъ современности.

Революціонность стала непремѣннымъ аттрибутомъ патріотизма, — патріотизмъ растворился въ революціонности. Подъ тѣнью самодержавнаго режима только революціонеръ былъ патріотомъ, потому что онъ одинъ болѣлъ горемъ своей родины. И только тотъ общественный классъ или слой могъ взвалить на себя *тяжелую* ношу патріотизма, который волею судебъ вмѣстилъ въ себя необходимый запасъ протестантской энергіи, дабы объявить войну проклятому режиму.

И въ этомъ смыслѣ соціальдемократія патріотична par excellence. Интернаціональная въ своемъ существѣ, она ставитъ себѣ *патріотическія* задачи и, именно осуществляя ихъ, творитъ свое — *интернаціональное* дѣло. Но потому же самому ея патріотизмъ — патріотизмъ воинствующаго пролетаріата, — не есть и не можетъ быть патріотизмомъ порабощенія.

Она знаетъ на сценѣ исторіи лишь одно соперничество, одно законное патріотическое желаніе: чтобы мой народъ внесъ какъ можно больше своего въ міровой процессъ общественнаго пересозданія!

Ст.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Дѣло Гершуни и другихъ. Все дѣло было возбуждено по предательству Григорьева. Этотъ послѣдній, артиллерійскій офицеръ, былъ арестованъ 8 января прошлаго года съ литературой с.-р. Испугавшись послѣдствій ареста, онъ на завтра же (9 января) написалъ въ департаментъ полиціи письмо, въ которомъ съ головой выдавалъ своихъ товарищей. Съ того времени Григорьевъ началъ сыпать показаніями (большей частью лживыми) для впутыванія въ это дѣло всѣхъ, кого онъ только зналъ. Такое усердіе въ предательствѣ возбудило омерзѣніе къ нему даже въ военныхъ судьяхъ. На вопросъ одного изъ защитниковъ, что побудило его — Григорьева, къ выдачѣ товарищей, послѣдній попытался стать въ позу героя роковой трагедіи, пережитой имъ будто бы въ тюрьмѣ. Это показалось слишкомъ очевидной наглостью даже предсѣдателю, который его оборвалъ словами: „Какую же драму вы пережили? Вы были арестованы восьмого, а девятаго уже предали своихъ товарищей.“ Тогда Григорьевъ попробовалъ попарадировать въ офицерскомъ мундирѣ, утверждая, что честное слово офицера, данное имъ жандармамъ, заставляло его говорить правду, и что если отъ этого пострадали его товарищи, то въ этомъ виноваты жандармы, вынудившіе у него это „честное слово“. Защитникъ Гершуни, Карабчевскій, указалъ тогда судьямъ, что артиллерійскій офицеръ Григорьевъ въ своей жизни далъ три честныхъ слова и сдержалъ только одно изъ нихъ: онъ далъ подъ присягой честное слово царю и измѣнилъ ему, далъ честное слово революціонерамъ и предалъ ихъ и, наконецъ, далъ честное слово жандармамъ и его только сдержалъ въ точности. Не меньшимъ предательскимъ рвеніемъ отличалась жена Григорьева, урожденная Юрковская. Она все время находилась на свободѣ, хотя и она участвовала въ какой-то революціонной организаціи и хранила у себя нелегальную литературу, которая и была у нея найдена при обыскѣ. Поданное ею „чистосердечное раскаяніе“ и „подписка“ (прочтенная на судѣ), что она никогда больше не дотронется до чего либо революціоннаго, поставили ее въ особенныя условія. Около ста листовъ бумаги Григорьевъ и его жена исписали своими предательскими показаніями. Свое послѣднее слово Григорьевъ заключилъ словами: „дайте мнѣ, г.г. судьи, возможность въ сѣрой солдатской шинели, въ борьбѣ съ непріятелемъ, заслужить у царя и отечества прощенье за свои вины“. Но, однако, надо полагать, что, несмотря на вынесенный ему смертный приговоръ, Григорьеву будетъ дана возможность загладить свою вину не въ сѣрой шинели, а въ синемъ мундирѣ чиновника охраннаго отдѣленія. На судѣ фигурировали еще два предателя: Ѳ. Качуръ и Бартошкинъ. Первый, заключенный въ шлиссельбургской крѣпости, уже давно началъ оговаривать товарищей. Сдѣлано это имъ было отчасти изъ трусости, отчасти вслѣдствіе наивнаго довѣрія жандармамъ. Послѣдніе, какъ подтвердилось потомъ на судѣ, показали ему фотографическую карточку Гершуни въ кандалахъ и увѣряли его, что Гершуни уже осужденъ на каторгу, и что его показанія о немъ не могутъ уже ему повредить, такъ какъ за одно и то же преступленіе два раза не судятъ. Качуръ повѣрилъ и разсказалъ все, что онъ зналъ о немъ. Вообще Ѳ. Качуръ оказался совсѣмъ неспособнымъ на ту героическую роль, которую онъ взялъ на себя, и при первомъ же искусѣ не выдержалъ. Это маленькій, лишенный всякой устойчивости человѣкъ, легко поддающійся всякому вліянію. Бартошкинъ представляетъ собою лишь злостнаго предателя. По какимъ то личнымъ связямъ, онъ попалъ въ революціонную среду, за что-то озлобился на товарищей и, съ момента ареста, началъ выдавать и разсказывать всякія небылицы съ явной цѣлью, какъ можно больше повредить тѣмъ, которыхъ онъ случайно зналъ, и про которыхъ онъ только слышалъ.

Гершуни, все время державшійся съ большимъ достоинствомъ, съ омерзѣніемъ отрицалъ свое знакомство съ нимъ. Бартошкинъ разсказывалъ какую то басню о томъ, что Гершуни его послалъ убить Зубатова. Но при допросѣ это оказалось чистѣйшимъ вымысломъ.

Впечатлѣніе отъ омерзительной картины четырехъ предателей было еще усилено той грязью, которой забросалъ обвиняемыхъ революціонеровъ защитникъ Григорьева, Бобрищевъ-Пушкинъ, который построилъ всю свою защитительную рѣчь на опороченіи нравственной личности другихъ обвиняемыхъ, причемъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, щедро лилъ помои на революціонеровъ вообще, и на обвиняемыхъ въ частности. Не пощажена имъ была и память погибшихъ героевъ революціи. Слова: „зловоніе“, „негодяи“, „мошенники“, „отбросы общества“ и т. д. такъ и сыпались въ его рѣчи, чередуясь съ злостными клеветами и безсмысленными извращеніями исторической истины. Это была какая то вакханалія омерзительнаго оплевыванія связаннаго по рукамъ и ногамъ врага; и все это дѣлалось почтеннымъ юристомъ, такъ сказать, изъ любви къ искусству, такъ какъ на три четверти его рѣчь не имѣла никакого касательства къ дѣлу его кліэнта. За этотъ подвигъ онъ былъ разъ награжденъ возгласомъ „подлецъ!“, вырвавшимся изъ устъ одного изъ защитниковъ. Предсѣдатель, повидимому, самъ возмущенный поведеніемъ Бобрищева-Пушкина, даже не призвалъ бросившаго это оскорбленіе защитника къ порядку.

Прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи держался въ строгихъ рамкахъ юридическаго разбора, ни словомъ не обмолвившись о революціи и революціонныхъ дѣятеляхъ. Защитники Гершуни, Ремянникова, Вейсенфельда, Мельникова также разбирали дѣло только съ юридической стороны, но энергично отражали позорный походъ Бобрищева-Пушкина и надлежащимъ образомъ квалифицировали его поведеніе. По существу дѣла, защитѣ удалось уничтожить всякое подобіе доказательства виновности подсудимыхъ, что, конечно, не помѣшало судьямъ вынести обвинительный приговоръ всѣмъ. Характерно чистосердечное признаніе секретаря департамента полиціи (присутствовавшаго на судѣ), что жандармское дознаніе велось такъ неумѣло и противорѣчиво, что, при судѣ присяжныхъ, всѣ обвиняемые были бы оправданы. Но, очевидно, военному суду не нужно было составить себѣ мнѣніе на основаніи судебнаго слѣдствія; ихъ мнѣніе было уже выработано гораздо раньше — волей и приказомъ фонъ-Плеве.

Петербургъ. Настроеніе рабочихъ. „Что же это такое?“, спрашивали рабочіе по поводу патріотическихъ манифестацій, — какъ могло случиться, что въ нихъ принимали участіе студенты? „Я такъ полагаю, что это само правительство расписало въ газетахъ, что этого на самомъ дѣлѣ не было... не можетъ быть, чтобы студенты участвовали... пѣли... „Боже царя храни...“, совсѣмъ смущенно добавляетъ одинъ рабочій. — „Расписало-то, расписало... да я самъ видѣлъ, человѣкъ двѣсти ихъ было...“, говоритъ другой, будто въ чемъ-то провинившись. Именно рабочіе были будто сконфужены участіемъ студентовъ въ манифестаціи и заинтересованы этимъ фактомъ. Будто ихъ обманули... Странно было имъ сочетать „студенчество“ съ патріотическими манифестаціями, съ портретомъ царя, съ „боже царя храни“ и т. д. Они старались понять это, выяснить себѣ этотъ фактъ и при всякомъ удобномъ случаѣ возвращались къ нему. Видно было, что „студенчество“ представлялось имъ чѣмъ-то единымъ, цѣлымъ, и цѣлымъ „хорошимъ“, непремѣнно соціальдемократическимъ и революціоннымъ... и вдругъ — манифестація. По поводу этихъ манифестацій были выпущены прокламаціи, объяснявшія ихъ, распространялись и студенческіе листки, выражавшіе порицаніе манифестантамъ. Рабочіе говорили о томъ, что „этого зла“ такъ оставить нельзя, надо что-нибудь, какъ-нибудь *рабочимъ ответить на это.* (На предложеніе выразить протестъ свой письменно, не предложеніе, а скорѣй „подсказку“, отвѣчали нерѣшительно, что надо умѣть „изложить это“, нѣкоторыхъ будто смущала смѣлость такого поступка, — „студентамъ“ порицаніе письменно выражать!) Жаловались рабочіе и на то, что многіе изъ работающихъ съ ними на фабрикахъ записывались въ добровольцы, и когда они пытались отговорить своихъ несознательныхъ товарищей, тѣ ссылались на студентовъ: „люди образованные и тоже записываются“. „Ну что же, что образованные, а, оказывается, глупѣе насъ“ — раздраженно замѣтилъ рабочій, „всякіе между ними есть“. Послѣ возбужденія, записей въ добровольцы, пожертвованій и т. д. настроеніе упало, и большинство рабочихъ и настроено и высказывается противъ войны; такъ передаютъ тѣ сознательные рабочіе, которые прежде жаловались на своихъ товарищей. Господствуетъ недовѣріе къ правительственнымъ сообщеніямъ о ходѣ войны, которыя расклеиваются на улицахъ, плюютъ на нихъ и не хотятъ читать. Прокламаціи читаютъ и просятъ еще... *Каждую недѣлю выпускаются прокламаціи, три четыре раза въ недѣлю...* Была перепечатана статья изъ „Искры“ „Въ тискахъ“, понравилась рабочимъ, хотя многаго они въ ней не поняли. Прокламаціи выпускаются въ числѣ 1000, 800 и меньше на одинъ районъ, распространяются на фабрикахъ, кладутъ въ карманы, возлѣ станковъ и т. д. (кому прямо нельзя дать), на улицѣ разбрасываются рѣдко, когда бываетъ большой запасъ прокламацій. На агитаціонныхъ собраніяхъ человѣкъ въ семь-восемь разъ въ недѣлю ведется постоянная агитація. На нѣкоторыхъ фабрикахъ рабочіе отказывались отъ пожертвованій на войну, ихъ разсчитывали, — это были все лучшіе, сознательные рабочіе... Комитетъ рѣшилъ, чтобы такіе рабочіе не отказывались отъ пожертвованій, такъ какъ иначе полиція получитъ указаніе, на кого ей обратить особое вниманіе. Рабочіе волнуются по поводу предстоящихъ разсчетовъ съ фабрикъ; нѣкоторымъ уже объявили, что въ недалекомъ будущемъ имъ предстоитъ или полдневная работа, или удаленіе половины рабочихъ съ фабрики (у Беккера). Отказъ отъ пожертвованій былъ вполнѣ самостоятеленъ. Комитетъ опоздалъ предупредить его. Необходимы хорошія прокламаціи, выясняющія, какъ должны рабочіе держаться при разсчетахъ, необходимо, также чтобы онѣ являлись передъ *дѣйствіемъ*, а не послѣ, какъ большею частью. Когда окончился съѣздъ дѣятелей по техническому образованію, тогда спохватились и выпустили прокламацію, а, между тѣмъ, рабочіе съ большимъ интересомъ относились, когда приходилось разсказывать мнѣ, какіе вопросы и какъ разбирались тамъ... Хотя многіе пропагандисты упустили изъ виду и разсказать... подѣлиться тѣмъ, что дѣлается далеко отъ фабрикъ... Не знаю, впрочемъ, многіе ли изъ пропагандистовъ сами бывали на этомъ съѣздѣ... Очень ужъ замкнуто живутъ, другъ съ другомъ никогда не видятся (впрочемъ, одно собраніе было, и, между прочимъ, на немъ говорилось о необходимости „почаще видѣться“, о томъ, что конспирація „заѣдаетъ“..., но и послѣ этого собранія все идетъ по прежнему). Каждый живетъ въ своей скорлупѣ и не только рабочихъ не пріобщаетъ къ общимъ, широкимъ интересамъ, но, мнѣ кажется, и самъ съуживается. Такое впечатлѣніе я вынесла изъ этого одного собранія (этого, конечно, быть можетъ, и слишкомъ мало), всѣ будто *растерялись*, когда „старшій“ сказалъ, что „Искра“ выразила удивленіе по поводу небрежнаго отношенія къ съѣзду... Нашли, что она требуетъ слишкомъ многаго, но сознались, — что и требовалось, — что не было сдѣлано и того, что было возможно. „Проворонили“ съѣздъ. Литературы совсѣмъ нѣтъ. Работа налажена хорошо далеко не во всѣхъ районахъ (людей мало). Въ одномъ районѣ работа идетъ хорошо. Комитетъ, между прочимъ, выпустилъ прокламацію, которую рабочіе мало распространили. А, между тѣмъ, цѣль ставилась очень хорошая: прокламація была написана по поводу статьи Суворина въ „Новомъ Времени“ о статьѣ Жеро-Ришара въ „Petite République“, но написана она была такъ кратко, что осталась совершенно непонятной для рабочихъ, да еще „съ *нѣмецкими* словами“ („Petite Rép.“ и т. п.). Очень было пріятно встрѣтить прокламацію на такую тему, но она написана была такъ, какъ будто всѣ уже достаточно освѣдомлены о соціалистическихъ партіяхъ во Франціи.

Пропагандистка.

„Военныя“ настроенія. Изъ Петербурга пишутъ: Послѣ подъема настроенія во время съѣздовъ и патріотически-полицейскихъ бѣснованій наступило затишье, тупое съ виду, мрачное и тревожное. Обыватель очнулся отъ „патріотическаго“ угара и начинаетъ разбираться точнѣе въ событіяхъ: флотъ разбитъ, портъ-артурскіе запасы разграблены самими же русскими (интендантами), солдаты на Байкалѣ мерзнутъ, побѣда-одолѣніе хоть бы одна, начинаютъ ходить слухи, что изъ Краснаго Креста уже по первоначалу, господи, благослови, здорово украдено, а изъ Варшавы и Кіева слыхать, какъ обсчитали уже врачей, ѣдущихъ на войну. Выпустили 50 милліоновъ бумажекъ, и еще собираются; насчетъ сберегательныхъ кассъ неладно поговариваютъ. А тутъ сокращеніе всѣхъ насущныхъ расходовъ; въ торговлѣ застой начался; упорно говорятъ о повышеніи налоговъ. Вотъ тебѣ и война, вотъ тебѣ и „Боже, царя храни“! Но главное, гдѣ причина? Однѣ газеты ничего не отвѣчаютъ и только *ура* кричатъ: разбили три броненосца — ура! потоплено два судна — ура! Алексѣевъ телеграфируетъ — ура! Куропаткинъ бѣлую лошадь, какъ у Скобелева, купилъ — ура! потому съ бѣлой лошадью ужъ, конечно, побѣдимъ, — ура! Словомъ, чтобы ни случилось — все: ура! Другія говорятъ, что это все „жидъ“ пакоститъ: это все онъ — и броненосцы потопилъ, и японца натравилъ и денегъ ему далъ. Бей „жида“! Начальство тоже, повидимому, не прочь на „жида“ все свалить: недаромъ съ юга приходятъ вѣсти о предстоящихъ и, якобы, уже бывшихъ погромахъ. Третьи газеты стыдливо молчатъ, молчатъ, впрочемъ, потому, что по рукамъ и ногамъ связаны, да и ротъ такъ забитъ клиномъ, что и самое „караулъ“, доходя до слуха читателей, чрезвычайно походитъ на „ура“. Такъ или иначе, но ни откуда нѣтъ правдиваго звука. „Гдѣ же я узнаю *правду* о войнѣ, вопіетъ обыватель, гдѣ?“ Предо мной два письма изъ разныхъ концовъ Россіи и въ обоихъ *умоляютъ* доставлять имъ *правду* о войнѣ, ибо „въ телеграммахъ и газетахъ такая ложь, что читать тошно“. Авторы писемъ не заражены никакими „измами“. Война становится явно непопулярной, хотя и раньше-то, до манифестацій, ей не особенно обрадовались. Изъ Батума слышно, что тамъ начали „манифестаціей“ (т. е. патріотической), а кончили „демонстраціей“ (т. е. противоправительственной). Въ Питерѣ тихо. Высшіе женскіе курсы, послѣ своего протеста, были закрыты, теперь же снова открыты, но пускаютъ туда лишь по билетамъ. Въ университетѣ была назначена на 17 февраля сходка, но администрація, нынѣ весьма бдительная и остроумная, преградила входъ въ университетъ неблагонадежнымъ элементамъ, устроивъ впускъ по билетамъ, которые изъ 4000 человѣкъ выданы лишь 600 студентамъ. Такимъ образомъ, хотя въ университетѣ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ безпорядковъ и нѣтъ, но состояніе, въ виду необычайной „нервности“ администраціи, напоминаетъ осадное положеніе. Патріотическія манифестаціи окончательно прекратились. Въ общемъ, положеніе должно разрѣшиться въ нѣчто болѣе „выразительное“, чѣмъ одиночный протестъ курсистокъ. Въ студенческой и интеллигентской средѣ ходитъ масса листковъ.

Москва. Здѣшнія манифестаціи устраивались стараніями полиціи, причемъ дворникамъ, полицейскимъ и шпіонамъ платили по 20 коп. въ часъ за участіе въ шествіяхъ. Всѣ только и говорятъ о войнѣ, которая очень не популярна. Вся интеллигенція на сторонѣ японцевъ(?) и за заключеніе мира. Крестьян

же относится къ войнѣ совершенно равнодушно. Приходилось слышать такое сужденіе: „Что же? Тѣсно стало жить. Война народъ порѣдитъ — лучше будетъ. А опосля войны непремѣнно манифестъ выйдетъ, царь-батюшка земли прирѣжетъ!“ Характерно, что въ то время, какъ г. Струве заграницею рекомендуетъ націоналистическія манифестаціи, его поклонники пишутъ не менѣе двусмысленно. Здѣсь вышелъ „Летучій листокъ“ № 1, помѣченный 14 февраля 1904 г. Подпись — „Друзья Освобожденія“. Печать хорошая, но не заграничная. Онъ кончается такъ: „... Теперь, когда вы оказались безъ глазъ и безъ рукъ, даже въ дѣлѣ военныхъ приготовленій, вы захотѣли единенія. Вы будете удовлетворены: вы получите это единеніе, поскольку оно указывается необходимостью момента(!!) Но и только! Того единенія, которое нужно вамъ не на берегахъ Желтаго моря, а здѣсь, внутри страны, нѣтъ и не будетъ. Борьба русскаго народа съ его внутреннимъ врагомъ, непримиримая борьба съ вами, началась не въ ночь съ 26 на 27. Въ этой борьбѣ нѣтъ отсрочекъ, нѣтъ перемирій. Вы продолжаете дѣлать все отъ васъ зависящее въ этой борьбѣ противъ народа. Мы же сдѣлаемъ все, чтобы разсѣять тотъ туманъ, которымъ вы опутали нашу родину“.

Демонстрація въ Кіевѣ. (Изъ листка „группы соц.-дем.“) 28 фев. состоялось засѣданіе Юридическаго Общества, посвященное памяти Чичерина. Въ актовомъ залѣ собралось около 2000 чел., было много студентовъ. Послѣ рѣчи профессора Челпанова были разбросаны прокламаціи Кіевскаго Комитета Р. С. Д. Р. П. „Война противъ войны“ и „Искра о войнѣ“. Публика моментально расхватала прокламаціи. Послѣ рѣчи профессора Цытовича снова посыпались тѣ же прокламаціи. Публика встрѣтила ихъ аплодисментами. Предсѣдатель закрылъ собраніе, хотя по программѣ чествованія долженъ былъ произнести рѣчь Билимовичъ (сотрудникъ и идейный продолжатель[1]) Пихно). Не успѣла публика двинуться къ выходу, какъ изъ среды студентовъ раздалась пѣсня: „Смѣло, друзья, не теряйте...“ Публика осталась въ залѣ, и многіе изъ среды ея присоединились къ пѣнію.

Революціонное настроеніе охватило всѣхъ присутствующихъ, и звуки чудной пѣсни громко разносились подъ сводами актоваго зала. „Смѣло, друзья, не теряйте...“ смѣнилось рабочей марсельезой: „Отречемся отъ стараго міра“. Давно такой энтузіазмъ не охватывалъ студенчество и революціонное общество. Раздались крики: „Долой самодержавіе“, „Долой войну“, и толпа подхватывала эти крики громкимъ „ура“. Около четверти часа пѣли въ залѣ, затѣмъ двинулись къ выходу, продолжая пѣть. На улицѣ подъ колоннадой возлѣ главнаго выхода снова громко запѣли. Въ это время околоточный надзиратель съ тремя городовыми выхватили одного студента изъ толпы. Раздается чей то крикъ изъ толпы: „одного арестовали!“ „товарищи, выручай“, и околоточный надзиратель, свисткомъ призывавшій городовыхъ, стремглавъ летитъ внизъ со ступенекъ, городовыхъ смяли, и арестованный товарищъ освобожденъ. Вновь прибывшіе городовые, обнаживъ шашки, мчатся за студентомъ по Нижней Владимірской. За ними бѣгутъ студенты на выручку товарища. Насколько намъ извѣстно, никто не арестованъ.

Теперь, когда темныя силы Россіи празднуютъ свою гнусную оргію, эта, хотя и небольшая, демонстрація имѣла громадное значеніе. Кіевъ, 29 февраля.

Къ патріотическимъ вакханаліямъ въ Кіевѣ. Что „патріотическія манифестаціи“, устраивавшіяся въ Кіевѣ, имѣли главной своей цѣлью уничтожить въ нѣсколько дней то вліяніе рабочаго движенія, которое было добыто упорнымъ и систематическимъ трудомъ русской соціальдемократіи въ средѣ мѣстнаго населенія за послѣдніе годы, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Для того, чтобы это сказать, нужно было только издали видѣть эти „манифестаціи“, характеръ манифестантовъ, купленныхъ щедрой рукой полиціи и жандармеріи. Наконецъ, тѣ лозунги, которые являлись особенно важными для манифестантовъ. Въ самомъ дѣлѣ, ни одна изъ бывшихъ здѣсь „манифестацій“ не оканчивалась безъ того, чтобы на ней не были произнесены заклинанія по адресу россійской революціи. Наконецъ, съ откровенностью, доходившей до цинизма, одинъ изъ мѣстныхъ реакціонеровъ-профессоровъ университета говорилъ по поводу манифестировавшихъ націоналистовъ-студентовъ, добровольно отдавшихъ себя въ распоряженіе жандармеріи и полиціи (ибо всѣ „манифестаціи“ были охраняемы плотнымъ кольцомъ полиціи): „какъ жаль, что я не могу имѣть на остальную массу студенчества вліянія, а то я бы прямо организовалъ весь университетъ съ цѣлью избіенія жидовъ“. Этотъ профессоръ — докторъ Павловскій, почтенное имя котораго должно быть вписано отнынѣ на скрижали мѣстнаго университета. Говорилъ Павловскій открыто въ большомъ обществѣ, и фраза, сказанная имъ на другой день облетѣла весь Кіевъ и сдѣлалась крылатой въ кругу мѣстныхъ реакціонеровъ. „Бей жидовъ и долой соціалистовъ“ — вотъ главная цѣль „манифестацій“ по случаю объявленія войны.

[1]) Публика готовилась освистать Билимовича, зная напередъ по программѣ въ какомъ духѣ онъ будетъ говорить, захватили даже такъ называемыхъ „умирающихъ чертей“ съ „Контрактовъ“, но онъ остроумно уклонился отъ чтенія, и „настроеніе“ вылилось въ болѣе отчетливой формѣ.

Война объявлялась, значитъ, двоякаго рода: съ японцемъ внѣшнимъ и внутреннимъ. До сихъ поръ война съ внутреннимъ японцемъ велась посредствомъ избіенія его на улицахъ городовъ царской опричниной, теперь же хотѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ войны съ Японіей, чтобы продажными устами лицъ изъ русскаго общества провозгласить открыто общественное мнѣніе по адресу русской революціи. Но мистификація не удалась, и правительству пришлось вскорѣ запретить комедію съ патріотизмомъ. Общество сразу раскусило, что „умыселъ другой тутъ былъ“. Всѣ въ Кіевѣ ясно видѣли, что „патріотическія“ манифестаціи по случаю войны — это только внѣшній удобный предлогъ, чтобы свести свои старые счеты съ „крамолой“.

Чувствуя это, мѣстный обыватель даже избѣгаетъ тѣхъ улицъ, по которымъ полиція устраивала свои манифестаціи. „Какъ бы чего не вышло“, тревожно шептали его уста при видѣ „манифестацій“. А когда были разоблачены воровство и грабежъ, съ которыми манифестанты подъ звуки „національнаго гимна“ демонстрировали свои „патріотическія чувства“, то обыватель прямо таки завопилъ. Словомъ, игра въ патріотизмъ не вышла. „Манифестаціи“, помимо воли ихъ устроителей, имѣли и свою хорошую сторону, ибо они помогли мѣстному обществу разобраться въ истинномъ характерѣ войны съ Японіей. Теперь многіе кіевляне разсматриваютъ японскую войну, какъ необходимый русскому правительству предохранительный клапанъ противъ „крамолы“, многіе истинно возмущены войной, и даже изъ числа тѣхъ, кто вначалѣ искренне раздѣлялъ взгляды правительства на войну. Въ войскахъ Кіевскихъ не видно также замѣтнаго оживленія. Солдаты и офицера ходятъ, какъ тѣни, въ ожиданіи того момента, когда ихъ отправятъ въ качествѣ пушечнаго мяса на войну. Говорятъ здѣсь упорно, что одинъ полкъ, ѣхавшій изъ кіевскаго округа на войну въ „скотскомъ“ поѣздѣ, подъ вліяніемъ случайной агитаціи потребовалъ на одной изъ станцій Кіево-Воронежской жел. дороги пересадки въ „человѣческіе“ вагоны. Вообще, компетентные люди толкуютъ о томъ, что теперь очень удобный моментъ, чтобы пустить глубокіе корни политической агитаціи среди солдатъ. Сравнивая настроеніе солдатъ въ русско-турецкую войну и теперь, одинъ офицеръ мѣстной дивизіи говорилъ, что такого удрученнаго настроенія солдатъ онъ въ 1877 г. никогда не запомнитъ. Поэтому, въ высшей степени необходимымъ является, чтобы всѣ мѣстныя организаціи откликнулись на это явленіе выпускомъ прокламацій соотвѣтствующаго содержанія къ солдатамъ и офицерамъ. Чѣмъ скорѣе это будетъ дѣлаться, тѣмъ лучше.

Одесса. Нашъ городъ все больше и больше охватываетъ торгово-промышленный кризисъ, вызванный войной. Многія заведенія сократили работу, нѣкоторыя совсѣмъ закрылись, заработная плата пала, число безработныхъ растетъ съ каждымъ днемъ, а между тѣмъ — въ силу тѣхъ же причинъ — начинаютъ расти цѣны на продукты. Хлѣбъ уже вздорожалъ на одну коп. на фунтъ, и предвидится еще большее вздорожаніе. На Молдаванкѣ уже имѣется сыпной (голодный) тифъ. Въ настоящее время работаютъ усиленно только двѣ отрасли: экспортъ хлѣба заграницу и желѣзныя дороги. На желѣзной дорогѣ, благодаря усиленному движенію, масса работы, и рабочихъ заставляютъ работать на нѣсколько часовъ больше, платя имъ, правда, очень крупную прибавку. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь растетъ недовольство на своеобразной почвѣ. Чтобы внѣдрить русскому рабочему любовь къ отечеству, управленіе дорогъ „постановило“ вычитать изъ заработка 1% въ пользу раненыхъ. Не довольствуясь этимъ „обязательнымъ“ вычетомъ, оно предложило „желающимъ“ жертвовать больше: 2%, 3%. „Желающихъ“, конечно, не находилось. тогда начальство начало приглашать рабочихъ по одиночкѣ и съ глазу на глазъ повторило то же предложеніе. Эффектъ получился. Хорошій примѣръ „уроковъ патріотизма“ даетъ слѣдующій случай: рабочій, у котораго на рукахъ жена и нѣсколько ребятъ и который зарабатываетъ всего 30 рублей въ мѣсяцъ, вынужденъ платить 1%, то есть 30 коп. на раненыхъ. Онъ идетъ къ своему начальству и говоритъ, что это ему не подъ силу, что въ его бюджетѣ каждая копѣйка на учетѣ, и проситъ, чтобы его освободили отъ „добровольнаго пожертвованія“. Начальство говоритъ, что оно этого сдѣлать не можетъ, и рекомендуетъ ему подать прошеніе въ управленіе дорогъ. Рабочій подаетъ. Черезъ нѣсколько времени получается въ отвѣтъ телеграмма: если не хочетъ „жертвовать“, уволить со службы. Коротко и ясно. Всѣ этого сорта выходки сильно раздражаютъ болѣе развитыхъ и сознательныхъ рабочихъ. Масса же пока еще зарится на большой заработокъ. Что не сегодня завтра можно ожидать рабочихъ волненій на почвѣ кризиса и безработицы, это предвидитъ даже князь Мещерскій.

Вѣроятно, въ виду предупрежденія этого бѣдствія мѣстная „интеллигенція“ изъ охраннаго отдѣленія упражняется въ такого рода курьезахъ: недавно была здѣсь пущена печатная прокламація Ком. подъ заглавіемъ: „Японцы-ли наши истинные враги?“ И вотъ въ „Вѣдом. Одес. Градон.“ появляется цѣлый фельетонъ на тему: отвѣтъ на вопросъ, японцы ли наши истинные враги? Я видѣлъ этотъ фельетонъ только мелькомъ, но общій характеръ его — это симфонія, развивающая одну музыкальную фразу: „Боже царя храни“! Пахнетъ отъ фельетона душкомъ дежурной комнаты въ охранномъ отдѣленіи.

Общее настроеніе у публики сильно пало. Интересъ къ войнѣ ослабъ, и даже бомбардировка Владивостока — событіе очень важное — не въ силахъ вызвать прежняго оживленія. Это замѣтно и на спросѣ на телеграммы, и на разговорахъ, и на пожертвованіяхъ. Жертвуютъ теперь все больше разныя общественныя учрежденія да подначальныя лица, гдѣ „добровольныя даянія“ собираются такъ же, какъ на желѣзной дорогѣ. Но гнусное — именно гнусное, потому что сомнительной искренности — настроеніе въ обществѣ держится по прежнему.

Николаевъ. 21-го февраля было захвачено собраніе восьми чел. рабочихъ, и съ ними одна интеллигентка Евдокія Шнеерсонъ (скрывшаяся изъ подъ надзора изъ Екатеринослава). Изъ рабочихъ извѣстны фамиліи: Егоръ Кащевскій, Игнатъ Макаровъ и Сергѣй Макаровъ. Были произведены обыски. Полиція страшно свирѣпствуетъ и мечется изъ угла въ уголъ: хватаетъ прямо на улицахъ слободки и другихъ рабочихъ кварталовъ и обыскиваетъ: многихъ рабочихъ при входѣ на заводъ, тоже очень тщательно обыскиваютъ. На всѣхъ заводахъ разсчитываютъ десятками; въ объясненіе причинъ большей частью не входятъ, хотя иногда объясняютъ сокращеніемъ работъ, что не вяжется съ пріемомъ новыхъ рабочихъ, хотя въ меньшемъ числѣ, чѣмъ дѣлается расчетъ: очевидно, дѣлаютъ „смѣнку“ — увольняютъ строптивыхъ.

Много разговоровъ ведется по поводу добровольныхъ вычетовъ на флотъ; находятся среди рабочихъ такіе, которые отказываются платить, ихъ разсчитываютъ; есть также и такіе, которые большія надежды возлагаютъ на „либеральнаго“ градоначальника и пишутъ ему письма, въ которыхъ просятъ, чтобы не дѣлалось насильныхъ сборовъ. Комитетомъ былъ выпущенъ листокъ по поводу сборовъ, результатомъ чего былъ приказъ въ адмиралтействѣ объ отмѣнѣ вычетовъ: вмѣсто того, рабочіе приглашаются жертвовать въ кружки. Приказъ объ этомъ появился въ одно утро съ листкомъ по этому поводу.

На Донскомъ заводѣ администрація особенно усердно дѣлаетъ сборы. Хозяинъ, который получаетъ „Знамя“ и даетъ его читать „хорошимъ“ рабочимъ, — заявилъ сперва, что будетъ дѣлать вычетъ съ рабочихъ по 2 процента съ ихъ мѣсячнаго заработка; въ первую получку послѣ этого, когда былъ выпущенъ листокъ, вычетовъ не производилось, но зато черезъ недѣлю опять хозяинъ сталъ требовать, чтобы рабочіе давали по одному проценту на флотъ. Нѣкоторые рабочіе протестовали, хотя и очень слабо; многихъ изъ нихъ за это разсчитали.

Ростовъ н/Д. 2 марта. Только мѣсяцъ тому назадъ ростовскіе обыватели приводили въ умиленіе нашего помпадура Абрамова своей преданностью престолу, своими холопскими чувствами, только мѣсяцъ тому назадъ три-четыре дня подрядъ толпа 500—600 человѣкъ ходила по улицамъ съ пѣніемъ „народнаго“ гимна, только мѣсяцъ тому назадъ желѣзнодорожные рабочіе посылали холопскую телеграмму Николаю, только вѣдь одинъ мѣсяцъ тому назадъ мы были свидѣтелями хотя и незначительнаго, но все таки несомнѣнно „патріотическаго“ (точнѣе — націоналистическаго) подъема, а между тѣмъ настроеніе рѣзко успѣло измѣниться. Въ первый день всеобщаго возбужденія шовинистическое настроеніе охватило даже нѣкоторую часть (опять таки весьма незначительную) рабочихъ, а наши „либералы“ уже призывали къ забвенію борьбы съ правительствомъ, дабы спасти отечество отъ нашествія „варваровъ“... Либеральная буржуазія осталась вѣрна самой себѣ, и не приходится удивляться подобнымъ „призывамъ“. Что касается „простого“ народа, то причиной воинствующаго патріотизма была лишь недостаточная сознательность, непониманіе тѣхъ бѣдствій, которыя принесетъ Россіи война. Приходилось слышать, напримѣръ, разсужденія, что съ присоединеніемъ Манчжуріи „работы больше будетъ“, а отъ войны „народу поубудетъ, легче жить станетъ“ и т. д. Кромѣ того господствовало убѣжденіе, что войну вызвала Японія, что русское правительство лишь вынуждено защищаться. Вѣдь царскій манифестъ говоритъ лишь объ „отраженіи врага“! Но и въ этой несознательной части рабочаго люда отсутствовалъ тотъ „патріотическій“ подъемъ, о которомъ доносилъ генералъ Абрамовъ царю. Даже въ первый день, когда чувствовался особен-

Наша „военная“ кампанія.

Россія экзаменуется — такъ можно бы назвать переживаемые дни. Орудіемъ испытанія въ рукахъ исторіи служитъ война. Къ экзамену привлечены всѣ общественныя силы. Въ первую голову, конечно, отвѣтъ держать пришлось самодержавію — отвѣтъ по части его финансовой мощи, популярности его предпріятій въ народѣ, подвижности и гибкости его правительственнаго аппарата, расторопности и честности его административнаго персонала.

Отвѣтъ пришлось держать либераламъ — по части ихъ „государственной мудрости“, оппозиціонной настойчивости, гражданской доблести и... политической порядочности.

Отвѣтъ приходится держать и соціальдемократіи, партіи революціи, — по части ея боевой подготовленности, революціонной предпріимчивости и принципіальной выдержанности ея политической агитаціи.

Россія экзаменуется... Съ трескомъ проваливается самодержавіе, либералы просятъ у исторіи отсрочки, чтобъ еще „подготовиться“, — а соціальдемократія?

Работа соціальдемократіи — въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ — сводится къ разоблаченію несостоятельности силъ реакціи въ одной области, либеральной оппозиціи — въ другой.

Политическій уголъ зрѣнія соціальдемократіи — критическій по существу, и можно сказать, что соціальдемократія ровно въ той мѣрѣ *хорошо* выполняетъ свою политическую обязанность, въ какой проводитъ въ сознаніе пролетаріата пониманіе того, какъ *плохо* выполняютъ свою работу всѣ другія общественныя организаціи и партіи.

Если соціальдемократія недостаточно полно, разносторонне и глубоко или просто неправильно ведетъ свою политическиобличительную кампанію, это значитъ, что она недостаточно полно, т. е. не по надлежащей линіи отмежевываетъ пролетаріатъ отъ буржуазнаго общества. А именно въ этомъ — смыслъ ея существованія.

Труднѣе всего, разумѣется, противопоставить пролетаріатъ лѣвому флангу буржуазіи, который, съ точки зрѣнія литературнаго представительства, можетъ быть распредѣленъ между „Освобожденіемъ“ и „Революціонной Россіей“.

„Освобожденіе“ разсматриваетъ самодержавіе, какъ антинаціональное учрежденіе, современную политическую борьбу, какъ тяжбу націи съ царизмомъ, войну, какъ антинаціональное предпріятіе. И это вѣрно, — если только прибавить, что рѣчь идетъ о *буржуазной* націи, таящей въ себѣ и открывающей на каждомъ шагу непримиримыя противорѣчія, если только помнить, что одна часть націи готовитъ себя къ диктатурѣ надъ [illegible]

„Революціонная Россія“ говоритъ не иначе, какъ о борьбѣ „рабочаго класса“ противъ „самодержавно-буржуазныхъ устоевъ“. На первый взглядъ — прямая противоположность съ точкой зрѣнія „Освобожденія“. Но если принять во вниманіе, что „Революціонная Россія“ впихиваетъ въ рабочій классъ и крестьянство и интеллигенцію, что она, далѣе, не соглашается считать буржуазіей: во первыхъ, — себя, во вторыхъ, — либеральныхъ земцевъ и думцевъ, то окажется, что изъ буржуазной націи ею вычитаются только тѣ реакціонные, финансовые и промышленные слои капиталистовъ, которые присосались къ самодержавію и играютъ роль паразитовъ на тѣлѣ паразита. Все же, что сверхъ того, парадируетъ подъ видомъ антицаристской и антибуржуазной Россіи, въ которой пролетаріатъ утопаетъ такъ же безслѣдно, какъ и въ единой націи г. Струве.

Какъ же извлечь его?

Къ этой задачѣ можно подходить различно.

Во первыхъ, „по поводу“ данной войны можно говорить о войнѣ, какъ о продуктѣ классового строя общества вообще. Можно указать на Японію, гдѣ война, являясь несомнѣнно „національнымъ“ предпріятіемъ, сохраняетъ въ то же время въ полной мѣрѣ свой *анти*пролетарскій характеръ. Намъ, въ виду нерасчлененности нашихъ общественныхъ отношеній, не разъ приходилось при помощи примѣровъ изъ сферы отношеній западно-европейскаго пролетаріата къ западно-европейской буржуазіи отдѣлять *нашъ* пролетаріатъ, отъ *нашей* буржуазіи, отъ *нашей* буржуазной демократіи. То же можно и должно повторить и теперь. И, разумѣется, такая позиція, принципіально правильная, несравненно выше того вульгарнаго японофильства, которое тамъ и сямъ прорывается въ революціонныхъ кругахъ. Но нечего, конечно, и думать, что лозунги, полученные путемъ аналогіи, могутъ пріобрѣсти широкое и притомъ дѣйственное политическое значеніе. Они сохраняютъ исключительно свой „пропагандистскій“ характеръ — для единицъ и десятковъ изъ того класса, а руководительство которымъ мы претендуемъ. Конечно, этого мало.

Можно — и это дѣлается, и это должно дѣлаться — всѣ наши демократическіе лозунги ставить подъ начало нашихъ соціально-революціонныхъ лозунговъ: свободы, какъ средство, — соціализмъ, какъ цѣль. Но, разумѣется, въ каждой прокламаціи этого дѣлать нельзя, — это свелось бы къ простому соціалистическому доктринерству, выродилось бы въ шаблонъ, — какъ и вырождается на самомъ дѣлѣ — и потеряло бы всякое значеніе. И, разумѣется, эти соціально-революціонные лозунги, какъ не имѣющіе сейчасъ никакого актуальнаго значенія, не побуждающіе ни къ какимъ непосредственнымъ дѣйствіямъ, не могутъ поспѣвать въ популярности и вліятельности за лозунгами демократическими, во имя которыхъ масса сейчасъ выходитъ на улицу. Въ худшемъ случаѣ, — который несомнѣнно чаще всего оказывается на лицо — лозунги демократическій и соціалистическій („Долой самодержавіе! Да здравствуетъ соціализмъ!“), сливаются во едино и порождаютъ такое представленіе, что уничтоженіе самодержавія равносильно введенію соціалистическаго строя.

Можно, далѣе, политически отдѣлять пролетаріатъ отъ буржуазіи, хотя бы практика пролетарской политики и не выходила изъ лозунговъ либерализма и демократіи. Возможность такого отдѣленія создается каждый разъ, когда либерализмъ уклоняется отъ активной поддержки тѣхъ или иныхъ боевыхъ очередныхъ лозунговъ, — не потому, что эти лозунги *принципіально* несовмѣстимы съ либерализмомъ, а потому, что либерализмъ оказывается фактически несовмѣстимымъ съ собственными принципами. Соціальдемократія должна умѣть повернуть каждое явленіе вокругъ его оси такъ, чтобы на немъ отразился не только противоправительственный, но и антиреволюціонный и антипролетарскій характеръ либеральнаго „поведенія“. Такія политическія качества либеральнаго общества, какъ половинчатость, неопредѣленность, нерѣшительность и „склонность“ къ предательствамъ, — въ настоящій моментъ, когда предъявляется спросъ на качества совершенно обратнаго порядка, — хотя и затрудняютъ въ высшей мѣрѣ дѣло демократіи, но облегчаютъ и до извѣстной степени упрощаютъ задачи классового самоопредѣленія пролетаріата. Другой вопросъ — окупается ли политически это „облегченіе“. Но никто не предлагаетъ намъ выбора. Факты приходится брать, какъ они даны. Нужно только умѣть вывести изъ нихъ политическую мораль и къ этой морали пріобщить массу.

Можно, наконецъ, примѣнять и еще одинъ методъ: уродовать каждое событіе примѣнительно къ потребностямъ „строго классовой“ политики.

При столь широко распространенномъ у насъ чисто *формалистическомъ* пониманіи политическихъ задачъ партіи обращаются чаще всего именно къ этому послѣднему „методу“. Живой классовый критерій превращается въ мертвый и мертвящій шаблонъ (прокламаціи вездѣ, всегда и по всякому поводу даютъ только одинъ „совѣтъ“: свергнуть самодержавіе и буржуазію), — либо — что въ сущности одно и то же — въ прокрустово ложе, на которомъ каждое явленіе не анализируется, а обтесывается ad usum delfini, для употребленія пролетаріата. Въ результатѣ — физіономія событія оказывается совершенно искаженной, политическій лозунгъ — доктринерски безжизненнымъ, а классовая позиція, во славу которой все это продѣлывается, сдается безъ боя. Какъ это происходитъ, мы сейчасъ увидимъ на [illegible] образцахъ: именно такимъ образомъ большинство нашихъ комитетовъ ведетъ свою агитацію по поводу войны. Выпускаемыя комитетами прокламаціи могли бы быть безъ измѣненій переведены на японскій языкъ для политическаго просвѣщенія японскаго пролетаріата, а это, разумѣется, величайшее ихъ осужденіе, ибо война Россіи съ Японіей совсѣмъ не то, что война Японіи съ Россіей. Коренное различіе въ позиціи воюющихъ сторонъ, которое должно опредѣлять характеръ всей нашей „военной“ кампаніи, вынесъ [illegible] „Искрой“ уже не разъ. Съ стороны Японіи — это вѣдь и буржуазной „націи“ за [illegible]

...ный подъемъ, и то толпа манифестантовъ не достигла тысячи [человѣкъ], изъ которыхъ добрая половина приходилась на мальчишекъ, учениковъ торговой школы, шпіоновъ, босяковъ, а рабочихъ почти не было... Примите во вниманіе, что наши самодержцы употребляли всѣ усилія, чтобы возбудить „патріотическія" чувства, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что полиція принимала значительное участіе въ организаціи этихъ манифестацій. И все же, въ общемъ, эти манифестаціи были крайне незначительны.

Удачной для правительства была манифестація желѣзнодорожныхъ рабочихъ, о которой я уже писалъ. Манифестація произвела крайне удручающее впечатлѣніе не только на сочувствующихъ, но и на соціальдемократовъ. Чувствовалось угнетенное настроеніе, несмотря на то, что група рабочихъ (человѣкъ 60-70) устроила небольшую контръ-манифестацію съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Для борьбы съ подобнымъ выраженіемъ „патріотическихъ" чувствъ, Донской Комитетъ рѣшилъ сорвать хотя бы одну манифестацію и заставить полицію прекратить ихъ. Въ это же время были распространены прокламаціи о войнѣ, о манифестаціяхъ, былъ устроенъ рядъ собраній. Было выбрано воскресенье, послѣдній день масляницы.

Но... даже втеченіи этихъ нѣсколькихъ дней настроеніе значительно измѣнилось, манифестаціи обратились въ какую то жалкую комедію. Представьте себѣ картину: два босяка несутъ портретъ Николая, вокругъ нихъ 20-25 мальчишекъ, вопящихъ: „долой шапки", „ура"... а на улицѣ масса гуляющей публики, явно иронизирующей надъ „патріотами". Конечно, подобную манифестацію не имѣло смысла срывать.

А теперь, спустя лишь одинъ мѣсяцъ, настроеніе поразительно рѣзко измѣнилось. Даже наши либералы начинаютъ понимать, что нужно не складывать оружія, а съ удесятеренной энергіей *теперь* бороться съ самодержавіемъ. Послѣдствія войны уже начинаютъ сказываться: на заводахъ и фабрикахъ сокращаютъ работу, понижая расцѣнки; въ торговлѣ почти застой; доблестный русскій флотъ пока лишь доблестно терпитъ пораженія, а „внутренній врагъ" выясняетъ истиннаго виновника тѣхъ бѣдствій, которыя принесетъ война. Правительственнымъ сообщеніямъ никто не вѣритъ, всѣ прекрасно понимаютъ, что правительство скрываетъ истинное положеніе дѣлъ, и въ то же самое время по городу циркулируютъ всевозможные слухи о печальномъ положеніи русской арміи, — слухи, которые еще болѣе усиливаютъ недовольство.

Но правительство пока не смущается и по прежнему старается показать преданность русскаго народа престолу... Въ легальныхъ газетахъ появляются сообщенія, что рабочіе нѣкоторыхъ заводовъ рѣшили отчислять въ пользу „Краснаго Креста" столько то процентовъ. При этомъ обыкновенно добавляютъ: „руководимые патріотическими чувствами". Это клевета, это наглая ложь! Рабочихъ *заставляютъ* давать деньги на „Кр. Кр.".

На заводѣ Парамонова первоначально предлагали три процента отчислять, но рабочіе наотрѣзъ отказались. Тогда начальство во время получки прямо заставляло платить два процента. Когда же рабочіе стали упираться, то мастеръ заявилъ, что нежелающихъ платить будутъ разсчитывать.

Акціонерное общество „Аксай" предлагало жертвовать „кто сколько можетъ". Всѣ рабочіе отказались, тогда начальство объявило: „или разсчетъ, или жертвуй". Рабочіе согласились платить; отказавшихся уволили.

На заводахъ Пастухова и Дутикова ожидаются тѣ же мѣры. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ монтеры одновременно ходили по всѣмъ цехамъ съ подписными листами и приглашали записываться въ число желающихъ отчислять на нужды „Краснаго Креста" одинъ процентъ изъ всего заработка, но рабочіе не соглашались на подписку такого листа и просили дать кружку. Имъ въ этомъ было отказано; съ своей стороны также рабочіе отказались подписывать листъ. Тогда мастера въ каждомъ цехѣ просто принудили подписывать листъ: напримѣръ, въ сборномъ цехѣ листы были розданы бригадирамъ съ приказаніемъ, чтобы каждый въ своей бригадѣ принуждалъ рабочихъ подписывать листъ подъ угрозой увольненія. Въ кузнечномъ цехѣ помощникъ мастера нежелающимъ угрожалъ пониженіемъ расцѣнокъ. Въ литейномъ цехѣ заставляли платить подъ угрозой многозначительнаго „смотри". Во всѣхъ другихъ цехахъ происходило то же самое: если первоначально никто не соглашался, то впослѣдствіи вынужденъ былъ согласиться, дабы не быть „бѣльмомъ" въ глазу начальства.

Вотъ какими подлыми средствами правительство выжимаетъ изъ рабочихъ „патріотическія" чувства.

На дняхъ получилось требованіе съ Дальняго Востока прислать слесарей на должность помощниковъ машиниста. Въ паровозномъ и сборномъ цехахъ начали вербовать охотниковъ, но желающихъ нашлось только двое, остальныхъ просто назначили, а кто отказывался, то заявляли расчетъ. Такъ царское правительство выжимаетъ изъ рабочихъ „вѣрноподданническія чувства". А наши продажныя легальныя газеты спѣшатъ возвѣстить міру о добровольномъ пожертвованіи, о преданности престолу рабочихъ.

Харьковъ. Еще не такъ давно (въ 59 №) я писалъ вамъ о голодовкѣ, имѣвшей мѣсто въ нашей политической тюрьмѣ на Холодной Горѣ. И снова я долженъ брать перо въ руки, чтобы приняться за описаніе новыхъ тюремныхъ ужасовъ, къ которымъ мы мало-по-малу должны привыкнуть, какъ къ постоянному явленію въ Харьковѣ. Снова голодовки, уже въ обѣихъ тюрьмахъ, съ приправой репрессій за „бунтъ". Въ ночь съ 29 на 30 января, какъ извѣстно, было арестовано до 40 человѣкъ, большей частью по дѣлу соц.-рев. Помѣстили большинство изъ нихъ въ новую тюрьму на Холодной Горѣ, построенную по послѣднему слову „науки". Обращались съ ними грубо, кормили скверно. Нуженъ былъ поводъ, чтобы прорвалось раздраженіе заключенныхъ. И наконецъ, капля переполнила чашу. Заключенный Кабельмахеръ, сидящій ужъ полгода, за какую-то грубость надзирателя послалъ его къ чорту и былъ посаженъ за это на два дня въ карцеръ. Когда товарищи узнали объ этомъ на второй день, они потребовали немедленнаго освобожденія его. Требованіе было отклонено въ самой грубой формѣ; натянутые нервы не выдержали, нѣкоторые начали бить стекла, двери, большинство присоединилось, начальствомъ была позвана команда, ставшая въ корридорѣ, у дверей камеръ. Ночь прошла въ возбужденіи, а на слѣдующій день, 16 человѣкъ, у которыхъ были найдены перебитыя форточки, двери, были посажены въ карцеръ на четыре дни, лишены свиданій на одинъ мѣсяцъ, книгъ, переведены на арестантскую пищу. Остальные, узнавъ объ этомъ, рѣшили голодать, причемъ не всѣ столковались, а потому лишь около 40 человѣкъ приступили къ голодовкѣ. Нѣкоторые голодали въ четвертый разъ за шесть мѣсяцевъ (Левинъ, Кузьменко, Драхановъ, Ломоносовъ, Бойтовъ). Голодали пять дней. Начальство въ отвѣтъ усилило репрессіи, лишило всѣхъ прогулки, книгъ, свиданій, подняли койки. Черезъ пять дней голодовка прекратилась безъ всякихъ результатовъ. Насколько грубо обходились съ заключенными — можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ: Бойтовъ не пожелалъ вторично пойти въ карцеръ послѣ того, какъ его выпустили и онъ снова нагрубилъ; тогда на него съ помощью солдатъ накинули сумасшедшую рубаху и свезли въ губернскую тюрьму. При этомъ, онъ, сильный, здоровый человѣкъ, страшно кричалъ: „товарищи, меня бьютъ". — На всѣ вопросы возмущенныхъ товарищей, смотритель отвѣчалъ, что это неправда. Черезъ нѣсколько дней такая же трагедія происходила и въ губернской тюрьмѣ. Тамъ начальство вздумало „подтянуть распустившуюся тюрьму", велѣло закрыть форточки на замки, дабы не переговаривались, не разрѣшало ставить вечеромъ лампы на столъ; и этимъ оно вызвало возмущеніе заключенныхъ. Въ результатѣ — восьмидневная голодовка, достигшая частичнаго успѣха. Таковы ужасныя условія тюремной жизни въ Харьковѣ, прославившемся печальной извѣстностью въ этомъ смыслѣ.

„Патріотизмъ" немного заглохъ. О немъ вспомнило земское собраніе, пожертвовавшее полтора милліона на нужды арміи и флота. На этомъ замѣчательномъ собраніи произошелъ не менѣе замѣчательный инцидентъ. Когда была рѣшена эта ассигновка, на хорахъ раздался свистъ. Черезъ секунду сбѣжалъ внизъ студентъ медикъ пятаго курса Саковичъ и, обратившись къ какому-то земцу, попросилъ распорядиться объ удаленіи съ хоръ нѣсколькихъ студентовъ, которыхъ онъ видѣлъ свистѣвшими. Г-на Саковича попросили отправиться съ доносомъ въ полицію, а земцевъ оставить въ покоѣ. Этотъ „студентъ" въ настоящее время исключенъ изъ университета сходкой, имѣвшей мѣсто 28 февраля по поводу его и еще нѣсколькихъ студентовъ — членовъ Русскаго Собранія. Дѣло въ томъ, что дней десять тому назадъ молодой профессоръ г. Яснопольскій (сынъ кіевскаго профессора) прочелъ лекцію о войнѣ, освѣтивъ ея послѣдствія со всѣхъ сторонъ. Послѣ этого, група 19 студентовъ (пресловутые „русскіе": Павловскій, Остроумовъ, Хижняковъ, Бретеловъ, Ивановъ и др.) подала ректору мотивированное заявленіе объ оскорбленіи ихъ національнаго и патріотическаго чувства. Въ результатѣ отеческое внушеніе Яснопольскому со стороны попечителя и совѣтъ подать въ отставку, что Яснопольскій и исполнилъ. Созванная сходка носила мирный характеръ, чисто академическій. Рѣшено было исключить семь человѣкъ (въ томъ числѣ Саковича). На слѣдующій день было 11 обысковъ, но никакихъ высылокъ. На второе марта назначены сходки, какъ въ университетѣ, такъ и въ институтѣ.

Общее положеніе здѣсь не блестящее; усиленный надзоръ, масса шпіоновъ, провокація, отсутствіе литературы — все это сильно тормозитъ работу. Но объ этомъ въ слѣдующій разъ.

Батумъ. 2 го февраля въ 10 час. 40 мин. была устроена грандіозная демонстрація. Какъ извѣстно, событія на Дальнемъ Востокѣ застали врасплохъ самодержавное правительство. Казна опустошена. Народъ-рабъ молчитъ. Нужно его поднять, заставить его заговорить, поддержать царя-батюшку. И вотъ царское правительство рѣшило само уничтожить корень, на которомъ держится зданіе царизма — безгласность народа. И пошли чиновники по Руси святой собирать народъ... манифестировать... Поднялась и наша полиція. Она отдала приказъ дворникамъ „оповѣстить" народъ о предполагавшейся „патріотической" манифестаціи... Совершенно случайно 1-го февраля въ 10 час. вечера одинъ изъ членовъ Комитета узналъ объ этомъ отъ пьянаго дворника. Членъ поспѣшилъ оповѣстить объ этомъ своихъ товарищей. Комитетъ, собравшись въ полномъ составѣ въ 10½ ч. в., принялъ резолюцію объ устройствѣ контръ-демонстраціи. На другое утро, час. въ семь-восемь, вся рабочая масса знала объ этомъ. Народъ шелъ съ небывалымъ даже въ Батумѣ энтузіазмомъ. Съ 10 час. направились къ Собору кадры рабочихъ. Полиція смѣялась, радуясь „обращенію" рабочихъ, предполагая, что они пришли „манифестировать". Были наготовѣ „патріоты": босяки, околоточные, дворники; трехцвѣтные флаги съ золотыми надписями: „Боже, царя храни!" Ровно въ 10 час. 40 мин. было поднято огромное красное знамя съ надписями: Долой самодержавіе! Да здравствуетъ республика! Долой буржуазію! Да здравствуетъ соціализмъ! Демонстранты ринулись на „патріотовъ", отняли у нихъ флагъ и разорвали на куски. Манифестанты съ полиціей и „патріотами" разбрелись по духанамъ спасать „животъ". Столкновеній не было; такъ великъ былъ страхъ! Демонстранты же дружной толпой направились внизъ по Маріинскому Проспекту, крича: „долой царское правительство!" „долой патріотовъ!" „Да здравствуетъ демократическая республика, свобода, соціализмъ" и пр. Демонстрантами было сдѣлано около 100 выстрѣловъ. („Разоруженіе" населенія не лишило возможности имѣть револьверы!). Были разбросаны прокламаціи въ огромномъ количествѣ „Къ обществу" по поводу войны. Демонстрація продолжалась минутъ 10-15. На мѣстѣ арестовъ не было. Арестовано впослѣдствіи чел. 11, изъ нихъ рабочіе Ооma Ломинадзе, Владиміръ Джибути, Павелъ Долобая, Чхеккеія, Чхандзе и др. Ищутъ многихъ. Въ демонстраціи участвовало свыше 2000 чел., не считая гимназистовъ и посторонней публики. Многіе рабочіе не подоспѣли.

Отъ редакціи. Полученное прежде нами извѣстіе о повѣшеніи шести батумскихъ товарищей, къ счастью, не подтверждается.

Баку. Пора написать Вамъ о проявленіяхъ нашего кавказскаго „потреотизма".

Немедленно вслѣдъ за объявленіемъ войны власти начали отчаянно раздувать русскій шовинизмъ. Средства для этого были пущены въ ходъ тѣ же, что и въ другихъ городахъ Россіи. Сначала молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, затѣмъ — непрепрекращающіяся шумныя манифестаціи на улицахъ, военные и „патріотическіе" марши, громъ барабановъ — все это должно было воздѣйствовать на слабые умы, тѣмъ болѣе, что публика у насъ совсѣмъ не привыкла къ подобнаго рода зрѣлищамъ; вѣдь и правительство у насъ впервые прибѣгаетъ къ содѣйствію массъ, впервые организуетъ массовыя демонстраціи. Въ этомъ несомнѣнно сказывается вліяніе соціальдемократическихъ методовъ агитаціи и соціалистическихъ демонстрацій. И если посмотрѣть на дѣло поверхностно, если судить по внѣшности, то придется признать, что агитація правительства имѣла несомнѣнный успѣхъ. Пришлось бы, пожалуй, заключить и то, что въ массахъ имѣется еще достаточный запасъ вѣрноподданничества и тупости. *Отчасти* патріотическія манифестаціи и подтверждаютъ такой выводъ, но только отчасти. Болѣе внимательное отношеніе къ нимъ должно въ значительной мѣрѣ разсѣять такой правительственный оптимизмъ. Прежде всего — о составѣ демонстрантовъ. Ядро ихъ вездѣ и повсюду составляли гимназисты и безработная голь, которую голодъ заставилъ записаться *въ волонтеры. Нужно же было этимъ людямъ*, съ отчаянія бросающимся въ военное рабство, чѣмъ-нибудь прикрасить свою горькую долю. Патріотическія манифестаціи дѣлали ихъ героями дня, позволяли забыть хоть на время о своей горькой участи, давали иногда и матеріальную поддержку бренному патріотическому духу въ видѣ національной водки. Что касается учащихся среднихъ учебныхъ заведеній, то ихъ большая роль въ патріотическихъ демонстраціяхъ объясняется несомнѣннымъ подъемомъ „потреотизма" въ слояхъ русской (мелкой и средней) буржуазіи и чиновничества, отчасти — давленіемъ начальства; младшіе классы галдѣли просто ради галдежа. Къ этому ядру на пути шествія присоединялись болѣе или менѣе значительныя толпы любопытныхъ; мелкій чиновничій и торговый людъ, а отчасти и русскіе рабочіе присоединялись въ качествѣ активныхъ манифестантовъ, послѣдніе особенно — въ рабочихъ кварталахъ. Общая численность манифестантовъ была не особенно значительна, по большей части толпа была человѣкъ въ 300-500-600, но нѣкоторые достовѣрные свидѣтели видѣли и двухтысячныя толпы. Во всякомъ

буржуазнаго развитія, т. е. дальнѣйшаго расширенія капиталистической эксплуатаціи. Со стороны Россіи — это война самодержавнаго правительства, ставшаго въ непримиримое противорѣчіе съ условіями *буржуазнаго* развитія націи. Отсюда — разница въ политическомъ настроеніи общества воюющихъ странъ: искренній и напряженный національно-патріотическій подъемъ широкихъ соціальныхъ круговъ Японіи — и полный „антипатріотизмъ" либеральныхъ и демократическихъ слоевъ нашего общества.

Благадаря этому въ протестѣ японскаго пролетаріата противъ войны слышится лишь чистая классовая нота; пролетаріатъ — противъ всего буржуазнаго міра. Въ такомъ же протестѣ россійскаго пролетаріата еще нѣтъ непремѣннаго классового содержанія, — есть только содержаніе демократическое: пролетаріатъ, который хочетъ положить конецъ милитаризму и колоніальной политикѣ, и либерализмъ, который хочетъ только подчинить милитаризмъ и колоніальную политику своему контролю, — одинаково осуждятъ нынѣшнюю „антинаціональную" войну.

Чтобы не ограничиться ссылкой на „Освобожденіе", укажемъ на Петербургскую „групу демократовъ", которая спрашиваетъ въ выпущенной ею печатной прокламаціи: „каковъ можетъ быть интересъ Россіи въ занятой на Дальнемъ Востокѣ позиціи? — и отвѣчаетъ: „Отвѣтъ можетъ быть только одинъ — *такого интереса нѣтъ*... Это разъяснилось не въ нелегальныхъ листкахъ, *во всей легальной печати, все общество явно было настроено противъ преступной авантюры*"... И здѣсь то именно и начинается для насъ трудность и сложность задачи: на пути общедемократическаго протеста противъ войны найти колею самостоятельной политики пролетаріата.

Къ сожалѣнію, громадное большинство партіи, — отъ Центральнаго Комитета до небольшой Прибалтійской групы, печатающей свои прокламаціи на плохомъ гектографѣ, — справляется съ этой трудностью крайне упрощенными средствами. Ц. К. находитъ, „что интересы алчной буржуазіи, интересы капитала, готоваго продать и разорить свою родину въ погонѣ за прибылью, — вотъ что вызвало эту преступную войну", а прибалтійская група уже прямо заявляетъ, что Николая „*принудили* воевать съ Японіей наши каждодневные кровопійцы, фабриканты и другіе капиталисты".

Усматривая за войной — со стороны Россіи — „интересы алчной буржуазіи", Ц. К. не рѣшается, однако, игнорировать различіе общественно-политическаго характера двухъ воюющихъ сторонъ. И потому оказывается, что со стороны Японіи за войной стоитъ не „алчная буржуазія", а „пятидесятимилліонный народъ,... который борется за настоятельно необходимыя, въ его (?) глазахъ, условія свободнаго національнаго развитія". Кому это предоставляетъ Ц. К. говорить отъ имени японскаго народа? Очевидно, все-таки „алчной японской буржуазіи". Ибо японскій пролетаріатъ въ войнѣ видитъ борьбу не за условія свободнаго національнаго развитія", а за условія дальнѣйшаго закабаленія труда капиталомъ. И мы думаемъ, что сознательный японскій пролетаріатъ правильнѣе оцѣниваетъ войну, чѣмъ японская буржуазія, отзывъ которой Ц. К. приводитъ, какъ мнѣніе японскаго „народа".

Екатеринославскій Комитетъ находитъ, что „эта губительная война ведется *всецѣло* (!) *въ интересахъ буржуазіи*"...

Петербургскій Комитетъ пишетъ, что война „ведется исключительно въ интересахъ капиталистовъ и *послушнаго имъ* правительства, желающихъ даже силою оружія удержать за собой на Дальнемъ Востокѣ рынки для сбыта своихъ товаровъ"[1].

Полѣсскій Комитетъ живописно изображаетъ, какъ россійскій купецъ перестолъ находить сбытъ своимъ товарамъ и ударился по этому случаю „въ горькія слезы", и какъ батюшка-царь не забылъ о купцѣ и рѣшилъ добыть для него новые рынки на Дальнемъ Востокѣ.

Таже ошибка, осложненная нѣкоторыми роковыми выводами, составляетъ содержаніе двухъ прокламацій Одесскаго Комитета: „Японцы ли наши истинные враги и съ кѣмъ слѣдуетъ воевать?" и „Кто нашъ врагъ?".

Сказавъ все, что слѣдовало о „рынкахъ" для рус. буржуазіи, первая прокламація заключаетъ: „Теперь вы поняли, кто вашъ истинный врагъ? Врагъ этотъ — это буржуазія. Но она не одна. Ее поддерживаетъ наше самодержавное правительство... Въ другихъ странахъ самъ народъ черезъ своихъ представителей въ парламентѣ рѣшаетъ: воевать или нѣтъ, съ кѣмъ воевать, когда воевать? Правительство тамъ не смѣетъ ни одной копейки народныхъ денегъ тронуть для войны, ни одного человѣка не смѣетъ послать въ бой, пока народъ не разрѣшитъ этого. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ: шайка придворныхъ и высшихъ чиновниковъ во главѣ съ царемъ рѣшаетъ вопросъ о войнѣ и мирѣ, рѣшаетъ судьбу сотни тысячъ людей, распоряжается сотнями милліоновъ народныхъ денегъ. *И это опять-таки для того, чтобы угодить буржуазіи*."

Такимъ образомъ, оказывается, что война затѣяна самодержавіемъ „для того, чтобъ угодить буржуазіи". При политической свободѣ буржуазія лишена возможности себѣ такъ „угождать", ибо всѣ дѣла рѣшаетъ „самъ народъ". Но если такъ, то очевидно, что наша буржуазія должна сойти съ ума, прежде чѣмъ стремиться къ политической свободѣ. Иначе сказать: групы и классы, стремящіеся къ политической свободѣ, не могутъ принадлежать къ буржуазіи. Но вѣдь именно эта политическая „идея" и составляетъ сущность писаній „Вѣстника Рус. Революціи" и „Revol. Россіи". И именно на основаніи этихъ писаній мы причислили „соц.-рев." къ неспособной познать себя буржуазной демократіи. Не придется ли Одесскому Комитету, если „Искра" укажетъ ему, напримѣръ, на „Освобожденіе", отвѣтить ей безсмертными словами „соціалиста" Новобранцева: „Нечего сказать, нашла буржуазію!" („Рев. Рос.", № 32). Не придется-ли?

Московскій Комитетъ, разъяснивъ, что война есть продуктъ соперничества изъ-за рынковъ между рускимъ фабрикантомъ и японскимъ буржуа, поясняетъ: „Пока государственная власть находится въ рукахъ буржуазіи, она всегда будетъ употреблять эту власть для достиженія своихъ цѣлей въ ущербъ интересамъ трудящихся слоевъ населенія. *Особенно проявляется это у насъ*, гдѣ власть сосредоточена въ рукахъ самодержца — царя..."

Мы очень боимся, что нашъ Московскій Комитетъ, на взглядъ котораго въ современной войнѣ „особенно проявляется" зло того порядка, когда государственная власть находится въ рукахъ „всей буржуазіи", долженъ будетъ въ интересахъ логики придти къ выводу, что ближайшая революція, къ которой Мос. Комитетъ готовитъ московскихъ рабочихъ, вырветъ политическую власть изъ рукъ буржуазіи и передастъ ее въ другія руки — въ чьи же собственно? И не права ли опять-таки „Р. Рос.", которая учитъ, что ближайшая революція будетъ *не чисто* буржуазной, даже *анти*буржуазной — ибо будетъ... „политической", „демократической" и даже „соціальной"?

Николаевскій Комитетъ имѣлъ насчетъ войны „свои" вѣрныя и надежныя мысли — о рынкахъ и объ интересахъ буржуазіи. № 56 „Искры" механически вдвинулъ въ сознаніе Николаевскихъ товарищей новый порядокъ мыслей. Пришлось эти два порядка соединить: „рынки и буржуазію" — для соціализма, „антинаціональную авантюру самодержавія" — для политики. Связь соціализма съ политикой установлена очень просто. Приводится фраза изъ „Искры" (правда, безъ указанія источника), ее смѣняетъ соображеніе объ интересахъ „воинствующей буржуазіи", потомъ снова неоговоренная выдержка изъ „Искры" и снова „ортодоксальная" отсебятина. И такъ — въ нѣсколько слоевъ. Отъ этого прокламація похожа не столько на прокламацію, сколько на слоеный пирогъ.

Отдѣльные слои этого своеобразнаго произведенія имѣютъ чрезвычайно подозрительный характеръ. Такъ, напримѣръ, сравнивая самодержавную Россію съ странами, которыми „заправляютъ капиталисты", Николаевскій Комитетъ говоритъ: „Тамъ, ища выхода въ расширеніи рынковъ внѣшнихъ для сбыта своихъ товаровъ, стараются (!) и внутри страны сдѣлать возможно больше для подъема благосостоянія массы населенія, тамъ не только выкачиваютъ, но и заботятся (!) о дальнѣйшемъ населеніи, принимаются мѣры для облегченія налогового бремени и переложенія его на имущихъ для поднятія образовательнаго уровня населенія, для широкой помощи массѣ неимущаго населенія...". И все это совершается, какъ видите, тѣми, кто ищетъ „внѣшнихъ рынковъ для сбыта своихъ товаровъ".

---

[1] Отмѣтимъ, что въ другихъ прокламаціяхъ Петербургскій Комитетъ сталъ на правильную точку зрѣнія. Прокламація „Война началась!" говоритъ: „Этой войной мы обязаны только нашему самодержавному правительству. Ни въ одной странѣ, пользующейся политической свободой, немыслимо возникновеніе такой безумной войны... Даже господствующіе классы, классы капиталистовъ, не позволили бы правительству пуститься въ такую опасную и безсмысленную игру". Улучшеніе замѣчается и въ послѣдней прокламаціи Одесскаго Комитета.

случаѣ 3000 — это высшій предѣлъ здѣшнихъ манифестацій[1]) (если не говорить объ армянской манифестаціи, о которой рѣчь ниже). Руководили толпой нерѣдко явно-полицейскіе агенты; они же несли портретъ царя, если только эта обязанность не возлагалась начальствомъ на учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній (были, впрочемъ, и добровольные „бѣшеные патріоты" изъ числа учениковъ). Разсказываютъ объ одной манифестаціи, впереди которой несли два царскихъ портрета: одинъ несъ какой-то подозрительнаго вида субъектъ, выступавшій рядомъ съ околодочнымъ надзирателемъ, другой — единственная въ толпѣ женщина. Естественно, что взоры всѣхъ обратились къ этой патріоткѣ. Скоро личность таинственной незнакомки выяснилась. На вопросъ: „кто это?" мѣстные люди отвѣчали: „да развѣ вы не знаете? Это — содержанка околодочнаго". Мы уже признали несомнѣнный фактъ пробужденія рѣзко шовинистическаго настроенія въ русскомъ мелкомъ (не-рабочемъ) людѣ. При поддержкѣ полиціи эти элементы совершенно терроризировали улицу, заставляли всѣхъ снимать шапки при своемъ появленіи, нагло врывались въ общественныя собранія (театръ, клубъ), наполняли городъ своими криками и гимнами. Понятно, все это могло совершаться только при отсутствіи противодѣйствія со стороны рабочей массы. Переходя къ ней, мы должны признать, что, хотя она до сихъ поръ чужда грубаго шовинизма русской буржуазіи и чиновничества, она не сумѣла сама, своими собственными силами, разобраться въ шквалѣ неожиданно налетѣвшихъ событій, чувствъ и настроеній. Вотъ тутъ-то и необходимо было могущественное соціальдемократическое печатное слово, которое разъяснило бы массамъ смыслъ происходящихъ событій. Обстоятельства сложились какъ нельзя болѣе печально въ этомъ отношеніи: Союзный Комитетъ и Бакинскій Комитетъ еще не успѣли къ тому времени оправиться отъ полицейскихъ ударовъ, Ц. К. не поспѣлъ во время. Устная же пропаганда и агитація въ такіе моменты недостаточна. Предоставленная самой себѣ, недоумѣвающая рабочая масса бездѣйствовала, а наиболѣе темные ея элементы принимали и активное участіе въ полицейскихъ манифестаціяхъ. Нѣкоторые все же таки думаютъ, что, прояви Бакинскій Комитетъ больше рѣшительности, не остановись онъ въ раздумьи передъ неожиданнымъ взрывомъ шовинизма, при его вліяніи на массы ему удалось бы если не сорвать полицейскія манифестаціи, то во всякомъ случаѣ внести въ общій хоръ рѣзкую дисгармонію. Можетъ быть, они и правы, но перейдемъ къ событіямъ. 31 января въ театрѣ состоялась небольшая контръ-манифестація. Когда заиграли „Боже царя храни", рабочіе потребовали „Марсельезу", и подъ звуки революціоннаго марша успѣли разбросать маленькіе плакаты съ „возмутительными надписями", а при вторичномъ гимнѣ раздались и свистки. Произведено около семи арестовъ *по указанію, главнымъ образомъ, публики*, въ томъ числѣ — три ученика среднихъ учебныхъ заведеній (Бакинскій Ученич. Ком. выпустилъ по этому поводу два листка съ опубликованіемъ именъ доносчиковъ). Продолжающіяся манифестаціи нагнали страхъ на буржуазную публику. И вотъ, вслѣдъ за русскими, и туземцы начинаютъ устраивать патріотическія манифестаціи самого лицемѣрнаго свойства. Начали татары, отношенія которыхъ къ русскому правительству пока глаже, чѣмъ у другихъ національностей: на нихъ правительство хочетъ опереться въ борьбѣ съ болѣе культурными армянами и грузинами. Татарскіе заправилы отвергли было уличную манифестацію, рѣшивъ ограничиться молебствіемъ въ мечетяхъ, но полиція сама прислала оркестръ, и тогда татарскіе „интеллигенты", вопреки своему собственному рѣшенію, организовали уличное шествіе, направились къ дому губернатора, и здѣсь старый шельма — гласный думы Гасанъ-бекъ-Меликовъ — произнесъ „горячую" рѣчь. Насколько искрененъ этотъ руссо-татарскій патріотизмъ, можно видѣть изъ тѣхъ ликованій, которыми встрѣчается пораженіе Россіи въ мусульманскихъ странахъ, особенно въ Турціи. Намъ достовѣрно извѣстно, что и здѣшніе (буржуа-мусульмане втайнѣ ликуютъ, такъ какъ ихъ идеалъ — торжество исламизма, во образѣ ли турецкаго султана или персидскаго шаха. Поведеніе г. Г.-бекъ-Меликова вызвало негодованіе даже въ средѣ татарской буржуазіи. Слѣдомъ за татарами пошли немногочисленные здѣсь грузины. И вотъ, полиція стала производить самое отчаянное давленіе на армянъ. „Если, — говорила она виднымъ армянамъ, — вы не устроите патріотической манифестаціи, то татары устроятъ армянскій погромъ. Пущенные полиціей слухи о погромѣ страшно перепугали армянскую буржуазію, хотя армяне здѣсь хорошо вооружены и многочисленны и, казалось бы, они приготовлены къ защитѣ. Но буржуазія — вездѣ буржуазія. И вотъ, въ назначенный для молебствія день видные армянскіе буржуа (какъ, напримѣръ, крупный фабрикантъ Мирзабекянцъ и „либералы" Хатисовъ и Вачьянцъ) обходили всѣ армянскія лавки и убѣждали всѣхъ идти на молебствіе. Нашелся даже доброволецъ, который приглашалъ на молебствіе, якобы отъ имени армянскаго національно-революціоннаго комитета. Результаты превзошли всѣ ожиданія: на Парапетѣ, томъ самомъ Парапетѣ, на которомъ еще не обсохла кровь армянскихъ жертвъ, убитыхъ пулями русскихъ солдатъ во время трагической защиты армянской церкви, собралась 10-тысячная толпа армянъ, колѣнопреклоненная передъ царскимъ портретомъ, слала „Всевышнему" лицемѣрныя мольбы о побѣдѣ русскаго оружія. И некому было протестовать противъ этого проявленія крайняго политическаго разврата, до того неожиданна для всѣхъ была эта манифестація. Извѣстно, что терроръ, какъ средство борьбы, является признакомъ слабости революціоннаго движенія. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда толпа готовилась идти къ дому губернатора, чья-то ужасная рука, не остановившаяся передъ кровью невинныхъ дѣтей, пригнанныхъ силою гимназическихъ начальствомъ и своими трусливо-раболѣпными родителями, бросила къ ногамъ армянскихъ священниковъ и лицъ, несущихъ царскіе портреты, динамитную бомбу. Бомба произвела страшныя опустошенія въ густой толпѣ дѣтей, женщинъ и мужчинъ: убитыхъ считается отъ 3 до 7, раненыхъ — свыше 40. Озлобленная толпа набросилась на нѣсколькихъ случайныхъ русскихъ, считая ихъ виновниками жестоко-бессмысленнаго протеста. Избивъ ихъ, она передала ихъ окровавленными въ руки полиціи. Арестованные оказались совершенно непричастными и уже выпущены.

Вся гнилость армянской буржуазіи сказалась въ день 3 февраля. Выбора нѣтъ — одинъ пролетаріатъ является дѣйствительно революціоннымъ классомъ! Два слова объ Армянской Соц.-Дем. Раб. Организаціи. За послѣдніе дни она выпустила нѣсколько листковъ: къ мусульманской интеллигенціи (по поводу холопской депутаціи мусульманскаго дворянства къ кн. Голицыну), къ армянскому обществу, по поводу событія 3 февр. (на арм. яз.), ко всѣмъ гласнымъ думы (съ приглашеніемъ не являться на молебствіе въ думѣ). Вообще, она, повидимому, привлекаетъ къ себѣ сторонниковъ среди армянской интеллигенціи, хотя въ массахъ она по-прежнему находитъ очень мало поддержки. Перехожу къ дальнѣйшему изложенію. Первымъ слѣдствіемъ взрыва былъ новый подъемъ русскаго шовинизма. До ночи 3 февр. происходили бѣшеныя патріотическія манифестаціи. Но этотъ день положилъ конецъ дальнѣйшимъ холопскимъ манифестаціямъ туземцевъ, тѣмъ болѣе, что полиція, очевидно, подъ вліяніемъ контръ-манифестацій рабочихъ въ Батумѣ (2 фев.) и учащихся въ Кутаисѣ (3 фев.), а также и въ русскихъ городахъ, уже затрубила отбой. И тутъ-то сказалась вся истинная цѣна россійскаго патріотизма: чуть только полиція перестала инсценировать манифестаціи, ихъ какъ рукой сняло, несмотря даже на наступившую масляницу съ ея пьянымъ разгуломъ. Полиція продолжала, однако, распускать слухи о готовящемся армянскомъ погромѣ. Въ виду этого Бак. Ком. Р. С.-Д. Р. П. рѣшилъ на всякій случай организовать оборону. Въ выпущенныхъ имъ на русскомъ (печ.) и татарскомъ (гект.) яз. листкахъ онъ приглашалъ рабочихъ вооружиться для защиты армянъ отъ возможнаго нападенія руководимыхъ полиціей громилъ; объявлялъ, что всякій рабочій, который не приметъ участія въ оборонѣ, будетъ немедленно исключенъ изъ организаціи; угрожалъ — въ случаѣ погрома — правительственнымъ лицамъ и правительственнымъ учрежденіямъ терроромъ; объявлялъ объ организуемыхъ имъ рабочихъ патруляхъ. Дѣйствительно, 7-8 февр. вооруженные рабочіе патрули были разставлены въ наиболѣе людныхъ мѣстахъ города съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ опасности немедленно созвать организованныхъ рабочихъ, разогнать громилъ и силой воздѣйствовать на администрацію. Патрули произвели на рабочую массу отличное впечатлѣніе и подняли нѣсколько упавшее было подъ вліяніемъ патріотическихъ манифестацій настроеніе. Обращаетъ на себя вниманіе и участіе въ патруляхъ рабочихъ мусульманъ, явившихся наилучше вооруженными. Все растущее участіе въ рабочемъ движеніи бакинскихъ мусульманъ (а мусульмане составляютъ большинство населенія на всемъ Кавказѣ) сдѣлаетъ въ недалекомъ будущемъ кавказскую соціальдемократію неуязвимой. Побольше бы только интеллигентныхъ соціальдемократовъ — мусульманъ и армянъ! Намъ остается еще сказать о молебствіи въ думѣ. Мы уже говорили, что Арм. С.-Д. Р. О. разослала всѣмъ гласнымъ предложеніе не являться на молебствіе. Послѣдніе увидѣли въ этомъ угрозу динамитомъ и — боже! — какъ задрожали ихъ „патріотическія" сердца! Хотѣли было отмѣнить молебенъ, но было уже поздно. Молебенъ состоялся при восьми гласныхъ, четырехъ членахъ управы, нѣсколькихъ сторожахъ и холопахъ изъ служащихъ и при полицейскихъ. Каждую минуту ждали храбрые думцы своей гибели, но богъ на этотъ разъ спасъ! Теперь патріотизмъ попрятался по угламъ. Надо думать — новое оживленіе его встрѣтитъ нашу соціальдемократію болѣе подготовленной. Ожидаются листки о войнѣ Центр. Ком., Союзн. Ком. и Бак. Ком. Рос. Соціальдемократической Рабочей Партіи.

[1]) Одинъ неглупый обыватель, видѣвшій майскія демонстраціи рабочихъ, удачно выразился, что нынѣшнія манифестаціи доказываютъ только одно: что въ Баку гораздо больше охотниковъ кричать „долой самодержавіе", чѣмъ пѣть „Боже царя храни".

P. S. Спѣшу исправить свое предыдущее сообщеніе. Въ числѣ арестованныхъ въ Тифлисѣ ложно названъ Цхакая (у него былъ только обыскъ). Типографія Союза цѣла. Стачка въ Балаханахъ была не у Біеринга и Раабе, а у Беринга.

Петербургъ. Какъ извѣстно, у Плеве состоялось совѣщаніе евреевъ. Внявши просьбѣ мѣстнаго богача-еврея барона Гинзбурга, министръ позволилъ ему пригласить 40 евреевъ изъ разныхъ городовъ для частнаго совѣщанія вмѣстѣ съ нимъ, министромъ. Гинзбургъ поспѣшилъ по телеграфу выписать 40 лицъ изъ своихъ знакомыхъ и представилъ министру ихъ списокъ. Плеве выбралъ изъ нихъ 10 человѣкъ, недипломированныхъ и людей старшаго возраста, и пригласилъ ихъ къ себѣ. „Напрасно думаютъ, что я врагъ евреевъ, — обратился къ нимъ съ рѣчью министръ — ни я, ни бывшій министръ Игнатьевъ, издавшій временныя правила, не враги евреевъ. Мы своими постановленіями объ евреяхъ ограждаемъ ихъ отъ враждебно относящагося къ нимъ коренного населенія. Притомъ положеніе евреевъ вовсе не такое плачевное. Вотъ я минувшимъ лѣтомъ распорядился о расширеніи черты осѣдлости. Теперь же внесенъ уже проектъ объ отмѣнѣ пятидесятиверстной пограничной черты, а въ близкомъ будущемъ готовится проектъ о разрѣшеніи евреямъ въ мѣстностяхъ черты осѣдлости покупать землю въ деревняхъ до одной десятины на душу." Никто изъ приглашенныхъ не нашелся, что ему возразить. Кто-то заборможалъ объ ограниченіи пріема евреевъ въ учебныя заведенія. Плеве на это отвѣтилъ, что, пропорціонально населенію, евреевъ въ учебныхъ заведеніяхъ не мало. „Вотъ то, что евреи принимаютъ такое дѣятельное участіе въ революціонныхъ партіяхъ, не можетъ послужить имъ въ пользу. А, вообще, евреямъ нечего жаловаться. Возможно ли было бы 20 лѣтъ тому назадъ, чтобы евреи засѣдали за однимъ столомъ съ министромъ?" Этимъ закончилось засѣданіе.

Слухи о томъ, что воинскіе поѣзда привозятъ половину солдатъ замерзшими, подтверждаются. По дорогѣ масса солдатъ заболѣваетъ и умираетъ. Перевозятъ въ открытыхъ товарныхъ вагонахъ и частью безъ теплой одежды. Въ Портъ-Артурѣ долженъ былъ быть запасъ продовольствія на пять лѣтъ. Оказалось, что его хватитъ только на годъ, и то мука сгнившая.

Черезъ Пензу прошелъ на дняхъ какой-то батальонъ Сибирскаго полка, командированный на Дальній Востокъ. По прибытіи солдатъ въ Пензу у тамошняго интендантскаго управленія ничего не было заготовлено. Земская и городская управы быстро закупили хлѣбъ и небольшое количество другихъ продуктовъ и угощали солдатъ.

Витебскъ. Какъ подготовляются погромы. По городу распространенъ нелѣпый слухъ (кѣмъ?), будто у умершаго недавно богача-еврея, Соловья, были собранныя евреями деньги для японцевъ... Пишущему эти строки пришлось быть случайно свидѣтелемъ, какъ нѣсколько хулигановъ, стоя возлѣ собравшейся толпы, читавшей послѣднія телеграммы, ругали евреевъ за посылку денегъ черезъ Соловья въ Японію. Когда къ присутствовавшему при этомъ городовому, который глупо ухмылялся, слушая разсказы хулигановъ, подошелъ одинъ еврей и просилъ его записать фамиліи тѣхъ, которые распускали нелѣпые слухи, и указалъ, къ чему они могутъ привести, то городовой, только что прислушивавшійся къ баснямъ говорившаго, громко заявилъ, что онъ ничего подобнаго не слыхалъ и потому записывать не будетъ, и тутъ же разогналъ спокойно идущихъ по троттуару обывателей.

Недавно у насъ была прочитана Рожковымъ лекція о паденіи крѣпостного права въ Россіи. Народу было масса. Группа соц.-рев. разбросала подъ конецъ карточки съ нѣсколькими стихами изъ „Отречемся отъ стараго міра" и т. д. Впечатлѣнія онѣ не произвели никакого. По этому дѣлу было много арестовъ, но всѣ выпущены.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Ростовъ на Дону. На извѣстнаго провокатора-шпіона, бывшаго главнымъ свидѣтелемъ по дѣлу о демонстраціи второго марта — Ноземцева — было совершено покушеніе. Негодяй тяжело раненъ. Стрѣлявшій скрылся.

На заводѣ Пастухова были волненія. Поводомъ къ нимъ послужила задержка жалованья. Какъ извѣстно, по закону хозяинъ обязанъ выдавать получку не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Пастуховъ же толкуетъ законъ по своему: выдаетъ лишь перваго и пятнадцатаго числа, а если эти числа не приходятся на субботу, то задерживаетъ получку на недѣлю, а то и больше. Рабочіе потребовали, чтобы жалованье выдавали обязательно

„Да вѣдь это уже бернштейніанство!" воскликнетъ соціальдемократъ, знающій о бернштейніанствѣ кое-что сверхъ того, что противъ этой болѣзни редакціей „Искры" изобрѣтена, а вторымъ съѣздомъ Партіи принята „ортодоксальная" программа. И отъ этого соціальдемократа Николаевскіе товарищи могли бы узнать, что можно говорить прозой, совершенно не подозрѣвая этого.[1])

Такимъ образомъ, основной недостатокъ „военныхъ" прокламацій, а значитъ и всей агитаціи — неумѣнье связать интернаціональныя задачи россійскаго пролетаріата съ условіями его національнаго положенія, или, какъ мы формулировали выше, — неумѣнье найти на пути общедемократическаго движенія новою самостоятельной политики пролетаріата.

Это лишь частный примѣръ пасованья передъ тѣмъ вопросомъ, постановка и освѣщеніе котораго составляетъ задачу послѣднихъ статей П. Б. Аксельрода. Къ сожалѣнію, тѣ товарищи, мысль которыхъ, какъ мышь въ мышеловкѣ, безпомощно суетится на квадратномъ вершкѣ организаціонно-уставныхъ деталей, не только не пытаются теоретически и практически искать рѣшенія задачи, но и не пробуютъ ее поставить.

Они просто игнорируютъ „антинаціональный" (не только антипролетарскій) характеръ войны, видятъ въ Манчжуріи и Кореѣ рынокъ, въ которомъ одинаково заинтересованы японская и россійская буржуазія, уравниваютъ на бумагѣ соотношеніе государственной власти и общественныхъ классовъ въ Россіи и въ Японіи и думаютъ, что это именно означаетъ творить классовую политику. А между тѣмъ это только значитъ отрекаться отъ нея. Въ самомъ дѣлѣ. Чтобъ „отдѣлить" пролетаріатъ отъ буржуазіи, мы выставляемъ все буржуазное общество виновникомъ войны. Этимъ самымъ каждый протестующій противъ войны получаетъ возможность „выписаться" изъ буржуазнаго общества. А соц.-рев., имитирующіе нашу терминологію, уже совершенно сливаются съ нами. Таковы результаты „строго выдержанной классовой политики".

[1]) Можетъ быть тѣмъ же самымъ перомъ, которымъ написана цитированная прокламація, два члена Ник. Ком. — это уже самые „непримиримые" — пишутъ редакціи „Искры", что не станутъ перепечатывать ея прокламацій, какъ бы хороши онѣ ни были и какъ бы осязательно ни чувствовалась недостаточность общаго руководства — дабы не потакать дезорганизаторамъ. Мы не понимаемъ точки зрѣнія этихъ товарищей. Казалось бы, что величайшую дезорганизацію въ сознаніи пролетаріата совершаетъ именно Николаевскій Комитетъ, дающій несоціальдемократическое освѣщеніе событій. Если Николаевскій Комитетъ не хочетъ своей несоціальдемократической агитаціи замѣнять соціальдемократической, чтобъ не популяризовать несимпатичнаго ему имени Ц. О. своей партіи, — на этотъ конецъ вѣдь у него оставалась возможность перепечатывать листки и статьи, не указывая источника, къ чему онъ уже прибѣгъ въ цити[illegible]

„Экономисты" говорили, что буржуазная демократія есть фантомъ, и даже не задумывались надъ тѣмъ, какъ отдѣлиться отъ нея. „Политики" признали буржуазную демократію за реальность и, чтобы покрѣпче размежеваться съ нею, стали валить на нее всѣ политическія преступленія — даже тѣ, противъ которыхъ она борется въ собственныхъ интересахъ. Выигрышъ выходитъ небольшой, потому что буржуазная демократія, торжественно признанная реальностью, все-таки остается какъ-бы фантомомъ: *она совершенно не подходитъ подъ свои „статейные списки"* и отличить ее для пролетарія, воспитаннаго (?) „политиками", будетъ такъ же трудно, какъ и для пролетарія, прошедшаго школу „экономистовъ..."

Казалось бы, мы мыслимъ безукоризненно: „... Частная собственность на средства производства... Конкурренція... Анархія... Перепроизводство... Необходимость внѣшнихъ рынковъ... Интересы буржуазіи... Война!.."

Самыя „ортодоксальныя" слова, мы произносимъ ихъ съ самыми „ортодоксальными" намѣреніями и, къ удивленію своему, слышимъ, что кто-то повторяетъ ихъ за нашей спиной. Это — „соц.-революціонеры". Они тоже выучили на зубокъ многіе соціалистическіе лозунги и обороты.

Напримѣръ, Кіевскій Комитетъ „Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ", который знаетъ всѣ эти слова — буржуазія, классовые интересы, соціализмъ, — говоритъ въ своей прокламаціи: „Эта война — война изъ-за интересовъ правящихъ классовъ, всѣ выгоды отъ нея достанутся на долю этихъ классовъ", — сообразно съ чѣмъ кіевскіе „соціалисты-революціонеры" заканчиваютъ свою прокламацію лозунгомъ: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ соціализмъ!"

Оказывается, что въ такомъ остромъ боевомъ вопросѣ они анализируютъ (если можно тутъ говорить объ анализѣ), какъ мы, дѣлаютъ тѣ же выводы, что и мы, даютъ тѣ же лозунги, какіе даемъ мы, учатъ тому же, чему учимъ мы... Не потому, что они стали на матеріалистически-классовую точку зрѣнія, а потому что мы сошли съ нея, подмѣнивъ ее шаблономъ. Но насъ это не пугаетъ. Мы убѣждены, что если только исправить нѣкоторые маленькіе недостатки организаціоннаго механизма, то исторія даже при самой большой суматохѣ не спутаетъ насъ съ „соціалистами-революціонерами", не посмѣетъ свалить насъ въ одну кучу съ революціонной буржуазной демократіей.

Но къ лицу ли намъ на самомъ дѣлѣ такая увѣренность? Мы уже видѣли выше, какъ „увязъ коготокъ" у Московскаго Комитета, у Одесскаго, у Николаевскаго и у нѣкоторыхъ другихъ очень [illegible] организацій. И увязъ, разумѣется, не въ тѣхъ пунктахъ, по которымъ даны рѣшенія „разъ на всегда": не въ вопросѣ о *диктатурѣ пролетаріата* (ее мы признаемъ, хотя и смѣшиваемъ иногда съ диктатурой *надъ пролетаріатомъ*), не въ вопросѣ о террорѣ, а въ такомъ „пунктѣ", котораго никакъ нельзя предусмотрѣть „разъ на всегда" — *въ умѣніи политически оріентироваться въ ходѣ событій.*

Что есть у Партіи, что ей дано прошлымъ періодомъ, въ частности, „Искрой" періода борьбы съ экономизмомъ и съ „соц.-рев." — такъ это *стремленіе* отмежеваться отъ буржуазной демократіи. „Вратъ адовыхъ" Партія боится искренно. Очень искренно опасается она подчиненія пролетаріата либеральной буржуазіи. Но какъ „это" происходитъ, и какими мѣрами отъ „этого" застраховать себя, — по этимъ вопросамъ мысль Партіи только скользитъ. И опасенія и боязнь имѣютъ чрезвычайно поверхностный характеръ и удовлетворяются совершенно формальными рѣшеніями.

Товарищи искренно „ненавидятъ" оппортунизмъ и во всякое время готовы предать его огню и мечу.

Но гдѣ они ищутъ его?

Всюду и вездѣ: въ параграфахъ, въ примѣчаніяхъ, заглядываютъ даже подъ лавку... только въ *собственное сознаніе* они не согласны заглянуть, не смотря на всѣ наши настоянія. А, между тѣмъ, единственно лишь марксистская самокритика, вмѣсто „ортодоксальнаго" самодовольства, пышущаго теперь изо всѣхъ поръ объединенной Партіи, могла бы, дѣйствительно, помочь въ борьбѣ съ оппортунизмомъ. Ибо — и это нужно понять — у насъ въ Партіи теперь едва ли возможенъ оппортунизмъ, какъ система *мышленія*, но онъ вполнѣ возможенъ, какъ „система *недомыслія*." Революціонный періодъ, который мѣшаетъ нашему оппортунизму принять законченныя политическія формы, мѣшаетъ въ томъ же и революціонному теченію въ соціальдемократіи. Требованія революціоннаго момента наскоро заостряютъ на „централистическій" ладъ самое примитивное полусоціальдемократическое содержаніе политической психологіи... Всѣ члены Партіи оказываются подстрижены подъ строго классовую скобку, всѣ брящаютъ ортодоксальными шпорами, всѣ щеголяютъ мундирами самаго „централистическаго" покроя... Но, на повѣрку, эти централистическіе мундиры оказываются у нѣкоторыхъ сшитыми изъ самыхъ различныхъ лоскутовъ: лоскутъ экономизма, лоскутъ соціалистическаго доктринерства, лоскутъ вульгарнаго радикализма...

Да, таково положеніе дѣлъ. Изъ него долженъ быть выходъ. Изъ него не можетъ не быть выхода. Одно изъ средствъ выхода — въ энергичномъ политическомъ руководствѣ работой мѣстныхъ комитетовъ, — не въ томъ преимущественно административномъ „руководствѣ", которое многимъ, слишкомъ многимъ товарищамъ, рисуется какъ рядъ безпощадно-наступательныхъ актовъ, — разумѣется, не по отношенію къ нимъ самимъ, ибо себя они считаютъ, къ сожалѣнію, непогрѣшимыми, — нѣтъ, въ систематическомъ идейномъ руководствѣ революціонной практикой, въ указаніяхъ и разъясненіяхъ со стороны болѣе опытныхъ въ политическомъ отношеніи товарищей. Слишкомъ ужъ это простой методъ „руководства" и „контроля" — выбросить за бортъ тѣхъ товарищей, которые говорятъ рабочимъ, будто капиталисты въ Западной Европѣ „не только [illegible], но и заботятся о дальнѣйшемъ наполненіи" или какъ това[illegible] съ „соціалистами-революціонерами" пишутъ, что наша госуда[illegible]

каждыя двѣ недѣли и къ этимъ требованіямъ присоединили слѣдующія: 1) замѣну почасовой платы — поденной, 2) сокращеніе рабочаго дня на одинъ часъ, 3) полчаса на завтракъ и др. требованія. Конечно, немедленно начальству было сообщено о волненіяхъ, и оно не замедлило явиться въ лицѣ фабричнаго инспектора, жандармовъ и казаковъ. Началась обычная исторія, обычное провоцированіе рабочихъ. Инспекторъ требуетъ выбора депутатовъ, такъ какъ, молъ, „съ толпой онъ разговаривать не можетъ". Рабочіе категорически отказываются выбирать депутатовъ, напоминая ему о тѣхъ товарищахъ депутатахъ, которые сосланы въ Сибирь... Несмотря на „честное" слово и увѣренія инспектора, что депутаты не будутъ арестованы, рабочіе отказались выбирать и потребовали старшаго инспектора (Въ своей „рѣчи" инспекторъ увѣрялъ рабочихъ, что онъ не можетъ допустить десятичасового дня, такъ какъ по закону рабочій день опредѣленъ $11^1/_2$ часами... Эта наглость возмутила всѣхъ рабочихъ). Донской Комитетъ выпустилъ къ рабочимъ прокламацію, въ которой призывалъ рабочихъ настаивать на удовлетвореніи требованій. Какъ водится, жандармы поспѣшили на помощь Пастухову и арестовали семь рабочихъ. Состоялась сходка изъ 50 человѣкъ, на которой было рѣшено стачки не устраивать. На слѣдующій день рабочимъ было объявлено, что требованіе ихъ относительно двухнедѣльной получки удовлетворено, въ остальныхъ отказано. Арестованные черезъ нѣсколько дней были освобождены.

До этихъ волненій было совершено покушеніе на мастера, извѣстнаго здѣсь подъ именемъ „качалы-мочалы". Ему было нанесено восемь ранъ. Арестовали одного рабочаго, котораго жандармы обвиняютъ въ покушеніи на убійство. Его предали окружному суду.

Юзовка. Здѣсь, на юзовскомъ заводѣ, была стачка, вызванная пониженіемъ расцѣнковъ. Стачка продолжалась три дня. Всѣ требованія рабочихъ были удовлетворены. Здѣсь арестованы: Папирный, Рейхъ и одинъ рабочій, во время разбрасыванія прокламацій.

Таганрогъ. На металлургическомъ заводѣ были стачки, вызванныя пониженіемъ расцѣнковъ (это пониженіе происходитъ во всемъ донецкомъ районѣ): вмѣсто 1 р. 50 к. за 100 листовъ назначено 82 к. Ночная смѣна отказалась идти на работу, требуя прежнихъ расцѣнокъ. Къ ней присоединилась и дневная смѣна. Требованія рабочихъ были удовлетворены, но на другой день было заявлено, что старые расцѣнки будутъ сохранены лишь до перваго марта. 26 человѣкъ были совсѣмъ уволены. То же пониженіе было произведено и въ рельсопрокатномъ отдѣленіи, на что рабочіе отвѣтили стачкой, продолжавшейся два дня. Требованія были удовлетворены.

Наконецъ, пониженіе было объявлено и въ бессемеровскомъ цехѣ, что опять вызвало стачку. „Начальство" здѣсь уже рѣшило не уступать, и рабочіе были разсчитаны. Броженіе среди рабочихъ сильное. По всей вѣроятности, вспыхнетъ всеобщая стачка.

— Здѣсь арестованъ Александръ Скрынниковъ, репортеръ „Донской Рѣчи". У него взятъ какой то рабочій. Въ Ростовѣ на Дону арестована нѣкая Сигида съ четырьмя съ половиною пуд. литературы соц.-рев.

Кутаисъ. До 1900 года въ Кутаисѣ не было признаковъ рабочаго движенія. Но послѣ большой стачки желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ Тифлисѣ, сюда попали въ ссылку кое кто изъ интеллигентовъ и сознательныхъ рабочихъ; этимъ то рабочимъ и интеллигентамъ обязаны кутаисскіе рабочіе пробужденіемъ классового самосознанія.

Кутаисъ — одинъ изъ захолустныхъ губернскихъ городовъ Закавказья; въ городѣ всего нѣсколько мелкихъ механическихъ мастерскихъ (отъ 5 до 20 человѣкъ), но много сапожниковъ, занимающихся шитьемъ азіатской обуви; одна табачная фабрика Пиралова (30 человѣкъ), баритовая мельница рижской фирмы Тольгеймъ (20 чел. мальчиковъ и 15 взрослыхъ), нѣсколько типографій и заводъ искусственныхъ минеральныхъ водъ Лагидзе.

Продолжительность рабочаго дня, малая плата и грубое обращеніе съ рабочими — обычное явленіе и до сихъ поръ во всѣхъ отрасляхъ производства.

Такъ, сапожники азіатской обуви работаютъ съ пяти часовъ утра до девяти вечера. Въ общемъ же, положеніе рабочихъ за послѣдніе два года значительно улучшилось благодаря стачкамъ, которыя удалось вызвать усиленной пропагандой соціалдемократическихъ идей.

Первая стачка была здѣсь въ 1901 году на табачной фабрикѣ Пиралова. Своей двухнедѣльной стойкой борьбой рабочіе Пиралова доказали пониманіе значенія солидарности и дружной борьбы съ эксплуатаціей. Они потребовали увеличенія заработной платы, сокращенія рабочаго дня, отмѣны штрафовъ и подчиненія фабричному надзору. Хотя Кутаисская губернія и подчинена надзору фабричной инспекціи, но этотъ надзоръ оставался только фиктивнымъ, на самомъ дѣлѣ, фабричный инспекторъ живетъ въ г. Батумѣ и завѣдуетъ Батумскимъ округомъ. Фабричный инспекторъ былъ вызванъ изъ Батума, но переговоры депутатовъ не привели ни къ какимъ соглашеніямъ. Арестованы были какъ депутаты, такъ и еще нѣсколько человѣкъ. Пираловъ слышать не хотѣлъ о какихъ либо уступкахъ. Затянувшаяся стачка вызвала вмѣшательство администраціи. Губернаторъ Смагинъ, вызвавъ хозяина, приказалъ ему „уступить", въ противномъ случаѣ грозилъ закрыть фабрику, мотивируя это тѣмъ, что въ настоящее время происходятъ повсемѣстныя волненія рабочихъ, и что при такихъ обстоятельствахъ ихъ не слѣдуетъ возбуждать. Благодаря угрозѣ губернатора, Пиралову пришлось уступить. Удовлетворивъ всѣ требованія, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отказался принять обратно 20 человѣкъ. Принятые тоже отказались стать на работу, требуя принятія и уволенныхъ товарищей. Видя упорство хозяина, рабочіе собрали сходку, на которой разсчитанные настояли на томъ, чтобы остальные стали на работу. Часть уволенныхъ уѣхала въ другіе города, а нѣкоторые, имѣвшіе свои лачуги, остались въ Кутаисѣ.

Вскорѣ послѣ стачки у Пиралова забастовали ученики механической мастерской Николая Нинджія (10 человѣкъ).

Въ декабрѣ этого же года была забастовка на баритовой мельницѣ, но за неорганизованностью окончилась неудачей. Весной 1903 года, по иниціативѣ управляющаго мельницей, рабочій день былъ сокращенъ для взрослыхъ на полчаса, а для малолѣтнихъ (20 человѣкъ) установленъ восьмичасовой рабочій день. Въ концѣ концовъ оказалось, что все это было сдѣлано въ виду пріѣзда фабричнаго инспектора, по отъѣздѣ же его все пошло по старому, и малышей вновь заставили работать наравнѣ со взрослыми. Когда одинъ изъ служащихъ началъ протестовать, управляющій отвѣтилъ, что теперь все равно.

Большинство кутаисскихъ промышленныхъ мастерскихъ процвѣтаетъ благодаря безсовѣстной эксплуатаціи труда учениковъ. Хозяева берутъ ихъ по контракту, съ неустойкой на случай, если ученикъ сбѣжитъ, не докончивъ ученія. Выучка продолжается пять лѣтъ, иногда и больше. Хозяинъ обязывается кормить и одѣвать ученика, но условія эти, большей частью, остаются на бумагѣ; а такъ какъ большинство учениковъ изъ деревень и не находятся подъ наблюденіемъ родныхъ, то и ходятъ въ тряпьѣ, живутъ впроголодь, получая колотушки.

Такъ, въ механической мастерской Вацадзе ученики получаютъ одежду одинъ разъ въ пять лѣтъ. За неимѣніемъ отдѣльнаго помѣщенія для спанья, спятъ въ пыли и грязи мастерской. Кутаисскій соц.-демократическій кружокъ организовалъ стачку, которая продолжалась недѣлю и кончилась удовлетвореніемъ нѣкоторыхъ требованій.

Результатомъ этихъ стачекъ было то, что рабочіе все больше и больше проникались сознаніемъ своихъ классовыхъ интересовъ. Все болѣе и болѣе начинаетъ выясняться для нашего загнаннаго рабочаго его безправіе при существующемъ соціальномъ строѣ, а отсюда пониманіе своихъ интересовъ и болѣе сознательное отношеніе къ явленіямъ жизни. Объ этомъ очень ясно свидѣтельствуютъ тѣ симпатіи и интересъ, съ которыми кутаисскіе рабочіе слѣдятъ за борьбой ихъ братьевъ въ Россіи и заграницей. Въ настоящее время носителями соціальдемократическихъ идей среди кутаисскихъ рабочихъ являются развитые рабочіе мелкихъ ремесленныхъ производствъ.

1903 годъ ознаменовался въ жизни нашего города совершенно новымъ для обывателя явленіемъ. Вѣсти, доходившія со всѣхъ сторонъ Закавказья и Россіи, разбудили отъ вѣкового сна и нашего толстокожаго обывателя. Несущаяся революціонная волна заставила его задуматься надъ новымъ явленіемъ и толковать на разные лады о возрастающемъ съ каждымъ днемъ движеніи кавказскаго пролетаріата.

Существующій въ Кутаисѣ кружокъ соціальдемократовъ постарался разъяснить въ прокламаціяхъ смыслъ всѣхъ этихъ событій. Но прокламаціи только напугали нашихъ тупоголовыхъ мѣщанъ и чиновниковъ. Еще больше всполошился обыватель, когда до его слуха дошли вѣсти объ аграрныхъ безпорядкахъ въ Гуріи... Между тѣмъ, кутаисскіе сознательные рабочіе, въ числѣ 50 человѣкъ, 20 апрѣля отпраздновали маевку. Съ краснымъ знаменемъ и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ на грузинскомъ языкѣ праздновали первый разъ кутаисскіе рабочіе великій праздникъ пролетаріата. На другой день только и было разговору что о празднованіи маевки. Послѣ дошедшихъ до обывателя слуховъ о демонстраціяхъ въ Баку, Тифлисѣ и Батумѣ, онъ совсѣмъ растерялся. Слухи распространялись неимовѣрно быстро, вызывая массу фантастическихъ толковъ. Обыватель рѣшилъ, что и въ Кутаисѣ перваго мая будетъ „бунтъ", какъ здѣсь называютъ демонстрацію. Администрація подняла на ноги весь штатъ полиціи, явной и тайной, которая, ругая начальство и бунтовщиковъ, стояла безъ смѣны двое сутокъ. Перваго мая въ казармахъ „на всякій случай" была готова сотня казаковъ. Все это не помѣшало перваго мая распространить прокламаціи Кавказскаго союза, Тифлисскаго и Батумскаго комитетовъ. Перваго мая на улицахъ была необыкновенная тишина. Занятія въ мужской и женской гимназіяхъ происходили при пустыхъ классахъ. Гимназисты сговорились перваго мая не приходить на занятія, и тѣмъ выразить солидарность съ борющимся пролетаріатомъ. Но всѣ ожиданія и предсказанія обывателей не оправдались, только второго забастовали ученики сельскохозяйственной школы. Требованія ихъ немедленно были удовлетворены перепугавшейся администраціей.

Замѣчательно сильное возбужденіе было среди кутаисскихъ рабочихъ во время іюльскихъ дней прошлаго года. Они рвались въ бой и желали, въ свою очередь, выразить протестъ противъ самодержавія. Накопившаяся энергія была вылита на демонстративныхъ похоронахъ рабочаго Жоржоладзе (участвовало 300 человѣкъ).

Рабочій.

ственная политика выражаетъ интересы „всей буржуазіи" и такимъ образомъ совершенно лишаютъ смысла — признаваемое и ими — причисленіе „соціалист.-революціонеровъ" къ буржуазной оппозиціи; — слишкомъ это простой и неэкономный методъ — выбрасывать: ибо выбросивъ, нужно же кѣмъ-нибудь и замѣнить!

Нѣтъ, не выбрасывать, а разъяснять! Прежде всего разъяснить этимъ товарищамъ, что, по точному смыслу ихъ собственныхъ организаціонно-тактическихъ взглядовъ, имъ самимъ слѣдовало бы оказаться внѣ предѣловъ „строго выдержанной" соціалдем. партіи; затѣмъ объяснить имъ, что напрасно они считаютъ себя застрахованными отъ бернштейніанства тѣмъ, что не читали Бернштейна; разъяснять имъ время отъ времени, что оппортунизмъ прокрадывается не столько въ „щели" организаціи, сколько въ щели политическаго сознанія; разъясняя это, вкладывать по возможности палецъ въ ихъ собственныя язвы; разъяснять имъ далѣе, — и по возможности на конкретныхъ политическихъ дѣлахъ, — что гарантію устойчивости партіи нужно искать въ ея базѣ, въ активномъ и самодѣятельномъ пролетаріатѣ, а не въ ея организаціонной верхушкѣ, которую, незамѣтно для пролетаріата, революція можетъ нечаянно смести своимъ крыломъ, какъ историческое недоразумѣніе...

Если все это дѣлать — и дѣлать изо дня въ день, настойчиво, умно, тактично, со знаніемъ дѣла, — тогда можно надѣяться, что мы, хотя и не прыгнемъ, разумѣется, выше собственной головы, но сдѣлаемъ крупный шагъ въ дѣлѣ ликвидаціи переживаемаго ненормальнаго періода: во-первыхъ, освободимся отъ „ортодоксальной" самоувѣренности и отъ вздутаго „централистическаго" бахвальства, во-вторыхъ, приблизимся къ замѣнѣ квази-марксистской схоластики матеріалистическимъ политическимъ анализомъ, въ-третьихъ, будемъ искать въ игрѣ событій политическихъ средствъ — отдѣлять пролетаріатъ отъ буржуазіи, вмѣсто того, чтобъ искать технически-организаціонныхъ средствъ отдѣлить себя отъ пролетаріата.

Это большая, трудная и въ значительной мѣрѣ „черная" работа. Но ее нельзя обойти, черезъ нее нельзя перескочить. Только на этой работѣ можетъ связать себя съ партіей и развиться въ дѣйствительную величину партійный центръ. Пока этого нѣтъ — жалкими и оскорбительно-неумѣстными кажутся столь частыя теперь рѣчи о „призывѣ къ возстанію", о „революціонной диктатурѣ"...

И мы не сомнѣваемся, товарищи, что еслибъ въ *этой истинно политической* работѣ была проявлена со стороны партійнаго центра широкая иниціатива — вся партія, какъ одинъ человѣкъ, рванулась бы ему на встрѣчу!

Т.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ФРАНЦІЯ.

II. Борьба за пересмотръ устава.

Что такое оппозиція или лѣвая Ф. С. П.? Она сама считаетъ себя антиминистеріалистской и всегда взываетъ къ пролетарскому соціализму, къ классовой борьбѣ. Несомнѣнно то, что въ ея средѣ есть элементы, которые съ успѣхомъ могли бы дѣйствовать *въ рядахъ и подъ руководствомъ дѣйствительно соціалистической партіи.* Но столь же несомнѣнно и то, что и ея наиболѣе дѣльные представители не въ силахъ повернуть *жоресистскую* партію въ сторону пролетарскаго соціализма. Не въ силахъ потому, что они сами, въ сущности, очень не твердо стоятъ на классовой точкѣ зрѣнія, не говоря уже о томъ, что по образованію, уму и таланту они не могутъ помѣряться съ Жоресомъ или даже съ другими вожаками фракціи, праваго крыла тоже. Обладай оппозиція сколько-нибудь ясной и твердой принципіальной точкой зрѣнія, она, навѣрно, порвала бы съ Жоресомъ и товарищами, по крайней мѣрѣ, уже послѣ прошлогодняго конгресса въ Бордо, на которомъ Жоресъ собственной персоной защитилъ Мильерана отъ исключенія, — порвала бы для того, чтобы присоединиться къ „Соціалистической Партіи Франціи", съ 1902 года объединившей гедистовъ и бланкистовъ.

Упорство оппозиціи оставаться въ одной партіи съ Жоресомъ яснѣе всего обнаруживаетъ ея собственную принципіальную половинчатость. Съ ослѣпленіемъ, которое уже трудно *не* считать добровольнымъ (по крайней мѣрѣ, со стороны извѣстной ея части), она стремится примирить непримиримое — соединить министеріализмъ Жореса и товарищей, безъ которыхъ „партія" фактически не можетъ существовать, съ пролетарской тактикой. Подобно мольеровской свахѣ, она обѣщаетъ повѣнчать султана съ венеціанской республикой.

Въ погонѣ за своей фантастической цѣлью она дала правому крылу два генеральныхъ сраженія, въ Бордо и въ Сентъ-Этьеннѣ. Оба раза она была разбита. Пустяки! Искатели квадратуры круга и философскаго камня не останавливаются передъ парой неудачъ. Впрочемъ, она себя не считаетъ разбитой — особенно послѣ Сентъ-Этьенна. Послѣ Бордо она, по крайней мѣрѣ, ворчала по поводу своего пораженія; послѣ сентъ-этьеннскаго пораженія она торжествуетъ побѣду — „battue et contente".

За фантастическую цѣль невозможно бороться цѣлесообразными средствами: къ фантастической цѣли не приведетъ никакое средство. Въ этой тавтологіи разгадка призрачной борьбы оппозиціи.

Въ Бордо она боролась за исключеніе Мильерана изъ партіи, ожидая отъ своего успѣха пролетарскаго возрожденія Ф. С. П. Напрасно Мильеранъ и его откровенные приверженцы тамъ безспорно доказали, что его самые скандальные, съ соціалистической точки зрѣнія, вотумы не что иное, какъ логическое слѣдствіе всей министеріалистской основы партіи. Напрасно Жоресъ, сначала лавировавшій между Мильераномъ и оппозиціей, вынужденъ былъ, въ концѣ концовъ, открыть свои карты и на собственныхъ плечахъ вынести Мильерана изъ опасной свалки. Оппозиція не прозрѣла. Послѣ Бордо изъ Ф. С. П. выступили лишь двѣ федераціи и нѣсколько отдѣльныхъ группъ.

Не прозрѣла оппозиція и черезъ годъ, послѣ того какъ вся фракція или ея большинство съ Жоресомъ во главѣ провинились въ такихъ же позорныхъ вотумахъ, какъ прежде одинъ Мильеранъ. Это фантастическое подтвержденіе мильерановской аргументаціи въ Бордо, выводившей необходимость антипролетарской и антисоціалистической тактики фракціи изъ министеріализма, не раскрыло оппозиціи глазъ. Она продолжала гнаться за однимъ Мильераномъ, борьбу же противъ всей фракціи она повела не на почвѣ принциповъ, а на почвѣ пересмотра устава.

Объ исключеніи Мильерана сенской федераціей, происшедшемъ не задолго до сентъ-этьеннскаго конгресса, „Искра" уже писала. Напомню только, что Мильеранъ былъ пойманъ на сравнительно невинномъ вотумѣ, и пойманъ потому, что онъ въ данномъ случаѣ провинился *одинъ*. Та же сенская федерація спокойно проглотила гораздо худшіе вотумы Мильерана и другихъ, стоящихъ подъ ея „контролемъ" парижскихъ депутатовъ. Такимъ образомъ, единственный случай примѣненія федеральнаго контроля надъ депутатомъ, какъ нельзя ярче подтверждаетъ общее правило полнаго отсутствія контроля. Но и это исключеніе изъ правила было возможно только потому, что сенская федерація является центромъ оппозиціи. Черезъ посредство этой федераціи оппозиція просто взяла реваншъ за свое бордосское пораженіе, — реваншъ ребяческій, поскольку она вѣрила и если она вѣрила вмѣстѣ съ древними евреями въ магическую силу изгнанія въ пустыню козла отпущенія въ цѣляхъ искупленія всѣхъ грѣховъ Израиля, — реваншъ постыдный, лицемѣрный, поскольку она разсчитывала исключеніемъ Мильерана отвести глаза извѣстной части рабочихъ... Впрочемъ, изгнанный въ пустыню Мильеранъ чувствуетъ себя тамъ вовсе не одинокимъ. Цѣлый рядъ партійныхъ группъ вотировалъ ему адресы сочувствія, довѣрія, преданности и преклоненія. Федерація Шаронскаго департамента и группа гор. Рошфора чествовали исключеннаго на публичныхъ собраніяхъ, на которыхъ онъ, по ихъ приглашенію, произнесъ „соціалистическую" рѣчь.

Какъ бы то ни было, рѣшеніе сенской федераціи, а главное, отказъ Мильерана отъ аппелляціи къ конгрессу избавили сентъ-этьеннскіе дебаты отъ новаго пережевыванія личнаго вопроса. Оппозиція могла перенести борьбу на болѣе широкую почву. Но борьба отъ этого отнюдь не стала глубже, такъ какъ она велась исключительно на почвѣ пересмотра устава.

Уставъ, нормирующій форму партійной организаціи и взаимное отношеніе ея частей, — вещь, несомнѣнно, важная. Но, какъ я уже замѣтилъ, не уставъ опредѣляетъ внутренній характеръ партіи, а наоборотъ. О партійномъ уставѣ можно сказать то же, что Фердинандъ Лассаль сказалъ о „сущности конституціи". И далѣе, отношеніе между „писанымъ" и „дѣйствительнымъ" уставомъ такое же, какъ отношеніе между „писаной" и „дѣйствительной" конституціей. Идеальнѣйшая конституція превратится въ мертвую букву, если она не является выраженіемъ реальнаго взаимоотношенія общественныхъ силъ — точно также превосходнѣйшій партійный уставъ останется на бумагѣ, если онъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному характеру партіи, ея цѣлямъ, принципамъ и тактикѣ, реальному соотношенію силъ входящихъ въ нее элементовъ.

Мы уже видѣли, что такое турскій уставъ, писаный и дѣйствительный. Въ основѣ своей онъ былъ приноровленъ къ дѣятельности партіи, которая болѣе или менѣе скрыто подмѣнила пролетарскую точку зрѣнія сотрудничествомъ классовъ. Постоянный союзъ пролетаріата съ буржуазной демократіей, — короче, министеріализмъ (съ соціалистическимъ министромъ или безъ него, все равно) есть отрицаніе самостоятельной и единой классовой политики пролетаріата. Онъ, поэтому, несовмѣстимъ и съ организаціонной формой этой политики — съ единой, крѣпко сплоченной партіей, въ которой общепартійныя функціи, реализующія общеклассовые интересы пролетаріата, необходимо должны быть централизованы. Отсюда, во-первыхъ, освященная турскимъ уставомъ федералистическая разрозненность партіи и, въ связи съ этимъ, преобладаніе мѣстнаго надъ общимъ. Отсюда, во-вторыхъ, низведеніе партійнаго конгресса, этой, по буквѣ устава, высшей инстанціи партіи, на роль безсильной швейцарской Tagsatzung (сейма) стараго времени, превращеніе его въ собраніе представителей суверенныхъ федерацій, мало интересующихся или вовсе не интересующихся общепартійными дѣлами. Отсюда, въ-третьихъ, низведеніе общаго, исполнительнаго и руководящаго учрежденія партіи до положенія „почтоваго ящика". Отсюда, въ-четвертыхъ, раздробленіе важнѣйшей (при западноевропейскихъ, а особенно французскихъ условіяхъ) партійной функціи, контроля надъ депутатами, между отдѣльными федераціями, — раздробленіе, равносильное полному уничтоженію всякаго контроля. Отсюда, наконецъ, и суверенное, безконтрольное положеніе парламентской фракціи, — болѣе того, ея фактическое господство надъ партіей.

Это послѣднее, чисто буржуазное, увѣнчаніе зданія жоресистской партіи является, такимъ образомъ, лишь неизбѣжнымъ слѣдствіемъ внутренняго обуржуазенія Ф. С. П. и приноровленнаго къ нему организаціоннаго строительства. И властныя требованія министеріалистской основы всей партіи, какъ мы видѣли, свели на нѣтъ даже тѣ немногія слабенькія гарантіи, которыми составители турскаго устава — одни искренне и легковѣрно, другіе лицемѣрно — разсчитывали отмежеваться отъ организаціонныхъ или дезорганизаціонныхъ формъ буржуазныхъ партій.

Ясно, стало быть, что новая попытка оппозиціи возродить партію путемъ пересмотра устава, въ сущности, не далеко ушла отъ ея прошлогодней попытки оздоровить партію посредствомъ исключенія Мильерана. Въ Бордо она смѣшивала личный вопросъ съ вопросомъ политическимъ; въ Сентъ-Этьеннѣ она отождествляла форму съ содержаніемъ, организацію партіи съ ея внутреннимъ характеромъ.

Этого мало. Оппозиція не додумала до конца даже своей узко уставной цѣли. Рѣшивъ бороться противъ слѣдствія, не касаясь причины, она и въ борьбѣ противъ слѣдствія остановилась на поверхности. Въ ея новомъ проектѣ устава федералистически разрозненная основа организаціи осталась неприкосновенною. Перестройку организаціоннаго зданія она начала съ крыши. Важнѣйшій пунктъ новаго устава вручалъ „общее политическое руководство" партіей, въ промежуткахъ между конгрессами, интерфедеральному комитету. Таковъ текстъ этого пункта. Смыслъ же его болѣе скромный, такъ какъ общее руководство партійной дѣятельностью было бы покушеніемъ на суверенитетъ федерацій, о чемъ никто и думать не хотѣлъ. Новая крыша въ дѣйствительности была только кусочкомъ крыши. Оппозиція хотѣла залатать лишь наиболѣе скандальную прорѣху партійнаго зданія — она мѣтила только въ суверенное, безконтрольное [illegible] фракціи.

[illegible]

Правое крыло, съ депутатами Жоресомъ, Бріаномъ, Руанэ и Донадье во главѣ, безъ труда доказало, что превращеніе интерфедеральнаго комитета въ руководящій центръ партіи противорѣчитъ, какъ реальному соотношенію силъ между комитетомъ и фракціей, такъ и федералистической основѣ организаціи, провозглашенной самими новаторами.

Фракція, говорилъ Жоресъ, опирается на силу всеобщаго избирательнаго права, т. е. на самый могущественный факторъ во Франціи, такъ какъ французскій пролетаріатъ, дескать, уже въ своей колыбели, въ Великой Революціи, нашелъ вѣру въ единоспасающую силу всеобщаго избирательнаго права. И въ Сентъ-Этьеннѣ не нашлось, разумѣется, никого, кто раскрылъ бы несостоятельность жоресовской аргументаціи, подмѣнивающей революціонную борьбу французскаго пролетаріата борьбой за парламентскіе мандаты и подмѣнивающей, далѣе, самостоятельную парламентскую борьбу соціалистическихъ депутатовъ ихъ постояннымъ союзомъ съ буржуазно-демократическими фракціями. Въ противоположность всесильной фракціи, аргументировалъ Жоресъ дальше, интерфедеральный комитетъ не имѣетъ за собой никакой реальной силы: ни избирательнаго права, ни экономической организаціи пролетаріата, ни революціонной силы въ смыслѣ баррикадной борьбы. Словомъ, Жоресъ превосходно доказалъ, что въ министеріалистской партіи фракція — все, а главный комитетъ партіи — ничто, такъ какъ онъ за собой никакой партіи въ истинномъ смыслѣ слова, т. е. *единой политической организаціи*, не имѣетъ, — что это такъ есть и такъ должно быть. — Бріанъ, по своему обыкновенію, демагогически наигрывалъ на стрункѣ суверенитета федерацій: руководящій комитетъ есть, молъ, грядущая диктатура, которая убьетъ самостоятельность федерацій и возвратитъ партію къ тѣмъ страшнымъ временамъ, когда гедисты и бланкисты, составлявшіе большинство въ „генеральномъ комитетѣ" (объединенной соціалистической партіи, въ 1899-1900 гг.) тиранили бѣдныхъ депутатовъ. — Руанэ предостерегалъ федераціи отъ тираніи парижанъ, которые по прежнему будутъ господствовать въ комитетѣ, благодаря подставнымъ делегатамъ; спорный пунктъ устава отдаетъ-де партію въ руки „революціоннаго меньшинства" изъ среды столичной молодежи. — Девиль говорилъ наиболѣе откровенно: въ полномъ согласіи съ буржуазными понятіями, онъ прямо отрицалъ за какой бы то ни было партійной организаціей право на контролированіе депутатовъ, ибо депутатъ связанъ „договоромъ" съ одними избирателями, т. е. съ неорганизованной массой. Забывая, что федеративный контроль все же начертанъ въ *старомъ* уставѣ (забывчивость вполнѣ естественная!), онъ настаивалъ, далѣе, чтобы пунктъ о контролѣ, во всякомъ случаѣ, не получилъ „обратнаго дѣйствія" по отношенію къ до сихъ поръ выбраннымъ депутатамъ, такъ какъ это было бы нарушеніемъ ихъ „договора" съ избирателями.

Лѣвая парировала критику правой, какъ умѣла, т. е. очень слабо. Ея однобокая, непослѣдовательная позиція заранѣе обезоружила ее. Она критиковала отдѣльные вотумы фракціи и другія нарушенія принциповъ и дисциплины со стороны отдѣльныхъ депутатовъ, но ни словомъ не коснулась первой причины всего зла — министеріализма! Впрочемъ, наиболѣе позорнаго вотума въ дебатахъ о вооруженномъ нападеніи полиціи на парижскую Биржу Труда — не упомянулъ никто! Она охала по поводу вѣчнаго раздѣленія фракціи при важныхъ голосованіяхъ, но умолчала объ основѣ этой анархіи — преобладаніи въ самой „партіи" мѣстныхъ интересовъ надъ общими и преобладаніи въ средѣ фракціи личныхъ заботъ о сохраненіи мандата надъ соображеніями принципіальными. Да и то сказать, въ виду свирѣпаго министеріализма вожаковъ фракціи, единство голосованій было бы чаще всего единствомъ въ позорѣ. Ренодель и Жанъ Лонгэ, наиболѣе выдающіеся представители лѣвой, ухитрились даже взывать къ классовой борьбѣ и обходить молчаніемъ постоянный *союзъ съ буржуазными партіями, или же* (рѣчь Лонгэ) ограничиться слабымъ намекомъ на необходимость *держаться золотой средины* между слѣпой любовью къ министерству и равнодушіемъ къ нему.

Въ организаціонной области оппозиція сама чувствовала свою слабость, отлично зная, что висящій въ воздухѣ и некомпетентный по своему составу, интерфедеральный комитетъ съ фракціей помѣряться не можетъ. И она начала борьбу за пересмотръ устава прямо заявленіемъ о готовности на... компромиссъ: вѣрный способъ свести на нѣтъ даже частичную, поверхностную цѣль ея поверхностной борьбы. Въ результатѣ она добилась компромисса, который далъ ей фантомъ ея частичной, поверхностной цѣли, фантомъ фантома.

Интерфедеральный комитетъ остается на старомъ положеніи „почтоваго ящика". Для общаго же политическаго руководства партіей, — точнѣе, фракціей, созданъ нигдѣ невиданный новый органъ, „Національный Совѣтъ", который собирается не меньше трехъ разъ въ годъ, а именно, наканунѣ каждой парламентской сессіи. Совѣтъ состоитъ изъ *всѣхъ* членовъ интерфедеральнаго комитета и — подлежащей руководству — фракціи, въ общей сложности уже теперь изъ 60-70 членовъ! Нечего говорить, что фракціи заранѣе обезпечено большинство въ Совѣтѣ: при приблизительномъ численномъ равенствѣ съ комитетомъ, фракція имѣетъ за себя часть самого комитета, тогда какъ ни одинъ изъ депутатовъ „своихъ" не выдастъ. (Напомню, что фракція до конгресса *единогласно* вотировала противъ всякаго пересмотра устава). Далѣе. Парадный Національный Совѣтъ не въ силахъ былъ бы помѣшать антисоціалистической дѣятельности фракціи даже въ томъ случаѣ, если бы лѣвая была тамъ въ большинствѣ. Вѣдь ни одинъ конгрессъ ни словомъ не высказался противъ министеріализма фракціи. По этой же причинѣ Совѣтъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы устранить тройного раздѣленія фракціи при голосованіяхъ. За то онъ можетъ уничтожить и тѣ жалкіе зародыши партійнаго контроля надъ фракціей, каковымъ является оппозиціонная критика на конгрессахъ. Прикрываясь авторитетомъ Національнаго Совѣта, въ которомъ, кстати, будутъ самодовольно засѣдать всѣ вожаки оппозиціи, фракція заткнетъ ротъ всякому критику, буде еще найдется такой смѣльчакъ. Наконецъ, Совѣтъ, вообще, долженъ свести къ нулю значеніе ежегоднаго конгресса. По своей численности, онъ уже сейчасъ очень мало уступаетъ конгрессу, авторитетъ же этого трижды въ годъ засѣдающаго конгрессообразнаго учрежденія будетъ гораздо выше, въ виду его болѣе квалифицированнаго состава.

Общій итогъ Сентъ-Этьенна: законнаго партійнаго правительства нѣтъ по прежнему; тайное правительство — фракція укрѣпила и узаконила свою узурпированную власть подъ пышнымъ названіемъ „Національнаго Совѣта"; законодательный органъ партіи — конгрессъ — превращенъ въ блѣдную копію своего ставленника... И эту злую каррикатуру на свои новаторскія стремленія оппозиція привѣтствуетъ, какъ побѣду! Никогда еще оппозиція не была такъ самодовольна, не давалась въ обманъ съ такой радостью, какъ оппозиція въ Сентъ-Этьеннѣ.

Послѣ этого всѣ ея поклоны въ сторону революціоннаго соціализма оказываются въ лучшемъ случаѣ забавнымъ недоразумѣніемъ. Въ Сентъ-Этьеннѣ она снова взывала по „объединенію" съ революціонно-соціалистической партіей, съ „Соціалистической Партіей Франціи". Но дѣйствовала она такъ, что трудно объяснить ея поведеніе иначе, чѣмъ боязнью разрыва съ Жоресомъ и товарищами, боязнью, которая является другой стороной ея нежеланія примкнуть къ партіи Геда и Вальяна.

До сихъ поръ можно было говорить о двухъ теченіяхъ въ жоресистской партіи. Теперь слѣдуетъ признать, что разница между правымъ и лѣвымъ крыломъ свелась къ разницѣ между послѣдовательными, сознательными и непослѣдовательными, безсознательными министеріалистами.

Вожаки лѣвой сами объясняютъ свою тактику за послѣдніе два года необходимостью работать надъ пролетарскимъ возрожденіемъ [illegible]

...ный фактъ таковъ: своимъ, якобы пролетарскимъ, флагомъ они покрываютъ гнилой товаръ буржуазнаго соціализма и тѣмъ задерживаютъ объединеніе всѣхъ политически организованныхъ силъ рабочаго класса подъ знаменемъ пролетарскаго, революціоннаго соціализма.

ПИСЬМО ИЗЪ ВѢНЫ.

Первый натискъ японцевъ на Портъ-Артуръ, первое пораженіе русскихъ въ восточныхъ водахъ было неожиданностью только для русскихъ офицеровъ, кутившихъ въ эту ночь на балу, и для русскихъ политиковъ, которые никакъ не хотѣли повѣрить, чтобы японцы посмѣли вступить въ борьбу съ сѣвернымъ исполиномъ. Несмотря на то, что „Сѣверно-телеграфное Агентство", подкупленное русскимъ правительствомъ, разсылало лживыя и успокоительныя сообщенія, оповѣщавшія о мирныхъ намѣреніяхъ русскаго царя и имѣвшія цѣлью создать настроеніе въ пользу Россіи и разубѣдить всѣхъ въ возможности войны между Россіей и Японіей, — въ Австріи для всѣхъ было ясно, что война неминуема. И когда она разгорѣлась, печать не замедлила выразить свои симпатіи Японіи и свое пожеланіе, чтобы она вышла побѣдительницей въ борьбѣ съ русскимъ абсолютизмомъ. Почти всѣ газеты подчеркивали ту мысль, что въ русско-японской войнѣ онѣ усматриваютъ борьбу не двухъ народовъ или двухъ расъ, а борьбу культурнаго восточнаго народа, отстаивающаго свои насущныя потребности, съ ненасытнымъ русскимъ самодержцемъ, добивающимся Манджуріи только для того, чтобы она, какъ выразился одинъ русскій генералъ, „ослѣпительнымъ діамантомъ сверкала въ его коронѣ". Въ этомъ же смыслѣ высказалось въ лицѣ своихъ выдающихся дѣятелей и все либерально-демократическое населеніе. Извѣстный вѣнскій юристъ Офнеръ, депутатъ парламента и членъ радикальной партіи соціаль-политиковъ, заявилъ на одномъ собраніи: „пораженіе принесетъ россійскимъ народамъ свободу, а обновленная Россія, я увѣренъ, дастъ современной международной политикѣ другое направленіе..."

Иначе смотритъ на это дѣло та часть австрійскихъ славянъ, которыхъ безумная политика нѣмецкихъ націоналистовъ-шовинистовъ толкнула въ объятія русскаго самодержца. Не имѣя собственныхъ силъ для борьбы съ нѣмцами, они по наивности своей надѣятся на „добрую славянскую душу" русскаго царя, который въ одинъ прекрасный день совершитъ походъ на Нѣметчину и освободитъ подъяремныхъ славянъ. Въ своемъ ослѣпленіи эти славяне не замѣчаютъ гнета, подъ которымъ находятся ихъ собратья въ Россіи. А надежда на мягкую, „славянскую" душу русскаго царя, не мѣшающую ему давить Польшу и притѣснять малороссовъ, можетъ вызвать лишь улыбку на лицѣ трезваго человѣка. Эти-то славяне рѣшили демонстративно выразить свои симпатіи Россіи. Они устроили въ церкви русскаго посольства въ Вѣнѣ богослуженіе о „ниспосланіи побѣды русскому воинству".

Я видѣлъ ихъ, когда они шли въ церковь. Жалкое впечатлѣніе производила эта кучка панславистовъ во главѣ со своимъ лидеромъ, Д. Вергуномъ, котораго два года тому назадъ съ такимъ трескомъ освистали кіевскіе студенты. Провожаемая улыбками, насмѣшками и далеко недвусмысленными замѣчаніями относительно ея политической зрѣлости и сознательности, группа эта по окончаніи богослуженія выстроилась предъ зданіемъ русскаго посольства и пропѣла русскій гимнъ. Продѣлавъ то же самое предъ зданіемъ французскаго посольства, манифестанты послали въ московское славянское общество отъ имени *всѣхъ австрійскихъ славянъ* телеграмму съ выраженіемъ симпатій русскому самодержцу и съ пожеланіемъ одержать побѣду надъ „коварнымъ японцемъ". Радикальная и соціалистическая славянская молодежь возмутилась дерзкимъ поступкомъ этихъ непризванныхъ представителей славянъ и рѣшила высказать и свою точку зрѣнія на этотъ вопросъ. Черезъ три дня собрались они съ вѣнскими организованными рабочими въ одномъ ресторанѣ и тамъ подвергли рѣзкой критикѣ какъ лакейскія выходки австрійскихъ панславистовъ, такъ и русскій абсолютизмъ, который однимъ росчеркомъ пера ввергъ русскій народъ во всѣ бѣдствія кровопролитной войны.

Залъ былъ переполненъ. Кромѣ славянъ — поляковъ, русиновъ, чеховъ, кроатовъ, болгаръ и сербовъ — присутствовали нѣмцы, румыны, итальянцы и евреи. Отъ имени австрійскихъ соціальдемократовъ говорилъ парламентскій депутатъ Элленбогенъ. Разъяснивъ исторію и причину возникновенія этой войны, онъ мѣткими словами охарактеризовалъ роль царизма въ Россіи, его авантюристскую политику, приведшую его нынѣ на край гибели, и закончилъ свою рѣчь увѣреніемъ, что русская соціальдемократія сумѣетъ использовать этотъ новый козырь (войну), который русскій абсолютизмъ далъ ей въ руки, что она навсегда очиститъ Европу отъ позорнаго пятна, отъ русскаго самодержавнаго правительства. Въ этомъ же духѣ была вынесена и резолюція. Пропѣвъ „Красное Знамя", собравшіеся стали маленькими группами расходиться... но не домой... Всѣ рѣшили болѣе осязательнымъ образомъ выразить свой взглядъ на русскій абсолютизмъ и на русско-японскую войну...

Когда я, уходя съ собранія, подошелъ къ зданію русскаго посольства, тамъ еще никого не было. Дежурный городовой стоялъ на углу, прислонившись къ стѣнѣ. Десятый часъ вечера былъ на исходѣ. Вѣнцы собирались спать. Огни не были еще вездѣ потушены, не всѣ ворота были еще заперты. Въ помѣщеніяхъ русскаго посольства и консульства — они находятся рядомъ — свѣтло. Улица, между тѣмъ, все больше и больше оживляется. Со всѣхъ сторонъ стремится народъ. Занявъ весь троттуаръ предъ консульствомъ и посольствомъ, собравшіеся сразу огласили воздухъ криками: „Да здравствуетъ грядущая революція въ Россіи!", „Долой русскаго самодержца!", „Долой абсолютизмъ!", „Да здравствуетъ миръ!", „Да здравствуетъ русская соціальдемократія!" и т. д. Въ консульствѣ, какъ видно, подумали, что это манифестація панславистовъ. На улицу выбѣжалъ секретарь консула. Онъ, вѣроятно, хотѣлъ пожать демонстрантамъ руки и обратиться къ нимъ съ рѣчью, но раздавшійся надъ его ухомъ возгласъ: „Долой самодержавіе!" убѣдилъ его въ противномъ и онъ, хлопнувъ калиткой, поспѣшилъ скрыться. Съ противоположной стороны улицы я ясно видѣлъ, какое смятеніе произошло въ квартирѣ консула, когда секретарь, запыхавшись, донесъ въ чемъ дѣло. Поспѣшили опустить шторы, потушить огни и убраться во внутренніе покои.

А улица, между тѣмъ, продолжала оглашаться революціонными возгласами на всѣхъ языкахъ. Кричали и по-русски. Свистъ стоялъ оглушительнѣйшій. Прохожіе останавливались и присоединялись къ демонстрантамъ. Лишь черезъ 20-25 минутъ явился нарядъ городовыхъ и сталъ разгонять демонстрантовъ.

Когда мы уже были далеко оттѣснены отъ зданія консульства, къ намъ вѣжливо обратился городовой съ просьбой разойтись и не нарушать тишины въ такую позднюю ночную пору. „Согласны!" возразилъ на это одинъ товарищъ — русинъ, — но позвольте еще одно „ура!" прокричать въ честь русской соціальдемократіи и „тьфу!" русскому правительству." Оглянувшись и замѣтивъ, что никто изъ полицейскихъ за нами не послѣживаетъ, онъ лаконически отвѣтилъ: „Скорѣй только!" Мы не замедлили воспользоваться этимъ любезнымъ разрѣшеніемъ и послали русскому самодержавію въ догонку еще нѣсколько проклятій. Бѣдный русскій царь! даже у австрійскихъ полицейскихъ ты вызываешь только отвращеніе!

Демонстрація произвела сильное впечатлѣніе. На слѣдующій день только о ней и говорили. Многіе рабочіе выразили сожалѣніе, что ихъ не предупредили о готовящейся демонстраціи. Митинги протеста были устроены соціальдемократами и въ другихъ австрійскихъ и венгерскихъ городахъ. Въ Краковѣ обвинительную рѣчь противъ русскаго самодержавія произнесъ Игнацъ Дашинскій, вождь польскихъ соціальдемократовъ и депутатъ парламента. Въ Прагѣ къ соціальдемократамъ присоединились радикалы и всѣ либеральныя общества.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Кіевъ. Новый годъ кіевскіе жандармы ознаменовали цѣлымъ рядомъ набѣговъ на мирныхъ обывателей. Обыску подверглись нѣсколько сотъ человѣкъ, причемъ болѣе сотни арестовано въ ночь съ 1-го на 2-ое. Эти грандіозныя неистовства жандармовъ не прекращаются до сихъ поръ. То и дѣло слышишь о все новыхъ и новыхъ арестахъ и обыскахъ.

Но всѣ эти аресты нисколько не затронули мѣстной организаціи, жизнь которой все время идетъ обычнымъ путемъ. За все время, т. е. съ начала января, мѣстный комитетъ выпустилъ слѣдующія прокламаціи: 1) „О назначеніи Клейгельса", 2) „Война", 3) „Кому нужна война?", 4) „О патріотическихъ манифестаціяхъ", 5) перепечатка о войнѣ изъ № 58 „Искры", 6) перепечатка листка „Искры": „Почему долженъ умирать русскій солдатъ?", 7) листокъ „Искры": „Война противъ войны", 8) „Къ солдатамъ о войнѣ", 9) „Къ студентамъ о войнѣ", 10) „19 февраля". Кромѣ того, три профессіональныхъ листка и о безпорядкахъ въ тюрьмѣ. Каждая прокламація выходила не менѣе, чѣмъ въ 3.000 экземпляровъ. Вся работа въ городѣ распредѣляется территоріально между пятью районами. Въ каждый районъ входятъ руководитель, пропагандисты даннаго района и сознательные организаторы и „подъ-организаторы" (члены подгруппъ), непосредственно работающіе въ массѣ. Каждый районъ имѣетъ одну организаторскую группу и нѣсколько подгруппъ. Организаторская группа состоитъ изъ руководителя района, всѣхъ пропагандистовъ и организаторовъ. Эта группа намѣчаетъ и слѣдитъ за проведеніемъ въ жизнь всей практической работы даннаго района. Болѣе сознательная часть рабочихъ входитъ въ подготовительные кружки, которые собираются не меньше двухъ разъ въ недѣлю для бесѣдъ теоретическихъ и для обсужденій практическихъ организаціонныхъ дѣлъ. Теоретическія бесѣды ведутся по слѣдующему плану: 1) положеніе рабочихъ, 2) сущность капиталистическаго способа производства, 3) противорѣчія капиталистическаго способа производства, 4) задачи соціальдемократовъ, 5) отношеніе соціальдемократовъ къ другимъ оппозиціоннымъ фракціямъ: соціалистамъ-революціонерамъ, Бунду, „Освобожденію". Начиная съ четвертой бесѣды, знакомятъ съ программой Р. С.-Д. Р. П., принятой вторымъ съѣздомъ Партіи. Бесѣдамъ стараются придать живой характеръ, вовлекая всѣхъ членовъ кружка въ дискуссію. Далѣе, еженедѣльно устраиваются въ районахъ по два массовыхъ собранія; нѣкоторыя изъ нихъ доходятъ численностью до 100 человѣкъ. На этихъ собраніяхъ происходятъ бесѣды на злободневныя темы. Такъ были бесѣды: 1) Итоги революціоннаго движенія за прошлый годъ, 2) Что такое война вообще и настоящая русско-японская въ частности? 3) О развращеніи русскимъ самодержавіемъ народныхъ массъ (зубатовщина, еврейскіе погромы, патріотическія манифестаціи), 4) 19 февраля, 5) О первомъ марта.

На массовыхъ собраніяхъ мы стараемся отмѣтить болѣе выдающіяся силы, чтобы ближе пріобщить ихъ къ организаціонной жизни. Изъ нихъ устраиваются такъ называемыя „летучки". Собираются „летучки" не меньше раза въ недѣлю, и на этихъ собраніяхъ ведутся бесѣды о задачахъ соціальдемократовъ и на злободневныя темы. Теоретическія и злободневныя бесѣды служатъ цѣли углубленія движенія, а путемъ массовыхъ собраній мы выискиваемъ все большія и большія связи и такимъ образомъ стараемся расширить его. Ознакомленіе съ идеями научнаго соціализма въ принятой нами формѣ даетъ очень хорошіе результаты. Сами рабочіе сознаютъ эти результаты и выражаютъ это восторженными восклицаніями: „Теперь мы, дѣйствительно, становимся сознательными соціальдемократами!"

Агитація по поводу войны. Редакціей „Искры" изданы листки: „Патріотическій грабежъ", „Жертвуйте, русскіе люди!" (оба по поводу вымогательствъ „добровольныхъ пожертвованій"), „Правдивое слово министра" (по поводу заявленія мин. фин. Коковцева объ ожидаемомъ приливѣ пожертвованій въ сберегательныя кассы) и „Зачѣмъ нужны еврейскіе погромы?" (по поводу анти-еврейской агитаціи „патріотовъ"). **Одесскимъ Ком.** — „Послѣдній козырь самодержавія" (8.000 экз.). **Харьковскимъ Ком.** переизданъ листокъ „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ?" **Екатеринославск. Ком.** перепечатаны листки: Ц. К-та „Къ россійскому пролетаріату" и листокъ „Искры" „За что долженъ умирать русскій солдатъ?"; **Нижегородскимъ Ком.** 1) „Война съ Японіей". 2) „Къ гражданамъ" — о войнѣ, 3) „Война противъ войны" (лист. „И."), 4) „За что долженъ умирать русскій солдатъ?", 5) „Къ сормовскимъ рабочимъ" — о вычетахъ въ пользу Краснаго Креста; **Томскимъ Ком.** „Полицейскій патріотизмъ"; **Сибирскимъ Союзомъ** „Ко всѣмъ рабочимъ Сибири" (объ объявленіи войны). Объ изданіяхъ **Кіевскаго Ком.** см. въ особой замѣткѣ. Въ **Харбинѣ** (Манджурія) распространенъ листокъ **Читинскаго Ком.** о войнѣ.

Вышли изданія: Центральнаго Комитета „Ко всѣмъ гражданамъ" (январь 1904 г.), **„Искры"** „Кто долженъ быть самодержцемъ Россіи?" (листовка); **Кавказскаго Союза № 5-6** „Борьбы пролетаріата" (на армян. яз.); **Харьковскаго Ком.** „Къ обществу" (о тюремныхъ ужасахъ); **Тверского Ком.** — листокъ къ рабочимъ Франко-русс. завода; **Екатеринославскаго Ком.** — отчетъ комитета за окт. 1903 — янв. 1904 г. и листокъ „Къ обществу" — по поводу арест. въ январѣ; **Одесск. Ком.** „19 февраля 1861 — 1 марта 1881" (въ 6.000 экз.); **Нижегородск. Ком.** №№ 5 и 6 „Нижегород. рабочаго листка". Вышли: № 3 „Разсвѣта" и „Резолюція товарищескаго третейскаго суда по обвиненію тов. Гусева и тов. Дейчемъ".

(Продолженіе отдѣла „Изъ Партіи" см. въ приложеніи).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Петербургъ. Н. Ф. Анненскому предложили въ 24 часа закончить всѣ свои дѣла и выѣхать въ Ревель. Н. Ф. отказался, указывая, что у него на рукахъ такъ много дѣлъ, что окончить ихъ въ 24 часа невозможно; тогда его перевели изъ дома Предварительнаго заключенія въ Кресты, гдѣ онъ будетъ сидѣть, по слухамъ, долго. **Николаевъ.** Въ ночь съ 8 на 9 марта взята типографія, при ней 4 человѣка. Сверхъ того взяты братъ и сестра Соколовскіе, супруги Бовшевѣровы, рабочій Я. Зивъ и мн. др. **Харьковъ.** Въ началѣ марта арест. быв. студ. Ив. Лазаревъ, студ. Л. Жбанковъ, Л. Розенфельдъ, врачъ Влад. Обухъ, Лидія Отрошенко, курс. Александра Гусарова и др. **Таганрогъ.** Здѣсь арестованъ Александръ Скрынниковъ, репортеръ „Донской Рѣчи". У него взятъ какой-то рабочій. **Ростовъ н/Д.** Арестована нѣкая Сигида съ 4½ п. литературы соц.-рев. Здѣсь во время разбрасыванія прокламацій арест. 3 раб. **Юзовка.** Арест. собраніе въ 12 чел. **Бердянскъ.** Арест. 20 рабочихъ. **Батумъ.** Въ ноябрѣ 1903 г. изъ минной роты Черноморскаго полка былъ арест. рядовой Архипъ Яшвили, котораго подозрѣвали въ распространеніи нелегальной литературы въ войскахъ. Жандармы заключили его въ гауптвахту, но черезъ 7 дней смѣлый солдатъ-революціонеръ перепилилъ рѣшетку и убѣжалъ. Въ ту же ночь убѣжали 4 солдата изъ той же роты, которыхъ хотѣли арестовать за распространеніе литературы. **Нижній-Новгородъ.** 26-27 фев. арестованы садоводы Лазаревъ и Тихомировъ.

Бѣжали: изъ В. Сиб. и благополучно прибыли заграницу Агаревъ (по дѣлу Харьк. Ком.) и А. Кузнецова (по Кіевск. дѣлу „Искры"); изъ Холмогоръ, Арх. губ. — раб. Моравскій (Харьк. с.-д. дѣло).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Берлинскимъ представителемъ Лиги З. Р. Р. С.-Д. получено черезъ Днѣпрова: съ предпріятія — 160 м. 30 пф., отъ М. Д. — 10 м., изъ кассы — 15 м. Черезъ него-же ранѣе получено: отъ [illegible] гусарскаго полка штабъ-офицера (по поводу И.) — 115 м., отъ Рюрика — 5 м., отъ Саврасина — 3 м., 7. — 3 м., неотр. — 1 м. 50 пф.

Типографія Партіи. Genève, Rue de la Coulouvrenière, [illegible]

ИЗЪ ПАРТІИ (продолженіе).

Резолюція Батумскаго Комитета, одобренная также **Гурійскимъ Комитетомъ** сельскихъ рабочихъ:

„Съ глубокимъ прискорбіемъ Комитетъ узналъ, что партійная „смута" вступила въ новый, еще болѣе трудный фазисъ развитія. Батумскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи, будучи не посвященъ во всѣ тонкости происходящей полемики между различными группами Партіи, констатируетъ особенную необходимость въ объединеніи именно теперь, въ виду чрезвычайно важныхъ для Партіи событій на Дальнемъ Востокѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Комитетъ выражаетъ свое *полное довѣріе* Ц. К. Партіи и смѣло можетъ заявить, что никакого „бюрократизма", „формализма" etc. въ его дѣятельности не примѣчалъ, а лишь вполнѣ товарищеское отношеніе, чѣмъ, въ свою очередь, и Комитетъ отвѣчалъ.

Что же касается Ц. О., то довѣріе къ нему у Комитета поколебалось послѣ его (Ц. О.) отношенія къ съѣзду и Ц. К. Партіи. Посему Комитетъ единогласно выражаетъ желаніе объ изъятіи со столбцовъ „Искры" *всякой полемики* съ Ц. К. и другими законными учрежденіями Партіи, а равно о сохраненіи старыхъ „*непримиримыхъ*" тенденцій „Искры", что и стяжало ей такую огромную славу. Пусть Ц. О. серьезно отнесется къ происходящимъ въ Россіи событіямъ и тогда смѣло откажется отъ ненужной и оскорбляющей всякаго партійнаго дѣятеля полемики съ центральными учрежденіями Партіи, памятуя, что этимъ срубается то дерево, на которомъ сидитъ вся Партія."

Отъ ред. Мы очень желаемъ „сохранить старыя непримиримыя тенденціи" въ отстаиваніи принциповъ революціонной соціалдемократіи, но какъ быть, если именно такая непримиримость обязываетъ насъ къ полемикѣ... съ однимъ изъ законныхъ учрежденій Партіи?

Резолюція Астраханскаго Комитета.

Ознакомившись съ постановленіями съѣзда, съ заявленіемъ редакціи — съ одной стороны, и съ письмомъ тов. Ленина съ другой, мы, за недостаткомъ матеріаловъ и неполученіемъ до сихъ поръ копій протоколовъ съѣзда, воздерживаемся пока отъ выраженія нашего взгляда на сущность направленія, усвоеннаго новой редакціей „Искры", и заявляемъ, что находимъ въ дѣйствіяхъ редакціи полное пренебреженіе къ постановленіямъ съѣзда и недозволительную агитацію, имѣвшую цѣлью сведеніе на нѣтъ всей работы съѣзда. Неисполненіе постановленій съѣзда выразилось, прежде всего, въ произвольномъ измѣненіи числа членовъ и состава редакціи, вопреки ясно выраженному желанію съѣзда, который къ тому же обсуждалъ и не принялъ предложенія меньшинства членовъ съѣзда. Оно выразилось затѣмъ въ совершенно неслыханномъ давленіи на нѣкоторыхъ членовъ большинства, имѣвшемъ цѣлью добиться осуществленія своихъ желаній не путемъ открытаго и единственно законнаго отстаиванія своихъ мнѣній. Мы считаемъ такіе пріемы совершенно недопустимыми и вводящими полнѣйшую дезорганизацію въ дѣятельность партіи. Съ этой точки зрѣнія, мы не только протестуемъ самымъ энергичнымъ образомъ противъ поведенія меньшинства участниковъ съѣзда, но и считаемъ образъ дѣйствій тов. Плеханова, не выказавшаго достаточной твердости въ исполненіи постановленій съѣзда, неправильнымъ. Мы полагаемъ, затѣмъ, что тов. Ленину, несмотря на всю тяжесть его положенія, не слѣдовало покидать своего мѣста, такъ какъ было бы лучше, чтобы выходъ „Искры" временно вовсе пріостановился, лишь бы не вносить началъ дезорганизаціи и произвола въ дѣятельность партіи. Мы полагаемъ, что т. Плехановъ и Ленинъ должны были во что бы то ни стало исполнить постановленія съѣзда, если бы даже пришлось для этой цѣли отказаться отъ работы старыхъ сотрудниковъ. Мы полагаемъ затѣмъ, что предоставленіе редакціи права приглашать членовъ въ редакцію ни въ какомъ случаѣ не должно выражаться въ формѣ кооптаціи нѣсколькихъ членовъ однимъ тов. Плехановымъ, ибо тогда теряетъ всякое значеніе постановленіе съѣзда о томъ, что такое приглашеніе должно быть единогласно (вѣдь не каламбурами же занимался съѣздъ). Мы чрезвычайно сожалѣемъ, что съѣздъ не замѣнилъ тов. Мартова, вслѣдъ за его отказомъ отъ участія въ редакціи, и, такимъ образомъ, поставилъ тов. Плеханова и Ленина въ тяжелое положеніе. Мы удивляемся затѣмъ заявленію редакціи, что, добившись недозволительными пріемами предоставленія большинства мѣстъ въ совѣтѣ для меньшинства, она даетъ обѣщаніе не пользоваться создавшимся, такимъ образомъ, преимуществомъ для подавленія мнѣнія представителей большинства. Мы полагаемъ, что центральные учрежденія партіи должны представлять изъ себя такую среду, гдѣ увѣренія въ исполненіи примитивныхъ правилъ порядочности не должны имѣть мѣста[1]). Столь же неумѣстными кажутся намъ и прочія обѣщанія меньшинства. Въ виду сказаннаго, мы требуемъ: 1) точнаго исполненія постановленій второго съѣзда съ возстановленіемъ числа и состава лицъ, избранныхъ съѣздомъ въ составъ редакціи Ц. О.; 2) устраненія изъ состава редакціи Ц. О. всѣхъ, которые не пожелаютъ впредь подчиняться постановленіямъ съѣзда; 3) прекращенія непроизводительной затраты силъ и средствъ партіи на редакцію для агитаціи меньшинства (*Примѣчаніе*. Требованіе это выставлено, въ виду заявленія редакціи о присылкѣ своего делегата[2]). 4) опубликованія какъ настоящаго заявленія, такъ и всѣхъ заявленій, поступавшихъ раньше.

Резолюція Николаевскаго Комитета.

Николаевскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П. привѣтствуетъ второй очередной съѣздъ, завершившій дѣло фактическаго объединенія Партіи, давшій ей общую программу, положившій въ основу партійной работы и партійнаго строительства идею строгой централизаціи, выработавшій организаціонный уставъ и избравшій центральныя учрежденія Партіи. Считая нормальный укладъ партійной жизни лучшимъ условіемъ для учитыванія и разрѣшенія всѣхъ возникающихъ внутри Партіи разногласій и необходимымъ условіемъ плодотворной, положительной партійной работы, Николаевскій Комитетъ Партіи заявляетъ свое лойяльное отношеніе ко всѣмъ выбраннымъ партійнымъ центральнымъ учрежденіямъ.

Порицая партійное „меньшинство" за его непартійныя дѣйствія и дезорганизаціонную тактику внутри Партіи и призывая выяснить и обосновать свою основную точку зрѣнія и свое разногласіе съ „большинствомъ" въ рамкахъ, предоставленныхъ всѣмъ партійнымъ работникамъ партійнымъ уставомъ Партіи, призывая „меньшинство" оставить свою враждебную и дезорганизаціонную позицію. Николаевскій Ком. Партіи выражаетъ полное свое довѣріе Ц. К. и объявляетъ полную готовность всѣми силами способствовать водворенію въ Партіи „добраго мира". Вмѣстѣ съ этимъ, Комитетъ выражаетъ свое полное желаніе, чтобы была дана широкая возможность сторонникамъ большинства, такъ и меньшинства, выяснить на страницахъ партійной печати свою точку зрѣнія.

Резолюція принята шестью изъ семи членовъ Комитета. Седьмой членъ не присоединился, но особаго мнѣнія не представилъ, выйдя изъ Комитета. Два члена присоединили къ резолюціи особое мнѣніе:

„Два члена комитета считаютъ необходимымъ и устно отстаивали важность вставить во второмъ абзацѣ передъ „порицая" слово „рѣзко", мотивируя это тѣмъ, что дѣйствія „меньшинства" были рѣзки, рѣзко кричали о себѣ въ такой въ высшей степени важный, исключительный моментъ жизни Партіи, какъ реальная возможность имѣть, наконецъ, фактически единую Партію".

Общее отношеніе къ позиціи „меньшинства" выразилось въ двухъ слѣдующихъ резолюціяхъ:

I. „Предложеніе двухъ членовъ комитета вынести резолюцію, отрицательную къ принципіальнымъ взглядамъ „меньшинства", а также къ характеру, который приняла „Искра" въ статьяхъ: „Чего не дѣлать" (№ 52), „Нашъ съѣздъ", въ примѣчаніи къ письму тов. Ленина, ст. „Нѣчто объ экономизмѣ и экономистахъ" (№ 53), и къ позиціи, занятой настоящей редакціей Ц. О. въ письмѣ, разосланномъ по нѣкоторымъ комитетамъ, — было отклонено большинствомъ четырехъ голосовъ противъ двухъ, въ виду невозможности вынести въ настоящее время по этому поводу опредѣленное сужденіе."

II. Мнѣніе двухъ членовъ М. и П. „Имѣя въ виду принципіальную позицію „меньшинства", поскольку она нашла себѣ выраженіе на страницахъ „Искры", а особенно въ „подпольной" литературѣ (письмо Дана и „Еще разъ въ меньшинствѣ" Мартова) и проявляющіяся на практикѣ стремленія разобщить Ц. О. и Ц. К., въ отстаиваніи компромиссного характера Ц. К., въ возвращеніи ко взгляду Р. Д. и „Credo" о вредѣ „главенства теоріи надъ практикой", въ извращеніи идеи централизма и въ стремленіи создать организацію, не гарантирующую ортодоксальносоціальдемок. характера партійной работы, въ проповѣди (не разобрано) примирительнаго отношенія къ тѣмъ элементамъ, главное содержаніе работы которыхъ заключалось и заключается въ борьбѣ противъ основныхъ началъ революціонной соціальдемократіи (см. листокъ возродившагося Петербургскаго Союза[1]) о демократичности, смотри органъ Союза московскихъ типографщиковъ, сравни отстаиваніе нашими ростовскими товарищами десяти часового рабочаго дня[2]) и въ предоставленіи всѣмъ оппортунистическимъ элементамъ возможности проникать въ центръ, руководящій всей практической работой (Ц. К.) — и усматривая въ этой принципіальной и практической позиціи шагъ въ сторону оппортунизма и дѣйствительныя попытки стащить Рос. соц-дем. движеніе съ пути принципіальной выдержанности и устойчивости и отбросить его назадъ на весь періодъ долгой подготовительной работы организаціи „Искры", мы считаемъ необходимымъ поднять свой голосъ противъ этихъ попытокъ. Въ частности, мы никакъ не можемъ мириться съ искаженіемъ основного характера „Искры", какъ партійнаго руководящаго органа, и съ тѣмъ, что на ея страницахъ проводятся взгляды, рѣзко и категорически осужденные партійнымъ съѣздомъ (смотри резолюцію о Центральномъ Органѣ Партіи)"

Отъ ред. Печатаемъ обѣ эти резолюціи безъ всякихъ комментарій. Онѣ сами за себя говорятъ.

Особое мнѣніе, вынесенное по поводу резолюціи Бакинскаго Комитета (см. № 60) тремя членами Бакинскаго Комитета и однимъ членомъ Кавказскаго Союза, присутствовавшимъ съ правомъ рѣшающаго голоса; большинство составилось изъ четырехъ членовъ Бакинскаго Комитета и одного представителя Ц. К., тоже съ рѣшающимъ голосомъ.

„Признавая, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія можетъ и должна быть организована на началахъ послѣдовательнаго централизма; считая въ тоже время, что централизованная партія будетъ дѣйствительно сильна, прочна и устойчива только при условіи, если принципъ централизма будетъ осуществляться не механическими средствами подчиненія, а путемъ органическаго роста Партіи и постепенной фактической централизаціи всѣхъ наиболѣе важныхъ партійныхъ функцій, — мы приглашаемъ Ц. О. и Ц. К. устранить существующія внутри Партіи разногласія путемъ взаимныхъ уступокъ и направить всѣ усилія къ развитію положительной работы на почвѣ принциповъ революціонной соціальдемократіи. Мы ставимъ на видъ Ц. К.: Партія ждетъ, чтобы онъ въ своей положительной работѣ опирался на всѣ зрѣлые элементы Партіи, не взирая на мелкія групповыя различія, совершенно блѣднѣющія передъ великимъ дѣломъ пролетаріата. Мы ставимъ на видъ Ц. О., что Партія ждетъ отъ него той же положительной работы въ смыслѣ выясненія программныхъ и тактическихъ вопросовъ нашего движенія и дальнѣйшаго развитія идей революціоннаго соціализма. Мы признаемъ — въ предѣлахъ соціальдемократической программы — безусловную свободу критики внутри Партіи и считаемъ необходимой въ настоящую минуту свободную дискуссію по вопросамъ организаціонной политики. Но — въ интересахъ положительной работы и престижа Партіи — мы считаемъ нежелательнымъ заполненіе страницъ Ц. О. статьями по вопросамъ, доступнымъ пониманію только незначительной части партійныхъ работниковъ, и желали бы видѣть обсужденіе ихъ въ особыхъ листкахъ и приложеніяхъ, разсылаемыхъ мѣстнымъ комитетамъ" (слѣдуютъ подписи).

Письмо въ редакцію.

Товарищи! Россія переживаетъ историческій моментъ необычайно серьезный и глубокій, всѣ многообразныя послѣдствія котораго трудно предвидѣть и предсказать. Война съ Японіей, на которую съ безумнымъ отчаяніемъ рѣшилось русское правительство, грозитъ повлечь за собой кровавое состязаніе всѣхъ капиталистическихъ странъ, въ которомъ Россіи придется отражать нападенія нѣсколькихъ державъ. А это неминуемо должно вызвать глубокое потрясеніе всего государственнаго организма.

Характеръ переживаемаго нами времени возлагаетъ на насъ, соціальдемократовъ, рядъ серьезныхъ обязанностей первостепенной, можетъ быть, даже міровой важности. Но съ мучительной болью мы должны сознаться, что настоящій моментъ снова засталъ нашу Партію совершенно неподготовленной. И на этотъ разъ Россійская Соціальдемократія вмѣсто единой сплоченной централизованной силы, — предстала въ видѣ ряда оторванныхъ другъ отъ друга „кустарныхъ" комитетовъ. Эти комитеты не сумѣли или не догадались своевременно подготовить общественное сознаніе къ войнѣ, они своевременно не возстановили противъ войны всѣхъ тѣхъ, кого можно и должно было возстановить. И потому то полицейско-патріотическія манифестаціи прошли съ такимъ полнымъ успѣхомъ. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ комитеты только послѣ объявленія войны выпустили листки въ чрезвычайно ограниченномъ количествѣ. Въ то время, когда нужно залить всю Россію агитаціонной литературой, россійскіе соціальдемократы съ трудомъ и только отчасти обслуживаютъ потребности передового пролетаріата большихъ городовъ. Къ сожалѣнію, также ни редакція Ц. О., ни тѣмъ менѣе Ц. К. не выполнили на этотъ разъ своего партійнаго призванія. Статьи „Искры" появились съ чрезвычайнымъ опозданіемъ и въ недостаточномъ количествѣ.[3]) Какъ реагировалъ на эти событія нашъ Ц. К. и реагировалъ ли онъ хоть какъ-нибудь, — мы до сихъ поръ не знаемъ.

Пусть же этотъ печальный фактъ послужитъ намъ урокомъ и указаніемъ для будущаго. А будущее теперь таково, что мы должны быть готовы ежедневно и ежечасно ко всякимъ случайностямъ и неожиданностямъ, ко всевозможнымъ осложненіямъ государственной и общественной жизни Россіи вплоть даже до того, что тѣснимое финансовыми невзгодами, промышленнымъ кризисомъ и безработицей, смертельно боящееся внутренняго врага, — самодержавіе прибѣгнетъ къ послѣднему средству самосохраненія — реформамъ „сверху". Мы, конечно, не станемъ спекулировать на всѣ эти возможности и не будемъ мѣнять своей тактики въ надеждѣ на различныя случайности, — но *мы должны быть готовы ко всему.* Событія не должны застать насъ врасплохъ, измѣненія не должны насъ поставить втупикъ. Въ противномъ случаѣ мы покажемъ, что мы не способны и недостойны руководить освободительной борьбой пролетаріата.

Въ виду этого Кіевскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи предлагаетъ Центральному Органу Партіи, немедленно выработать всесторонній планъ практическихъ дѣйствій и передать его на обсужденіе всѣхъ комитетовъ Партіи, чтобы на грядущія событія партійныя организаціи могли отвѣтить приблизительно однообразными мѣрами дѣйствій.

Кіевскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Изъ Ростова н/Д. намъ пишутъ: Настроеніе рѣзко измѣнилось, и кто знаетъ, что ждетъ Россію въ близкомъ будущемъ... „Мутныя волны воинствующаго патріотизма" уже совсѣмъ улеглись, шовинистическій туманъ, застилавшій многимъ сознаніе, разсѣивается. Можетъ быть, мы наканунѣ великихъ событій... Готовы ли мы, соціальдемократы, къ этому историческому моменту, готовы ли мы къ тому, чтобы исполнить свой долгъ передъ пролетаріатомъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Товарищи! Мы не должны долѣе скрывать того тяжелаго положенія, въ которомъ находится теперь наша Партія. Послѣ съѣзда уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а за это время наша Партія сдѣлала колоссальный шагъ... *назадъ.* Не мѣсто здѣсь въ этомъ письмѣ разбирать, на кого падаетъ отвѣтственность за настоящее печальное положеніе, но не подлежитъ сомнѣнію, что послѣ съѣзда не было сдѣлано ни одной попытки къ дѣйствительному объединенію, къ созданію политической партіи. Мы также разрознены, какъ и до образованія О. К., наши общія нужды еще менѣе удовлетворяются, чѣмъ когда бы то ни было. Можно ли говорить о правильной постановкѣ работы, когда комитетъ шесть-семь мѣсяцевъ не имѣетъ ни одного фунта литературы, а „Искра" получается лишь въ отдѣльныхъ экземплярахъ? При ухудшающихся все болѣе и болѣе полицейскихъ условіяхъ, когда устройство большихъ собраній дѣлается почти невозможнымъ, безъ агитаціонной литературы, отвѣчающей на всѣ запросы движенія, комитеты не могутъ вести широкой соціальдемократической агитаціи. Вѣдь комитетъ самостоятельно, кромѣ листковъ, ничего издавать не можетъ. А что сдѣлано за это время?.. Ровно ничего!

Гдѣ же, товарищи, выходъ изъ этого ужаснаго положенія?! Мы чувствуемъ свое безсиліе, мы видимъ, что мы не сумѣемъ исполнить своего долга передъ рабочими, что мы совершенно не готовы къ той роли, которую мы, и только мы, соціальдемократы, можемъ исполнить!

Гдѣ же выходъ?

Членъ Донского Комитета.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Уважаемые товарищи! Появленіе въ печати новаго изданія Центральнаго Комитета, подъ названіемъ: „Коментаріи къ протоколамъ второго съѣзда Заграничной Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи", вынуждаетъ насъ, какъ выполнявшихъ порученіе съѣзда Лиги объ опубликованіи этихъ протоколовъ, просить васъ дать на страницахъ „Искры" мѣсто нижеслѣдующему письму.

Разумѣется, мы отнюдь не имѣемъ въ виду вступать здѣсь въ полемику по существу затронутыхъ въ „Коментаріи" вопросовъ. Дѣло вкуса и умѣнья читателей оцѣнить то толкованіе преній и событій, имѣвшихъ мѣсто на съѣздѣ Лиги и въ связи съ нимъ, которое угодно было предложить авторамъ „Коментарія" — тов. В. Бончъ-Бруевичу, Перовой, Шарко, Эммануилову, Литвинову, Сарафскому, Петрову, Тагу, Инсаровой и Инсарову. Но мы не можемъ пройти молчаніемъ возмутительный пріемъ заподазриванія точности и вѣрности изданныхъ подъ нашей редакціей протоколовъ и потому заявляемъ слѣдующее.

1) Бончъ-Бруевичъ, Сарафскій, Инсаровъ, Петровъ, Инсарова и Эммануиловъ сами исполняли обязанности секретарей и своими подписями на подлинникахъ протоколовъ соотвѣтствующихъ засѣданій приняли на себя ручательство за вѣрную передачу преній и всего, происходившаго на съѣздѣ.

2) Всѣ прочіе участники съѣзда имѣли право принимать, а нѣкоторые и принимали, участіе въ провѣркѣ протоколовъ. Ссылка на „установившіяся отношенія", благодаря которымъ это право обратилось будто бы въ „пустую комедію", явно не выдерживаетъ критики, ибо въ бюро по провѣркѣ протоколовъ работали одновременно представители обѣихъ сторонъ, и для утвержденія протоколовъ требовалось единогласіе. Слѣдовательно, у всякаго была полная возможность, если только онъ могъ убѣдить секретаря или вицепредсѣдателя изъ своей собственной „стороны" въ неточности записей, помѣшать такому утвержденію и добиться провѣрки „на засѣданіяхъ съѣзда", а вмѣстѣ съ тѣмъ и провѣрки той „*общей* картины дебатовъ", которая по словамъ авторовъ „Коментарія" яко бы искажена въ протоколахъ.

3) Печатаніе протоколовъ „не въ партійной типографіи", разумѣется, никакого отношенія къ точности протоколовъ имѣть не можетъ и было вызвано тѣмъ, что въ виду упорныхъ настояній члена Ц. К. — не печатать протоколовъ вовсе — администрація Лиги видѣла въ „такомъ пріемѣ" единственное средство обезпечить своевременный выходъ ихъ въ свѣтъ и распространеніе.

4) Несмотря на свое смѣлое утвержденіе о „своеобразномъ способѣ редактированія", лишившемъ будто бы протоколы значенія „безпристрастнаго историческаго документа", авторы „Коментарія" нигдѣ и не пытаются указать, въ чемъ же именно сказывается эта „своеобразность", гдѣ искаженія и неточности, а посвящаютъ всѣ страницы своей брошюрки *оцѣнкѣ* самыхъ событій и преній по существу. Тѣ три указанія, которыя они дѣлаютъ, рѣшительно не даютъ имъ права на такія „своеобразныя" утвержденія. Вотъ эти указанія:

а) Смыслъ словъ тов. Мартова „эти господа" и пр. „извращенъ простой перестановкой словъ" и т. д. (стр. 1). Стоитъ только взглянуть въ протоколы (стр. 75-76), чтобы убѣдиться, что, если бы даже секретари (какъ это неизбѣжно при не стенографическомъ записываніи) и не совсѣмъ точно записали слова тов. Мартова, то никакого отношенія къ „извращенію смысла" это не имѣетъ. Тов. Бончъ-Бруевичъ протестовалъ не противъ выраженія „эти господа", а именно противъ того, что тов. Мартовъ назвалъ его и уходившихъ вмѣстѣ съ нимъ товарищей „господами", что ясно видно изъ словъ тов. Бончъ-Бруевича: „тов. Мартовъ обращается къ намъ, называя насъ „господами", мы же въ своемъ заявленіи называемъ его товарищемъ". Такимъ образомъ, если „поведеніе такъ называемой группы партійнаго „большинства" оказывается въ данномъ случаѣ „даже просто лишеннымъ смысла", то протоколы и ихъ редакція въ этомъ неповинны.

б) Тов. Мартовъ въ своей рѣчи „извратилъ" слова тов. Ленина, сказавшаго будто, что „неискровскіе элементы" должны быть отстранены „отъ центральныхъ учрежденій", между тѣмъ, какъ тов. Мартовъ передѣлалъ это въ удаленіе „изъ партіи". Мы полагаемъ, вполнѣ достаточно указать, что это будто бы „извращеніе" словъ тов. Ленина тов. Мартовъ дѣлалъ въ присутствіи самого Ленина, который и не думалъ протестовать противъ неточности передачи, хотя въ другихъ случаяхъ и прибѣгалъ къ такимъ протестамъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о письмѣ редакціи въ комитеты. Въ этомъ письмѣ новая редакція указывала, что она продолжаетъ считать необходимой самостоятельность Центр. Комитета въ сферѣ его дѣятельности и отказывается отъ мысли воздѣйствовать на волю Центр. Комитета *силой власти* Совѣта. Ред.

[2]) Делегатъ долженъ былъ познакомить астраханскихъ товарищей съ положеніемъ дѣлъ въ партіи и планами редакціи. Ред.

[1]) „Союзъ" не возродился, а, напротивъ, теперь только распустился. *Ред.*

[2]) Повидимому, какое-то недоразумѣніе. *Ред.*

[3]) Въ наше время, когда... *такіе* упреки намъ особенно симпатичны. *Ред.*

4) Эпизодъ съ представителемъ Ц. К., эпизодъ устраненія котораго изъ печати ставится намъ въ укоръ. Прежде всего мы должны сказать, вообще, о „формальномъ и моральномъ правѣ“ не печатанія всего, что происходитъ на засѣданіяхъ партійныхъ организацій. Давно-ли, вообще, стало печататься хоть что-либо? Затѣмъ авторы „Коментарія“, вмѣстѣ съ тов. Ленинымъ, твердятъ, что мы обязаны были печатать „все“. Какъ же совмѣстить это съ требованіемъ представителя Ц. К., того самаго, который присутствовалъ на съѣздѣ Лиги, чтобы мы не печатали „ничего“?¹) Пусть столкуются объ этомъ авторы „Коментарія“ съ этимъ членомъ Ц. К. Сообщенный же публикѣ въ „Коментаріи“ эпизодъ съ „жандармомъ“, почему-то не воспроизведенный въ протоколахъ, на самомъ дѣлѣ въ протоколахъ воспроизведенъ, а изъятъ изъ печати по настоятельной просьбѣ другого члена Ц. К., который ставилъ на видъ, что воспроизведеніе этой сцены въ высшей степени компрометтируетъ того члена Ц. К., къ которому восклицаніе „жандармъ“ и пр. относится, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и весь Ц. К. Но разъ авторы „Коментарія“ сочли нужнымъ воспроизвести эту сцену въ печати, мы считаемъ себя обязанными позаботиться, чтобы воспроизведеніе это было сдѣлано точно, а потому безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій ограничиваемся тѣмъ, что печатаемъ рядомъ тотъ текстъ, который опубликованъ въ „Коментаріи“, и тотъ, который записанъ въ подлинномъ протоколѣ, гдѣ непосредственно послѣ этой „сцены“ стоитъ — въ числѣ другихъ — подпись тов. Эммануилова, бывшаго на этомъ засѣданіи однимъ изъ секретарей, а нынѣ одного изъ авторовъ „Коментарія“.

Въ „Коментаріи“:

Членъ Ц. К. Х. „Объявляю это собраніе незаконнымъ, какъ не исполнившее распоряженія Ц. К., удаляюсь съ него и предлагаю всѣмъ, подчиняющимся постановленію Ц. К., послѣдовать за мной“.

При шумѣ большинства съѣзда и крикахъ: Долой полицію! Долой жандармовъ! Вы нѣмецкіе шутцманы! — обозначенныя въ протоколахъ лица оставляютъ залъ засѣданія.

Перова (обращаясь къ предсѣдателю): Прошу занести въ протоколъ крики: „Долой полицію! Долой жандармовъ!“

Предсѣдатель. Ничего занесено не будетъ: вы сами затрываете засѣданіе.

Въ протоколахъ:

Членъ Ц. К. Х. „Объявляю это собраніе незаконнымъ, какъ не исполнившее распоряженія Ц. К., удаляюсь съ него и предлагаю желающимъ послѣдовать за мной.

Предсѣдатель. Долой жандармовъ! Долой полицію!

Троцкій. Нѣмецкій шутцманъ!

Многіе голоса. Долой полицію! Долой жандармовъ! Долой комиссара!

Перова. Ахъ, это ужасно, ужасно! Они кричатъ: жандармы. Это нужно внести въ протоколъ.

Голоса. Будетъ внесено для вашего же наказанія! Долой полицію! Долой жандармовъ! (Одинъ за другимъ оставляютъ залъ засѣданія...)

Повторяемъ: непосредственно за этимъ мѣстомъ, стоитъ подпись утверждавшаго протоколы бюро — въ томъ числѣ и тов. Эммануилова, — такъ какъ лишь дальнѣйшая часть засѣданія велась при другомъ составѣ бюро. Если среди прочихъ „своеобразныхъ“ неточностей въ передачѣ этой сцены, авторы „Коментарія“ утверждаютъ, что „представитель Ц. К. предлагалъ произвести *именное* голосованіе“, и требованіе это будто бы было даже поддержано „нашей стороной“ (18 голосовъ)“, то, вѣроятно, тов. Эммануиловъ — одновременно и авторъ „Коментарія“, и одинъ изъ „18 голосовъ“ „нашей стороны“, и секретарь, своею подписью утверждавшій протоколъ этого именно засѣданія, протоколъ, въ которомъ и помину нѣтъ объ „именномъ голосованіи“, — лучше насъ сумѣетъ разъяснить недоумѣнія своихъ сотрудниковъ по „Коментарію“.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться на всѣхъ мелкихъ неточностяхъ и „извращеніяхъ“, содержащихся въ „Коментаріи“ (въ оцѣнку его по существу мы вовсе не входимъ), но уже и сказаннаго достаточно, чтобы показать, съ какимъ правомъ авторы „Коментарія“ бросили свой легкомысленный упрекъ редакціи протоколовъ и съ какою добросовѣстностью стремятся они опорочить протоколы въ глазахъ читателя. Намъ теперь не „исправлять“ въ „картинѣ засѣданій съѣзда“, „свидѣтельскія показанія“ „Коментарія“ представляютъ собою дѣйствительно „своеобразный“ „историческій документъ“.

Считаемъ нужнымъ сказать лишь еще нѣсколько словъ по поводу трехъ злостныхъ выходокъ авторовъ „Коментарія“.

1) Увѣреніе ихъ, будто „слухи“ о намѣреніи „оппозиціи“ захватить при Лигѣ издательство, типографію и транспортное дѣло „впослѣдствіи подтвердились“ (стр. 18) — представляетъ собой чистѣйшій вымыселъ, хотя администрація Лиги и сейчасъ убѣждена, что Лига несомнѣнно не лишена права имѣть собственное издательство и собственную типографію.

2) Если подъ документомъ № 1 (отвѣтъ Ц. К.) значится не 12 подписей, а 19 (стр. 3), то не потому, что *редакторы* „дополнили“ число подписавшихъ, а потому, что послѣ передачи „отвѣта“ Ц. К. получились листы (они были разосланы въ гектографированномъ видѣ всѣмъ членамъ Лиги) съ новыми подписями. Полагаемъ, всѣмъ — кромѣ, быть можетъ, авторовъ „Коментарія“ — ясно, что, если бы „дополненіе“ исходило отъ редакторовъ, лица, именами которыхъ они воспользовались, не преминули бы протестовать противъ такого самовольнаго распоряженія ихъ подписями.

3) Относительно пріема новыхъ членовъ въ Лигу нигдѣ не установлено, чтобы комитеты (правами которыхъ пользуется Лига) обязаны были принимать въ свой составъ любого члена другихъ комитетовъ. Лига, какъ и всякая партійная организація, обязана только давать работу всякому члену партіи, потому что, не работая подъ руководствомъ Лиги — единственной заграничной организаціи — бывшій членъ какого-либо комитета пересталъ бы — согласно партійному уставу — быть членомъ Партіи. Отказа же въ работѣ со стороны Лиги никому не было. Что касается непринятія въ число членовъ Лиги „цѣлаго ряда членовъ“, то не знаемъ, насколько умѣстны жалобы авторовъ „Коментарія“ на то, что „не нашлось 20 членовъ, знающихъ (кандидатовъ) или желающихъ подать за нихъ голосъ“. Изъ „цѣлаго ряда“ кандидатовъ, выдвинутыхъ изъ среды такъ называемаго партійнаго „большинства“, въ число членовъ Лиги были приняты двое. Почему были отвергнуты другіе, могутъ сказать лишь тѣ члены Лиги, которые голосовали противъ нихъ. Администрація же Лиги можетъ лишь указать на то, что огромное большинство этихъ кандидатовъ было изъ числа лицъ, въ Россіи никогда не работавшихъ, и *всѣ они* были рекомендованы *однимъ и тѣмъ же лицомъ* изъ Лиги, а именно тов. Литвиновымъ, однимъ изъ авторовъ „Коментарія“. Если эта рекомендація въ глазахъ большинства членовъ Лиги не оказалась достаточнымъ основаніемъ для пріема кандидата въ Лигу, пенять тутъ не на кого.

Въ заключеніе заявляемъ, что въ виду появленія „Коментарія“, дѣлающаго безцѣльнымъ и даже вреднымъ ограниченіе круга читателей протоколовъ съѣзда Лиги, администрація Лиги постановила ограниченіе это отнынѣ снять.

Съ товарищескимъ привѣтомъ *Ф. Данъ, Н. Лысенко*

¹) Такъ именно заявлялъ этотъ членъ Ц. К. неоднократно въ устныхъ бесѣдахъ съ членами администраціи и редакціи П. О. А вотъ выписка изъ письма его къ тов. Мартову (отъ 12 декабря 1903 г.), показывающая, что, повидимому, наперекоръ негодованію авторовъ „Коментарія“, онъ не прочь былъ присвоить себѣ „формальное и моральное право“ требовать отъ редакціи протоколовъ устраненія изъ нихъ нѣкоторыхъ мѣстъ: „Еще не поздно обезпечить этотъ миръ (въ партіи), еще не поздно *изъять отъ свѣдѣнія публики и враговъ подробности раскола и рѣчи о порядочности и о фальшивыхъ спискахъ* (курсивъ нашъ), — рѣчи, которыми воспользуются, вѣроятно, даже и Моск. Вѣдомости. Я гарантирую, что большинство охотно согласится предать забвенію всю эту грязь, при условіи обезпеченія добраго мира въ Партіи“. Итакъ, можно требовать изъятія отъ свѣдѣнія публики отдѣльныхъ мѣстъ протоколовъ! Почему же, въ противоположность нѣкоторымъ сторонникамъ „большинства“, отъ имени котораго говорилъ представитель Ц. К., *не могли* „охотно“ согласиться „предать забвенію всю эту грязь“ читатель, несомнѣнно, безъ труда пойметъ изъ отчета о третейскомъ судѣ между тов. Дейчемъ и Гусевымъ, приговоръ по которому печатается въ этомъ номерѣ.

Насъ просятъ напечатать.

Резолюція товарищескаго третейскаго суда, состоявшагося въ .... 19 февраля (3 марта) 1904 г. по обвиненію тов. Дейчемъ тов. Гусева въ умышленной клеветѣ и въ распространеніи имъ — Гусевымъ — завѣдомо ложныхъ слуховъ, съ цѣлью опорочить политическую репутацію т. Дейча.

Девятнадцатаго февраля (3 марта) 1904 г. состоялся въ .... товарищескій третейскій судъ въ составѣ товарищей .... (слѣдуютъ имена трехъ судей), по обвиненію тов. Дейчемъ тов. Гусева въ умышленной клеветѣ и въ распространеніи имъ — Гусевымъ — завѣдомо ложныхъ слуховъ, съ цѣлью опорочить политическую репутацію тов. Дейча. На судѣ, при разборѣ дѣла присутствовали, кромѣ товарищей Дейча и Гусева, также товарищи. .... (слѣдуютъ имена пяти товарищей изъ числа мѣстныхъ членовъ Партіи и четырехъ свидѣтелей).

Обстоятельства дѣла слѣдующія:

Въ недавно изданной брошюрѣ тов. Павловича, озаглавленной: „Письмо къ товарищамъ о второмъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р.П.“ на стр. 12 въ выноскѣ напечатано: „Среди делегатовъ съѣзда циркулируетъ списокъ, составленный изъ излюбленныхъ лицъ меньшинства... Тов. Мартовъ въ то время еще находилъ этотъ списокъ „позорнымъ“, а на съѣздѣ Лиги утверждалъ, что этотъ списокъ фальшивый. Фактъ тотъ, что тов. Дейчъ является въ дѣлѣ этого списка первоисточникомъ. Онъ передалъ его одному изъ делегатовъ „большинства“ тов. Гусеву... Въ этомъ спискѣ были: „Штейнъ, Егоровъ, Поповъ, Троцкій, Ѳоминъ.“¹)

Товарищескій третейскій судъ призналъ:

I. что тов. Дейчъ, какъ это признаетъ и Гусевъ, никакого списка Гусеву не передавалъ, и, принимая во вниманіе:

1) что тов. Дейчъ не имѣлъ ни личнаго, ни политическаго интереса составить или распространить подобный списокъ,

2) что Дейчу подобныхъ порученій никто не давалъ,

3) что Дейчъ не велъ никакой агитаціи въ пользу тѣхъ или другихъ кандидатовъ въ Ц. К.

4) что личныя отношенія между Дейчемъ и Гусевымъ были такого рода, что исключали возможность особаго сообщенія со стороны Дейча Гусеву и наконецъ,

5) принимая во вниманіе ту обстановку, при которой Дейчъ, по словамъ Гусева, перечислилъ ему пять именъ, фигурировавшихъ впослѣдствіи въ спискѣ, товарищескій третейскій судъ пришелъ къ заключенію:

II. что тов. Дейчъ и устно не могъ сообщить, а, слѣдовательно, не сообщилъ т. Гусеву имена кандидатовъ, содержащихся въ спискѣ, указанномъ въ брошюрѣ Павловича,

III. что сообщеніе Гусева Павловичу, будто Дейчъ передалъ ему — Гусеву — списокъ, лишено всякаго основанія.

Настоящую резолюцію судъ постановилъ сообщить товарищамъ: 1) Дейчу, 2) Гусеву и 3) Ц. К. Имѣя же въ виду, что сообщеніе, сдѣланное т. Гусевымъ Павловичу, предано послѣднимъ гласности и можетъ скомпрометировать политическую репутацію тов. Дейча, судъ постановилъ сообщить настоящую резолюцію редакціи „Искры“ въ цѣляхъ опроверженія неправильнаго сообщенія.

2 (15) марта 1904 г.

(Слѣдуютъ подписи).

¹) Дальнѣйшія подробности самаго дѣла приводятся въ особомъ листкѣ; здѣсь ограничиваемся рѣшеніемъ суда.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ „ИСКРЫ“.

Быстрый ростъ революціоннаго движенія разбудилъ русскую учащуюся молодежь. Съ каждой новой побѣдой пролетаріата, съ каждымъ новымъ проявленіемъ его растущаго классового самосознанія, все шире и шире разливалось среди нея недовольство существующимъ строемъ, росло стремленіе выяснить себѣ смыслъ и значеніе великаго освободительнаго движенія, охватившаго Россію. Огромная нива ждала сѣятелей, а сѣятелей не было. То было время нераздѣльнаго господства экономизма и кустарничества въ нашей партіи. Замкнувшись въ узкія рамки трэдъ-юніоновъ, громогласно провозгласивши, что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, „а отнюдь не интеллигентовъ“, дѣйствовавшіе въ Россіи товарищи не обращали никакого вниманія на воспитаніе изъ молодежи энергичныхъ, стойкихъ и выдержанныхъ соціальдемократовъ, которые смогли бы „продолжать начатое раньше, сразу становиться въ ряды и шеренги, двигать впередъ движеніе, поднимать его на высшую ступень“. Да и зачѣмъ было обращать вниманіе на воспитаніе молодежи, когда по всей линіи господствовало полнѣйшее презрѣніе къ „теоріи“, когда на всѣхъ перекресткахъ открыто заявлялось, что „одинъ шагъ рабочаго движенія важнѣе цѣлой дюжины программъ“, — хотя бы этимъ шагомъ было завоеваніе лишняго пятака заработной платы. Результатомъ такого положенія было то, что послѣ какого-нибудь „провала“ мѣсто старыхъ работниковъ занимала неопытная молодежь, не выработавшая еще себѣ цѣльнаго и послѣдовательнаго соціальдемократическаго міросозерцанія, — что такъ облегчило проникновеніе въ среду нашей партіи оппортюнистическихъ идей „ревизіонизма“, націонализма, „организованной мести“ и т. п.

Но, несмотря на такое невниманіе партіи къ молодежи, движеніе въ ея средѣ не прекращалось. Скоро уже — отчасти совершенно стихійно, отчасти подъ вліяніемъ членовъ партіи, почему-либо не порвавшихъ своихъ связей съ молодежью, — возникъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ группъ и кружковъ, начавшихъ пропаганду соціальдемократическихъ идей среди русской интеллигентной молодежи. Всѣ эти группы и кружки работали, однако, внѣ всякаго контроля партійныхъ организацій, при чисто случайныхъ связяхъ съ ними, — что такъ вредно отражалось на ихъ работѣ.

Второй съѣздъ Партіи, навсегда покончившій съ экономизмомъ и кустарничествомъ, въ своей резолюціи о молодежи призналъ необходимымъ поручить партійнымъ организаціямъ ту работу, которую вели до сихъ поръ самостоятельныя организаціи соціальдемократической молодежи. Этимъ онъ лишилъ права на существованіе всѣ тѣ отдѣльныя группы и кружки, которые работали среди молодежи, — между прочимъ, и нашей Южно-Русской Группы. На этомъ основаніи, съ согласія всѣхъ нашихъ мѣстныхъ организацій, — мы объявляемъ нашу Группу распущенной, и всѣ ея организаціи присоединившимися къ организаціямъ Партіи.

Прекращая свою обособленную работу, мы призываемъ всѣ соціальдемократическія организаціи Россіи, отдѣльное существованіе которыхъ въ свое время можно было объяснить организаціоннымъ хаосомъ и разбродомъ, господствовавшимъ въ нашей партіи, отказаться отъ самостоятельнаго выступленія и начать дружную работу подъ знаменемъ единой Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Центральный Комитетъ Южно-Русской Группы учащейся молодежи.

Февраль 1904 года.

Въ концѣ февраля Ц. К. Южно-Русской Группы издалъ два листка: „Къ ученикамъ средне-техническаго училища въ Ростовѣ на Дону“ (по поводу гнуснаго поведенія нѣкоторыхъ учениковъ этого училища въ „патріотическихъ“ манифестаціяхъ, См. „Искру“ № 61). 2) Къ учащейся молодежи, о распущеніи Южно-Русск. Группы и присоединеніи ея къ Партіи.

Международное Соціалистическое бюро. — Брюссель, 12 марта 1904 г.

Секретаріатъ:
63, Rue Heyvaert, Брюссель.

Къ соціалистическимъ и рабочимъ организаціямъ.

Товарищи,

Международное Соціалистическое Бюро приглашаетъ васъ принять участіе въ Шестомъ Международномъ Соціалистическомъ Конгрессѣ, который будетъ имѣть мѣсто въ Амстердамѣ (Голландія) съ 14 по 20 августа 1904 года.

Бюро въ засѣданіи отъ 7 февраля этого года въ Брюсселѣ установило слѣдующій порядокъ дня Конгресса:

1. Утвержденіе мандатовъ;
2. Избраніе бюро, образованіе секцій, утвержденіе порядка дня;
3. Отчетъ секретаріата;
4. Отчеты различныхъ національностей;
5. Международные принципы соціалистической политики. Резолюція по вопросу о тактикѣ партіи (Соціалистическая Партія Франціи);
6. Колоніальная политика (Гайндманъ: Соціальдемократическая Федерація Англіи и Ванъ-Коль: Соціалистическая Партія Голландіи);
7. Эмиграція и иммиграція (Соціалистическая Партія Аргентинской республики);
8. Всеобщая стачка (Рабочая Революціонно-соціалистическая Партія Франціи и Соціалистическая Партія Голландіи);
9. Соціальная политика и страхованіе рабочихъ (Мольккенбургъ: Германская Соціальдемократическая Партія). 8-мичасовой рабочій день (Федерація профессіональныхъ союзовъ Даніи);
10. Тресты и локкоутъ (Соціалистическая Партія Соединенныхъ Штатовъ).

Различные вопросы.

11. Протекціонизмъ и свободная торговля (Англійская Независимая Рабочая Партія);
12. Милитаризмъ (Англійская Независимая Рабочая Партія);
13. Клерикализмъ и школы (Соціальдемократическая Федерація Англіи);
14. Трэдъ-юніонизмъ и политика (Англійское Фабіанское Общество);
15. Международный третейскій судъ (Англійская Независимая Рабочая Партія);
16. Жилища для народа (Workmen's National Housing Council въ Англіи).
17. Международная солидарность (Союзъ нѣмецкихъ, австрійскихъ и венгерскихъ соціалистовъ въ Швейцаріи).

Бюро напоминаетъ всѣмъ соціалистическимъ ассоціаціямъ и профессіональнымъ организаціямъ резолюціи, принятыя на Лондонскомъ Конгрессѣ (1896 года), дополненныя постановленіями Брюссельской конференціи (1899 года) и утвержденныя потомъ на Парижскомъ Конгрессѣ (1900 года), — въ силу каковыхъ резолюцій на международные соціалистическіе конгрессы допускаются:

Лондонская резолюція:

1. Представители организацій, ставящихъ своею цѣлью замѣну капиталистической формы собственности и производства соціалистическою, и видящихъ въ законодательной и парламентской дѣятельности одно изъ необходимыхъ средствъ для достиженія этой цѣли.

2. Ассоціаціи чисто профессіональныя (трэдъ-юніоны), хотя и не принимающія участія въ активной политической дѣятельности, но признающія необходимость и законодательной дѣятельности, и политической борьбы; слѣдовательно, анархисты исключаются.

Брюссельская резолюція:

1. Всѣ ассоціаціи, признающія основные принципы соціализма: соціализацію средствъ производства и обмѣна; международное единеніе и международную дѣятельность рабочихъ; завоеваніе власти соціалистическимъ пролетаріатомъ, организованнымъ въ классовую партію.

2. Всѣ кооперативныя организаціи, стоящія на почвѣ классовой борьбы и признающія необходимость политической дѣятельности, слѣдовательно, законодательной и парламентской, хотя и не принимающія прямого участія въ политическомъ движеніи.

Согласно рѣшенію, принятому на собраніи Бюро отъ 7 февр. слѣдующій порядокъ былъ установленъ для утвержденія мандатовъ на Конгрессѣ.

Делегаты различныхъ національныхъ группъ явятся утромъ перваго дня Конгресса, снабженные своими мандатами, для полученія — по уплатѣ 10 фр. каждымъ делегатомъ — временнаго свидѣтельства о допущеніи, которое будетъ имъ вручено либо ихъ національной секціей, либо организаціонной коммиссіей Конгресса.

Мандаты будутъ утверждаться національными секціями по большинству мандатовъ. Въ послѣдней инстанціи утверждаетъ мандатъ самъ Конгрессъ, который вмѣшивается только въ случаѣ оспоренныхъ мандатовъ.

Для международныхъ засѣданій нанята зала Concert Gebouw въ Амстердамѣ.

Соціалистическія и профессіональныя организаціи приглашаются прислать, какъ можно скорѣе, отчетъ о рабочемъ и соціалистическомъ движеніи, о положеніи партіи въ ихъ странѣ со времени Парижскаго Конгресса 1900 г.

Просятъ своевременно адресовать отвѣтъ въ Международный Секретаріатъ, Rue Heyvaert, 63, Брюссель.

Примите, дорогіе товарищи, наши братскія привѣтствія.

Секретарь *Викторъ Сержъ*.

Международное Соціалистическое Бюро:

Англія: Г. М. Гайндманъ, Г. Квельчъ. *Германія:* И. Ауэръ, П. Зингеръ, К. Каутскій. *Аргентинская респ.:* П. Комбъ, Угартъ. *Австралія:* Ш. Эйръ. *Австрія:* В. Адлеръ, Ф. Скаретъ. *Бельгія:* Э. Вандервельдъ, Э. Ансель. *Богемія:* А. Н[illegible], Ф. Сукупъ. *Болгарія:* Н. Харлаковъ. *Данія:* П. Кнудсенъ. *Испанія:* П. Иглезіасъ, А. Г. Кехидо. *С.-А. Соед. Штаты:* Г. Д. Херронъ. *Финляндія:* І. К. Кари. *Франція:* Э. Вальянъ, А. Чиприани. *Голландія:* П. Трельстра, Г. Ванъ-Коль. *Венгрія:* І. Вельтнеръ, Е. Гарами. *Италія:* Э. Ферри, Ф. Турати. *Японія:* Сенъ Катайама. *Норвегія:* О. Крингенъ, К. Іеппесенъ. *Польша:* Б. Іендржеіовскій, Р. Люксембургъ. *Португалія:* І. Гн[illegible]. *Россія:* Г. Плехановъ. *Швеція:* Х. Брантингъ, К. [illegible]. *Швейцарія:* В. Фюргольцъ. *Сербія:* В. М Стояновичъ.

Организаціонный Комитетъ Конгресса:

Казначей: *П. Л. Такъ*, Президентъ: *Генри Полакъ*, Секретарь: *Генріетта Роландъ-Гольстъ-Ванъ-деръ-Шенкъ*.

Члены: *Ж. Ф. Анкерсмитъ, Ж. Г. Ванъ-Кійкхофъ, Ж. Лу[illegible]итъ, Ж. В. Слійпъ*.

N. B. Просятъ соціалистическіе журналы и газеты дать возможно большее распространеніе этому циркуляру.